cyberpunk/fiction

ИДОРУ

УИЛЬЯМ ГИБСОН

IDORU by William Gibson

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Япония после катастрофического землетрясения. Нанотехнологические небоскребы. Ночной клуб по мотивам Франца Кафки. «Идол молодежи, певец Рез, собирается жениться на виртуальной актрисе Рэи Тоэи»… Если настоящее иногда кажется сном, то будущее – только продолжение этого сна. В этом будущем и развивается сюжет «Идору», второй, после «Виртуального света», части «трилогии Моста» Уильяма Гибсона, отца киберпанка и культового писателя рубежа веков.

- Содержание
  - 1. Куб казни К
  - 2. «Ло Рез Скайлайн»
  - 3. Почти цивильно
  - 4. Разархивированная Венеция
  - 5. Узловые точки
  - 6. Друг
  - 7. Теплая влага жизни Элис Ширз
  - 8. Нарита
  - 9. Совсем без тормозов
  - 10. «Виски Клон»
  - 11. Коллапс новых зданий
  - 12. Мицуко
  - 13. Постижение личности
  - 14. Токийское отделение
  - 15. Акихабара
  - 16. Сона
  - 17. Стены славы
  - 18. Отаку
  - 19. Арли
  - 20. «Обезьяний бой»
  - 21. Стоялец
  - 22. Гоми-бой
  - 23. Здесь, в «Западном мире»
  - 24. Отель «Дай»[28]
  - 25. Идору
  - 26. Хак-Нам
  - 27. Настоящая жизнь
  - 28. Проблема доверия
  - 29. Ее плохая сторона
  - 30. Этруск
  - 31. Как оно в жизни бывает

    - 32. Без приглашения
    - 33. Топология
    - 34. Казино
    - 35. Испытательный стенд будущности
    - 36. Мэриэлис
    - 37. Трудовая практика
    - 38. Звезда
    - 39. Шок
    - 40. Бизнес
    - 41. Свечи и слезы
    - 42. Разъезд гостей
    - 43. Завтрак педикюрщика
    - 44. Ля пуриссима
    - 45. Счастливый
    - 46. Сказки реконструкции
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34

Содержание

Уильям Гибсон
Идору

1. Куб казни К

После «Слитскана» Лэйни услышал от Райделла о другой работе. Кто такой Райделл? Ночной охранник из «Шато». Большой, спокойный теннессиец, всегда в дешевых солнечных очках и с уоки-токи в ухе, всегда чему-то грустно улыбается.

– «Парагон-Эйша Дейтафлоу», – сказал Райделл.

Это было уже под утро, в пятом, что ли, часу, и они сидели в громадных старых креслах. Там, в вестибюле «Шато», вся мебель была такая громоздкая, что человек в ней словно как терялся, становился меньше ростом. А бетонные потолочные балки кто-то не очень убедительно раскрасил под светлый дуб.

– Да? – вежливо отозвался Лэйни, хотя откуда уж там было Райделлу знать, в каких местах его еще могут взять на работу.

– Токио, Япония, – сказал Райделл и потянул через пластиковую соломинку охлажденный кофе с молоком. – Парень, которого я встретил в том году в Сан-Франциско. Ямадзаки. Он у них работает. Говорит, они ищут серьезного нет-раннера.

Нет-раннер. Лэйни, предпочитавший считать себя исследователем, с трудом подавил печальный вздох.

– По контракту?

– Наверное. Он не говорил.

– Не очень мне что-то хочется жить в этом Токио.

Райделл покрутил соломинкой пену и кубики льда, оставшиеся на дне высокого пластикового стакана, словно в надежде обнаружить там какой-нибудь подарок от фирмы, и поднял глаза.

– Он такого не говорил, что жить обязательно там. А ты был когда-нибудь в Токио?

– Нет.

– Интересное, наверное, место, после этого землетрясения и вообще. – Уоки-токи пискнул и начал что-то нашептывать. – Ну вот, теперь мне надо проверить ворота со стороны коттеджей. Хочешь прогуляться?

– Нет, – мотнул головой Лэйни. – Спасибо.

Райделл встал. На нем был черный нейлоновый ремень, сплошь увешанный черными футлярчиками с какими-то хитрыми приспособлениями, и белая тенниска с подозрительно неподвижным черным галстуком.

– Я оставлю телефон в твоем ящике, – сказал он, привычно разглаживая складки на форменных, цвета хаки, брюках.

Райделл пересек устланное разнообразными коврами фойе и исчез где-то за темной, полированного дерева конторкой. Лэйни

смутно помнилось, что у него вроде бы были в прошлом крупные неприятности. Приятный парень. Неудачник.

Когда Лэйни покинул наконец свое кресло, сквозь высокие арочные окна уже сочился тусклый рассвет, а в темной, как пещера, столовой начала сдержанно позвякивать тайваньская нержавейка. Иммигрантские голоса, степной диалект, понятный разве что Чингисхану. Звуки отражались от выстланного терракотовой плиткой пола, от потолочных балок, чудом оставшихся со времени, когда здесь впервые появились такие, как Лэйни, или их предшественники со своей экологией известности и жуткой, нерушимой и непререкаемой иерархией взаимного пожирания.

Райделл сдержал обещание и оставил Лэйни сложенный пополам листок бумаги. Токийский номер. Лэйни извлек его из ящика на следующий день вместе с самой свежей оценкой своего гостиничного счета.

Теперь он не мог даже делать вид, будто номер в «Шато» ему по карману.

Неделю спустя в Токио он увидел свое лицо, отраженное в большом, с золотыми прожилками зеркале в лифте, поднимавшемся на четвертый этаж агрессивно-невзрачного здания «Боже Ж Ты Мой». Целью поездки был «Куб Казни К», такой себе бар по мотивам Франца Кафки.

Прямо из лифта – в длинный зал, поименованный на травленой стальной пластинке как «Превращение». Где твердозарплатники в непременных белых рубашках, скинув пиджаки и расслабив узлы непременных темных галстуков, пили за искусно изоржавленной стальной стойкой, сидя на стульях с высокими спинками из какого-то бурого, хитиноподобного пластика.[1] Над их головами хищно нависали иззубренные инсектоидные мандибулы.[2]

Лэйни окунулся в коричневый свет, в негромкий прибой разговоров. Он не знал японского. На прозрачной местами стене регулярно повторялись изображения таких же мандибул, а еще огромных жестких надкрылий и шипастых коленчатых конечностей. Он ускорил шаг, направляясь к изогнутой лестнице со ступеньками на манер блестящих коричневых панцирей.

С другой стороны за ним следили глаза русских проституток, кукольно-пустые в тусклом, тараканьем свете. Эти Наташи были тут везде, рабочие девчонки из Владивостока, товар, доставляемый Комбинатом. Элементарная пластическая операция наделяла их бездушной, конвейерной красотой. Славянские

Барби. А вживить для удобства надзирателей радиомаячок, так это еще проще.

За лестницей – «Исправительная Колония», дискотека, совершенно в такой час пустая. Лэйни пересек зал, так никого и не встретив, под беззвучные вспышки красных молний. С потолка свисал дикого вида механизм, каждая из его членистых, в стиле древнего зубоврачебного оборудования, лапок заканчивалась острым стальным шипом. «Борона», смутно вспомнил он. И эти самые – зубья, резцы. Рассказ Кафки, машина, исполняющая смертный приговор, вырезая его текст на теле осужденного. Устремленные вверх глаза. Невидящие. Он зябко передернулся, стряхивая воспоминания, и пошел дальше.

Вторая лестница, узкая и покруче, привела в «Процесс», мрачный и с низким потолком. Стены цвета антрацита. За синим стеклом трепещут языки пламени. Замешкался у входа – джет-лаг плюс проклятая куриная слепота.

– Колин Лэйни, если не ошибаюсь?

Австралиец. Огромный. Стоит за маленьким столом, по-медвежьи ссутулившись. Что-то странное в форме наголо бритой башки. И второй, гораздо меньше, сидит. Японец, клетчатая, с широченным воротником, ковбойка застегнута до самого горла. Мигает сквозь круглые стекла очков.

– Садитесь, мистер Лэйни, – сказал австралиец.

Чуть попривыкнув к темноте глазами, Лэйни рассмотрел, что у него нет левого уха, срезано чуть не начисто, остался какой-то скрученный обрубок.

Когда Лэйни работал на «Слитскан», его супервайзера звали Кэти Торранс. Светлейшая из светлых блондинок. Бледность на грани полной прозрачности, при определенных углах освещения начинало казаться, что в ней течет не кровь, а некая странная жидкость цвета свежей соломы. На ее левом бедре было пронзительно синее изображение чего-то гнутого и крученого, со множеством шипов. Дико дорогая дикарская пиктограмма. Доступная наблюдению ежепятнично, когда Кэти приходила на работу в шортах.

Она всю дорогу жаловалась, что известность очень быстро снашивается. Зациклилась, как думал Лэйни, на расхожем мнении многих поколений своих коллег.

В тот раз она сидела, закинув ноги на край своего мультистола. Абсолютно точные, разве что крошечные, копии футбольных ботинок, застегнутые на подъеме, с крепкой шнуровкой по щиколоткам. Лэйни смотрел на ее ноги, длинный, упругий взлет от грубошерстяных носков к бахроме коротко

обрезанных джинсов. Татуировка казалась чем-то инопланетным, таким себе знаком или посланием, выжженным на подручном материале кем-то из дальнего космоса на радость человечеству – пусть себе сидит и разгадывает.

Он спросил, что она имеет в виду. Кэти не спеша извлекла из упаковки беленькую, с мятным ароматом зубочистку. Лэйни сильно подозревал, что глаза, смотревшие на него сквозь мятного цвета линзы, были в действительности серыми.

– Теперь больше нету настоящих знаменитостей. Ты что, сам этого не замечаешь?

– Нет.

– Я имею в виду настоящих знаменитостей. Славы почти не осталось, если в старом смысле этого слова. Так, немножко, по мелочам.

– В старом смысле?

– Мы, Лэйни, мы – масс-медиа. Мы делаем этих засранцев знаменитыми. Подтолкнуть, вытащить, рутинная работа. Они приходят к нам, чтобы мы их слепили из чего уж там есть.

Шипастые подошвы взбрыкнули и пропали. Кэти подобрала ботинки под себя, каблуками к джинсовым бедрам, белесые коленки скрыли ее рот. И как она не сверзится со стула, неудобно же так сидеть.

– Ну и что, – заметил Лэйни, возвращаясь к своему дисплею. – Как ни крути, слава, она и есть слава.

– А она что, настоящая?

Лэйни недоуменно обернулся.

– Мы научились чеканить из этого дерьма деньги, – продолжила Кэти. – Валюта нашего околотка. А теперь мы нашлепали ее слишком много, даже аудитория начинает догадываться. Это видно по рейтингам.

Лэйни кивнул, мечтая, чтобы она оставила свой треп, дала ему поработать.

– А потому, – сказала Кэти, – иногда мы решаем уничтожить какую-нибудь ее часть.

За ней, за анодированной сеткой «Клетки», за обрамляющим прямоугольником стекла, не пропускающего внутрь ни молекулы атмосферных загрязнений, висело пустое, безукоризненно гладкое небо Бербанка, образчик небесно-голубого пигмента, предоставленный прорабом Вселенной.

Обрубок уха зарос по краю розовой, гладкой, как воск, кожицей. Странно, можно же было пришить, а потерялось – так реконструировать.

– Чтобы не забыть, – сказал австралиец, по глазам читая

мысли Лэйни.

– Не забыть что?

– Не забыть вспомнить. Садись.

Лэйни опустился на нечто если и напоминавшее стул, то лишь весьма отдаленно – хлипкую конструкцию из черных металлических прутиков и ламинированного пластика. Столик был круглый, размером с автомобильную баранку. За синим стеклом колыхались огни невесть какому богу возженных лампад. Японец в ковбойке и круглых, металлом оправленных очках яростно моргал. Австралиец сел на такой же, из обгорелых спичек, стул, полностью скрыв его под своей непомерной, как у борца сумо, горой мускулов.

– Ты вроде справился уже с джет-лагом?

– Таблетки принял.

Вспомнилась тишина в сверхзвуковом самолете, ощущение, что он вроде и не летит никуда, а застыл на месте.

– Таблетки, – повторил толстый. – Гостиница приличная?

– Да, – кивнул Лэйни. – Я готов к интервью.

– Ну что ж… – Мужик энергично помял свое лицо огромными, сплошь в шрамах руками, а затем взглянул на собеседника, словно удивляясь, откуда он взялся. Лэйни опустил глаза на нанопорный тренировочный костюм, словно снятый с кого-то другого – тоже очень крупного, но все-таки малость поменьше. Цвета не разберешь, в такой темноте все кошки серы. Расстегнут почти до середины груди. Чуть не лопается на этой чудовищной туше. Обнаженный треугольник кожи исполосован десятками разнообразнейших по форме и текстуре шрамов, речная дельта из какого-то бредового атласа. – Ну так что?

Лэйни перестал изучать шрамы и поднял глаза.

– Я насчет работы. Пришел на предварительное интервью.

– Серьезно?

– Вы интервьюер?

– Интервьюер? – Неопределенная улыбка, демонстрирующая вполне определенные вставные зубы.

Лэйни повернулся к японцу.

– Колин Лэйни.

– Синья Ямадзаки. – Японец чуть привстал и пожал Лэйни руку. – Мы с вами говорили по телефону.

– Это вы проводите интервью?

Глаза очкарика заморгали еще чаще.

– К сожалению, нет. Я занимаюсь экзистенциальной социологией.

– Я ничего не понимаю, – вышел из себя Лэйни.

Молчание. Синья Ямадзаки смущенно отводит глаза.

Одноухий нахмурился.

– Вы австралиец, – констатировал Лэйни.

– Тэззи,[3] – поправил одноухий. – В Смуту мы были за южан.

– Попробуем сначала, – предложил Лэйни. – «Парагон-Эйша Дейтафлоу». Это вы?

– Упорный, гад.

– Обстановка обязывает, – объяснил Лэйни. – В смысле профессия.

– Да и то. – Одноухий вскинул глаза. Его правую бровь рассекал розовый перекрученный жгутик шрама. – Тогда Рез. Что ты думаешь о нем?

– Это в смысле рок-звезда? – спросил Лэйни после краткого и не очень успешного сражения с проблемой контекста.

Кивок. Одноухий смотрел на него с предельной серьезностью.

– Из «Ло/Рез»? Группы? Полуирландец-полукитаец. Сломанный нос, так и не выправленный. Длинные зеленые глаза.

– Ну и что ты думаешь о нем?

В кэтиторрансовской системе отсчета этот певец воспринимался как нечто особо презренное. Она считала его живой окаменелостью, досадным пережитком давней, первобытной эпохи. Огромная, бессмысленная, как она говорила, известность вкупе со столь же огромным, бессмысленным богатством. Кэти воспринимала славу как некую тонкую материю, первозданную стихию типа флогистона, как нечто изначально распределенное по всей вселенной равномерно, но затем, при благоприятных условиях, концентрирующееся вокруг отдельных личностей и их карьер. Чтобы затем рассеяться, перераспределиться. С ее точки зрения, Рез продержался слишком уж долго. Он подрывал стройность ее теории. Он нагло бросал вызов сложившемуся порядку взаимопожирания. Возможно, все шнырявшие поблизости хищники оказались мелковаты для такой добычи, все, не исключая и «Слитскана». В результате группа «Ло/Рез» выдавала свой продукт с прямо-таки оскорбительной регулярностью в различных медиа, а их певец с упорством, достойным лучшего применения, отказывался убить кого-нибудь, связаться с политикой, признаться в неумеренном употреблении какой-либо любопытной субстанции или в неординарных сексуальных пристрастиях – сделать хоть что-нибудь, за что мог бы зацепиться «Слитскан». Он сиял, может, и тускловато, но зато устойчиво, вне досягаемости для Кэти Торранс. Что и было, по мнению Лэйни, истиной причиной ее жгучей ненависти.

– Ну, – протянул Лэйни по некотором размышлении и ощутил какое-то странное нежелание отвечать начистоту, – я купил тогда их первый альбом. Когда он только вышел.

– Название?

Одноухий стал еще серьезнее.

– «Ло Рез Скайлайн», – отрапортовал Лэйни, крайне благодарный своему мозгу, что тот выкинул эти слова на поверхность. – Но я не знаю, сколько там они выродили с того времени.

– Двадцать шесть, не считая сборников, – сказал мистер Ямадзаки и поправил свои очки.

Лэйни чувствовал, что принятые им таблетки, те, которые должны были, по идее, смягчить джет-лаг, трещат под ним и проваливаются, как некие прогнившие фармакологические леса. Стены «Процесса» сблизились. И продолжали сближаться.

– Если вы не собираетесь объяснить мне, о чем, собственно, весь этот разговор, – сказал он одноухому, – я, пожалуй, вернусь в гостиницу. Устал я, вот что.

– Кит Алан Блэкуэлл. – Лэйни пожал протянутую ему руку. Ладонь одноухого была похожа на ощупь на элемент какого-то спортивного тренажера. – Кити. Теперь мы, пожалуй, выпьем и немного поговорим.

– А может, – предложил Лэйни, – вы сперва скажете мне, каким тут местом задействована эта самая «Парагон-Эйша»?

– Упомянутая вами фирма, – вздохнул Блэкуэлл, – есть не более чем несколько строчек кода в машине, где-то там на Лайгон-стрит. Чистой воды декорация. Наша декорация, если вам от этого легче.

– Легче? – переспросил Лэйни. – Не знаю. Не уверен. Сперва привезли меня сюда для предварительного интервью, а теперь сообщаете, что компания, для которой я должен был интервьюироваться, не существует.

– Но она же существует, – возразил Кит Алан Блэкуэлл. – В машине на Лайгон-стрит.

Подошла официантка. В сером бесформенном бумажном комбинезоне и с косметическими кровоподтеками.

– Большая бочкового. «Кирин». Холодное. А вам, Лэйни.

– Кофе со льдом.

– Коку лайт.

– Вот и прекрасно, – сказал безухий Блэкуэлл, мрачно глядя вслед растворившейся во мраке официантке.

– Я был бы крайне благодарен, если бы вы объяснили мне, чем мы, собственно, здесь занимаемся, – сказал Лэйни и тут же заметил поблескивание светового карандаша; Ямадзаки увлеченно карябал что-то на экране маленького ноутбука. – Вы что, все это записываете?

– К сожалению, нет. Небольшие заметки насчет костюма

официантки.

– Зачем? – удивился Лэйни.

– Извините. – Ямадзаки сохранил записанное, выключил ноутбук и аккуратно засунул карандаш в пружинный зажим. – Я специалист по таким вещам. У меня сложилась привычка фиксировать мелкие преходящие детали народной культуры. Ее костюм вызывает естественный вопрос: является он простым отражением мотивов этого клуба или, напротив, представляет некий глубинный отклик на травмирующий опыт землетрясения и последующего восстановления?

2. «Ло Рез Скайлайн»

Они встретились в джунглях.

Келси сделала растительность: большие яркие листья, как у Руссо,[4] мультиковые орхидеи самых что ни на есть тропических расцветок (Кья сразу вспомнила сеть магазинчиков, продающих «природные» косметические средства ярчайших неизвестных природе тонов). Сона, единственная из телеприсутствовавших, непосредственно видевшая хоть что-нибудь, отдаленно похожее на настоящие джунгли, подложила аудио – пение птиц, невидимых, но очень натурально жужжащих насекомых и такое шуршание листьев, не как словно змеи ползут, а будто там какие-то пушистые зверьки, с мягкими лапами и любопытные.

Свет, какой уж он там был, сочился сквозь зеленый полог леса – совершенно, по мнению Кья, диснейлендовый, – хотя какая уж там особая необходимость в «свете», когда все это из одного света и сделано.

У Соны, как и всегда, не было тела, только синий, горящий ацтекский череп да синие призраки ладоней, мерцающие, как подсвеченные стробами голуби.

– Совершенно ясно, что эта бесхуевая шлюха, бесплотная, замыслила опутать его душу своими силками.

Подчеркивая категоричность суждения, над черепом вспыхнули стилизованные зигзаги молний.

Интересно, подумала Кья, как она выразилась в действительности? Что такое эта самая «бесхуевая шлюха» – артефакт мгновенного онлайнового перевода или по-мексикански действительно можно так выразиться?

– Мы ждем надежную подтверждающую информацию из токийского отделения, – напомнила им Келси.

Келси была из Хьюстона, дочь налогового адвоката, и на нее налипло много из папашиного лексикона, а заодно и умение ждать, вызывавшее у Кья прямое раздражение, особенно в исполнении этакой феечки из древнего «аниме» с глазами, как синие блюдечки. И ведь доведись им когда-нибудь встретиться вживую, наверняка оказалось бы, что Келси выглядит как угодно, но уж точно не так, тут уж и ждать нечего. (Саму Кья представляла разве что самую малость отредактированная версия того, как она видела себя в зеркале. Ну, может, носа чуть поменьше. Губы пополнее. Но это, собственно, и все. Почти.)

– Вот именно, – сказала Сона, в ее глазищах яростно вращались миниатюрные каменные календари. – Мы ждем. А тем временем он приближается к роковой черте. А мы тут ждем. Если

бы я и мои девочки только и делали, что ждали, «крысы» давно смели бы нас с проспектов.

Если верить Соне, у нее под началом была чиланга – девчоночья, вооруженная ножами шайка. Ну, может, и не самая крутая в Мехико-сити, но достаточно серьезная в смысле территории и авторитета. Кья не то чтобы слишком этому верила, но так было вроде как прикольно.

– Ты так думаешь? – Феечка по-эльфийски надменно вскинулась и пораженно захлопала длинными, как у Бэмби, ресницами. – А в таковом, Сона Роса, случае, почему бы тебе не слетать в Токио и не выяснить лично, что же там происходит в действительности? То есть действительно ли Рез так и сказал, что он на ней женится, или что? Ну а заодно ты могла бы выяснить, существует она все-таки или нет.

Календари остановились, превратились в десятицентовые монетки.

Синие руки исчезли.

Череп словно уплыл в головокружительную даль, оставаясь абсолютно четким, вплоть до мельчайших деталей.

Старые штучки, подумала Кья. Увиливает.

– Но ты же знаешь, что я не могу, – сказала Сона. – Без меня тут никак не обойтись. Мария Кончита, военачальница «крыс», заявила, что…

– А нам вот по фигу, чего она там заявила! – Келси взмыла к нависавшим над поляной ветвям и повисла там, голубая феечка на фоне роскошной зелени; солнечный луч выигрышно высветил невозможную, небывалую в природе правую скулу.

– Сона Роса – трепло вонючее! – заорала она не так чтобы очень феисто.

– Не лайтесь, – сказала Кья. – Пожалуйста. Ведь это же очень важно.

Келси мгновенно спустилась и взглянула на миротворицу:

– Тогда поедешь ты.

– Я?

– Ты, – кивнула феечка.

– Я не могу, – сказала Кья. – В Токио? Да как же я могу?

– Самолетом, а как еще.

– Не забывай, Келси, что у нас нет твоих денег.

– У тебя есть паспорт. Мы знаем, что есть. Твоя мать должна была выправить тебе паспорт во время всех этих дел с таможней. И мы знаем, что ты, нежно выражаясь, в одну школу уже не ходишь, а в другую – еще, так ведь?

– Да, но…

– А в чем проблема?

– Твой папаша большой налоговый адвокат!

– Ну да, – кивнула Келси, – и он летает взад-назад по всему миру, рубит капусту. Но ты знаешь, Кья, что еще он заодно зарабатывает?

– Что?

– Баллы регулярного клиента. Охуенные баллы регулярного клиента. На «Эйр Магеллан».

– Интересненько, – процедил ацтекский череп.

– Токио, – сказала разнузданная фея.

Вот же я влипла, подумала Кья.

Стена напротив ее кровати была украшена огромным, шесть на шесть футов, лазерным увеличением обложки «Ло Рез Скайлайн», их первого альбома. Не такого, как продаются сейчас, а оригинального, групповой снимок, сделанный ими для этого первого, прорывного релиза на инди-лейбле «Сучий суп». Она скачала файл с клубного сайта в первую же неделю, как вступила, а затем нашла заведение рядом с Рынком, где делали такой большой формат. Этот снимок остался для нее самым любимым, и не просто потому, как часто говорила мать, что они там еще молодые. Матери не нравилось, что члены «Ло/Рез» такие старые, примерно ее возраста. Ну почему Кья не западает на музыку своих сверстников?

– А кто там есть, мама, ну кто?

– Ну, скажем, этот самый, «Крутой Коран».

– Отстой, мама.

Кья подозревала, что мать воспринимает время совершенно не так, как она. И не в том даже дело, что месяц казался матери не таким уж и длинным промежутком, а в том, что материнское «сейчас» было поразительно узким и буквальным. Полное подчинение сводкам новостей. Кабельное питание, вроде как бессознательным пациентам жидкую кашицу через шланг закачивают. Настоящее, заточенное до вот этого вот, прямо сейчас, момента в сводке о вертолетном трафике.

Для Кья «сейчас» было цифровым, бесконечно эластичным, мгновенное вспоминание всего чего угодно, обеспечиваемое глобальными системами, совершенно ей непонятными, да и не нуждавшимися в ее понимании.

Релиз «Ло Рез Скайлайн» состоялся – если здесь применимо это слово – за неделю (вернее, за шесть дней) до рождения Кья. Кья прикидывала, что вряд ли на этот момент в Сиэтле была хоть одна жесткая копия альбома, но ей нравилось думать, что даже тогда кто-нибудь его там слушал, какие-нибудь задвинутые визионеры, шарящие по самым захолустным инди-лейблам,

вплоть до Восточно-Тайбейского «Сучьего супа».

Ну конечно же, вступительные аккорды «Позитронного предчувствия» сотрясали молекулы сиэтлского воздуха где-нибудь здесь, в каком-нибудь соседнем подвале, в решительный момент ее появления на свет. Она знала это, точно так же, как знала, что «Заклинивший пиксель» – почти что и не песня, а просто Ло терзает чуть не на помойке подобранную гитару – проигрывался где-то, когда ее мать, почти не владевшая на тот момент английским, подбирала имя для дочки из чего-то там, крутившегося по «Телемагазинному», и вот там, в палате послеродового ухода, ласковая фонетика этих слов показалась ей наиболее подходящим сочетанием английского с итальянским, в результате чего эту самую дочку (даже тогда уже рыжую) окрестили Кья Пет Маккензи (что, как узнала потом Кья, немало позабавило ее отсутствовавшего отца-канадца).

Все эти мысли всплыли в густой, хоть сапоги ею намазывай, предрассветной темноте за секунды до того, как инфракрасная мигалка будильника беззвучно приказала галогенному софиту осветить «Ло/Рез» во всей их «Сучий-суповой» славе. Рез в расстегнутой (вроде для стеба, а вроде и нет) рубахе и Ло со своей улыбочкой и всегдашними, тогда еще не очень отросшими усами.

Хай, ребята. Нашарить дистанционное. Пощелкать инфраредом в темноту. Щелк: «Эспрессоматик». Щелк: обогреватель помещения.

Под подушкой непривычные формы паспорта, нечто вроде антикварного игрового картриджа, жесткий темно-синий пластик, текстурированный под кожу, золотое тиснение: герб с орлом. Мягкая бежевая пластиковая папочка с эйр-магеллановскими билетами, полученная в молле от агента компании.

Ехать так ехать, как сказал попугай, когда кошка потащила его за хвост.

Она глубоко вздохнула. Материнский дом сделал то же самое, но вроде как неуверенно, хрустнув своими деревянными, озябшими от утреннего мороза костями.

Да, такси подъехало точно в назначенное время, все равно как по волшебству, и – нет, таксер не гудел, в точном соответствии с указаниями. Это Келси объяснила, как такие вещи делаются. Кроме того, Келси коротенько опросила Кья по основным обстоятельствам ее жизни и тут же сообразила подходящую легенду для ее отлучки из дома: десять дней на Сан-Хуанах[5] у Эстер Чен, чья богатенькая мать-луддитка настолько боялась электромагнитного излучения, что жила в своем

сооруженном из плавника и крытом дерном замке не то что без телефона, но даже без электричества.

– Скажи, – посоветовала Келси, – что ты хочешь устроить себе информационный пост, хоть на то время, пока утрясаются дела с новой школой. Ей это понравится.

Так то и вышло. Мать давно ворчала, что Кья проводит до безобразия много времени «в этих твоих гляделках и наперстках».

Кроткая, умненькая Эстер вроде бы и въезжала в музыку «Ло/Рез», но почему-то относилась к ним куда с меньшим энтузиазмом, чем следовало бы, не торчала на них. Кья любила Эстер и успела уже однажды воспользоваться гостеприимством миссис Чен в ее уединенном островном убежище. К сожалению, мамаша Эстер заставляла девиц носить специальные бейсбольные шапочки, сшитые из какой-то там ЭМИ-непроницаемой ткани, чтобы их молодые мозги хоть немного отдохнули от неощутимой, но ничуть от того не менее тлетворной электромагнитной / информационной скверны.

Кья жаловалась Эстер, что они выглядят в этих шапочках как деревня.[6]

– Не будь расисткой, Кья.

– А я и не расистка.

– Ну, классистка.

– Да нет, тут же все дело в эстетике.

И вот теперь, закидывая в жаркий, как духовка, салон такси свою единственную сумку, она подумала о матери, спавшей сейчас за этими темными, промерзшими окнами, под грузом своих тридцати пяти лет и веселенькой, в цветочек, перины, которую Кья купила ей в «Нордстроме», и тут же почувствовала себя паршивкой, вруньей. Когда Кья была маленькая, мама носила длинную косу, увешанную на конце ракушками, ну прямо волшебный хвост какого-то мифического животного, Кья ловила эту штуку и громко хохотала. И дом тоже выглядел как-то грустно, словно жалел о ее отъезде, белая краска на девяностолетней кедровой вагонке шелушилась, обнажая серую, предыдущую. А вдруг я никогда сюда не вернусь? – подумала Кья и зябко поежилась.

– Куда? – спросил водила, негр в нейлоновой пуховке и плоской клетчатой шапочке.

– «Си-Так»,[7] – сказала Кья и откинулась на спинку. Разворот, и – мимо древнего «лексуса», соседи выставили его в своем подъезде, взгромоздили на большие бетонные блоки.

В этот ранний час в аэропорту было не просто неуютно, а даже жутковато. Какая-то такая пустота, что-то такое над тобой

нависает, что-то большое, полое и грустное. Коридоры и уходящие по ним люди. Соседи в очереди, люди, которых ты никогда прежде не видел и никогда больше не увидишь. Кья переложила билет и паспорт из правой руки в левую, поправила на плече ремень сумки. Ей очень хотелось кофе. Кофе был дома, в «Эспрессоматике», вторая, так и не выпитая чашка. Нужно было хоть вылить его, а чашку вымыть, а то ведь плесенью зарастет.

– Да?

У контролера была полосатая рубашка, галстук с косой полоской эйр-магеллановских логотипов и тускло-зеленый нефрит в нижней губе. Интересно, он вынимает эту штуку на ночь? И как тогда выглядит его губа? Кья решила, что уж она-то никогда такого с собой не сделает. Она подала ему свою бежевую папочку. Мужик раскрыл папочку, вытащил билет и вздохнул, всем своим видом показывая, что она и сама могла бы это сделать.

Прошелся по билету сканером.

– «Эйр-Магеллан» один-ноль-пять до Нариты, с экономическим обратным.

– Да, все правильно, – услужливо подтвердила Кья, но мужик вроде не оценил ее стараний.

– Паспорт.

– Пожалуйста.

Мужик взглянул на паспорт так, словно в жизни не видел ничего подобного, а потом запихнул его в прорезь своей конторки. У прорези были алюминиевые закраины, сильно ободранные и обклеенные прозрачным скотчем. Скотч кое-где отставал и на этих местах густо облип с оборота грязью. Мужик смотрел на невидимый Кья монитор. Вот возьмет сейчас и скажет, что ей лететь нельзя. Кья снова вспомнила ту чашку кофе. Даже остынуть-то не успеет.

– Двадцать три «дэ», – сказал мужик, глядя, как из другой прорези выползает посадочный талон. Он взял высунувшийся из первой прорези паспорт и вернул его Кья вместе с билетом и талоном. – Выход пятьдесят два, синий зал. Багаж сдаете?

– Нет.

– Пассажиры, прошедшие проверку, могут быть подвергнуты безболезненной и безопасной, не нарушающей целостности организма процедуре взятия образцов ДНК.

Мужик выпалил это залпом, как одно кошмарно длинное слово; пассажиры и сами все знали, но по закону он обязан был их предупредить.

Кья спрятала паспорт и билет во внутренний карман парки, оставив в руке только посадочный талон, и пошла искать синий

зал. Чтобы добраться до него, ей пришлось пройти вниз и воспользоваться одним из этих поездов, которые вроде как из лифтовых кабинок, только ползут не сверху вниз, а вбок. Через полчаса она уже прошла проверку и недоуменно разглядывала пломбы, навешанные на все застежки ее сумки. Какие-то колечки из ярко-красной резинистой карамели. Кья никак этого не ожидала, она рассчитывала найти в зале отправления платный терминал, подключиться и сообщить подружкам, что пока что все в порядке. Когда она летала в Ванкувер пожить у дяди, никаких там пломб не навешивали, но это же, считай, и не международный рейс, во всяком случае, теперь, после соглашения.

Подъезжая на резиновой движущейся дорожке к пятьдесят второму выходу, она уже издалека увидела яркую синюю мигалку. Небольшой барьерчик, солдаты. Пассажиры все подходили и подходили, а солдаты выстраивали их в очередь. Все они были в камуфляже и выглядели немногим старше, чем ребята из ее последнего класса.

– Вот же мать твою, – сказала ехавшая впереди женщина, блондинка с роскошными – и, конечно же, удлиненными за счет чужих, приживленных – волосами. Большие красные губы, многослойный грим, подложенные плечи, микроскопическая красная юбочка, белые ковбойские сапоги. Вроде этой кантри-певицы, на которой торчит мама. Ашли Модин Картер. Темнота, но с деньгами.

Кья сошла с резиновой дорожки и встала в очередь за женщиной, похожей на Ашли Модин Картер.

Солдаты брали у пассажиров образцы волос и совали их паспорта в прорезь вроде той, недавней. Кья сообразила, что это чтобы проверить, правда ли ты действительно ты, ведь в паспорте записано что-то такое про твою ДНК, полосатым кодом.

Приборчик, бравший образцы, представлял собой маленькую серебряную трубочку, которая засасывала несколько прядей и обрезала их кончики. Таким манером, подумала Кья, они могут собрать крупнейшую в мире коллекцию волосяных обрезков. Подошла очередь блондинки. На проверке ДНК стояли два зеленых солдатика, один орудовал этой самой трубочкой, а другой тараторил каждому пассажиру, что, дойдя досюда, вы тем самым согласились на отбор образцов и предъявите, пожалуйста, паспорт.

Подавая свой паспорт, блондинка как-то мгновенно вспыхнула откровенной, вызывающей сексуальностью, ну словно лампочку в ней включили; сраженный лазерной улыбкой солдатик часто заморгал, сглотнул, чуть не выронил паспорт, но

затем все-таки засунул его в маленькую, подвешенную к барьеру консоль. Второй солдатик поднял свой жезл. Блондинка небрежно подцепила одну из наращенных прядей и протянула солдату ее кончик. Вся эта процедура, включая возвращение паспорта, заняла не больше восьми секунд, по лицу солдатика, бравшего у Кья паспорт, все еще гуляла глупая, мечтательная улыбка.

Блондинка прошла за барьер. Кья была почти уверена, что вот сейчас, на ее глазах было совершено тяжкое, проходящее по юрисдикции федеральных властей преступление. Сказать солдатам?

Ничего она им не сказала, а они уже отдавали ей паспорт, и она взяла его, миновала барьер и пошла к пятьдесят второму выходу. А блондинка куда-то вдруг пропала.

Потом Кья стояла и смотрела на бегающие по стенам рекламы, а потом из динамика сказали проходить на посадку, первым проходит первый ряд сидений, затем второй и так далее.

Кья ждала взлета, посасывая выданный стюардессой леденец, а место 23E все пустовало и пустовало. Единственное вроде бы пустое место во всем самолете. Если никто не придет, можно будет опустить подлокотники и прилечь. Она пыталась выставить защитное психическое поле, вайбы, которые никому не позволят прибежать в самую последнюю секунду и плюхнуться в это кресло. Сона Роса – вот кто настоящая специалистка, ведь это же одно из боевых искусств, практикуемых ее бабской шайкой. Кья никогда не понимала, ну как можно всерьез верить, что такая штука сработает.

А она и не сработала, потому что в проходе появилась та самая блондинка, и она, похоже, узнала свою соседку, а может, Кья это просто показалось.

3. Почти цивильно

Лэйни не представилось возможности полюбоваться напоследок на эту татуировку, потому что была среда. Кэти Торранс стояла посреди «Клетки», смотрела, как он подчищает свой шкафчик, и орала. На ней был серый с розовым отливом бумазейный блейзер от Армани и юбка в масть, скрывавшая послание из дальнего космоса. В расстегнутом вороте белой, мужского покроя рубашке скромно поблескивает ниточка жемчуга. Парадная форма. Сегодня Кэти вызывали на ковер, один из ее подчиненных оказался дезертиром, ренегатом, а может, и вероотступником.

Лэйни умозаключал, что ее гнев извергается из широко распахнутого рта, однако все звуки этой ярости бесследно тонули в громовом шипении генератора белого шума. Инструктируя Лэйни перед его последним визитом в «Слитскан», адвокаты настоятельно рекомендовали ему не выключать эту штуку ни на секунду. И он не должен был делать никаких заявлений. А что уж там заявляли – или орали – другие, этого он попросту не слышал.

Потом он иногда задумывался: каким конкретно образом могла она сформулировать свое бешенство? Краткое изложение все той же теории славы и ее цены с дополнениями о роли, играемой в этих делах «Слитсканом», и о неспособности Лэйни функционировать в рамках системы? Или она полностью сосредоточилась на его предательстве? Но он ничего не слышал, он попросту складывал никому не нужные вещи в мятую пластиковую коробку, все еще хранившую запах мексиканских апельсинов. Испорченный, с треснувшим экраном ноутбук, прошедший с ним через колледж. Кружка-термос с полуотклеившимся лого «Ниссан Каунти». Кое-какие заметки, написанные на бумаге, в грубое нарушение правил фирмы. Залитый кофе факс от женщины, с которой Лэйни спал в Икстапе; он уже не помнил, как ее звали, а инициалы на этой бумажке невозможно разобрать. Бессмысленные ошметки его личности, которым уготован вечный покой в ближайшем мусорном бачке. Но он хотел забрать оттуда все, подчистую, а Кэти все орала и орала.

Теперь, в кафкианском этом клубе, он подумал, что, наверное, она сказала, что он никогда не найдет работу в этом городе, и так оно, пожалуй, и есть. Предательство интересов фирмы, на которую работаешь, это и вообще один из самых серьезных проколов в биографии, а в этом городе так и самый, пожалуй, серьезный, тем более когда причиной этого

предательства стали, если выражаться языком столетней давности, «угрызения совести».

Сейчас это выражение показалось ему очень забавным.

– Вы улыбнулись, – сказал Блэкуэлл.

– Дефицит серотонина.

– Пища, – сказал Блэкуэлл.

– Да я, в общем-то, и не голодный.

– Нужно подзаправиться углеводами, – сказал Блэкуэлл и встал. Стоя, он занимал поразительно много места.

Лэйни и Ямадзаки тоже встали и последовали за австралийцем. Из тараканьего света в хром и неон каньона Роппонги-дори. В ночной промозглости – вонь тухлой рыбы и лежалых фруктов, чуть смягченная приторной сладостью китайского топливного спирта, выхлопом машин, мчащихся по экспресс-вэю. Однако ровный, привычный голос трафика успокаивал, да Лэйни и просто нравилось быть в вертикальном положении, двигаться.

Если двигаться и двигаться, он, возможно, сумеет проникнуть в смысл Кита Алена Блэкуэлла и Синьи Ямадзаки.

Блэкуэлл вел их пешеходным мостиком. Рука Лэйни, скользившая по металлическим перилам, споткнулась о небольшую неровность. Он повернул голову и встретился взглядом с голой, обворожительно улыбающейся девушкой. Маленький, с ладонь размером, голографический стикер, а неровность – какая-то складка, плохо наклеили. Угол зрения чуть изменился, и девушка указала на телефонный номер, горевший над ее головой. Весь, из конца в конец, парапет заклеен подобными рекламками, а немногие аккуратные бреши – это кто-то отодрал понравившуюся голограмму для своих личных нужд.

Мостик закончился, пешеходы на тротуаре расступились перед громадой Блэкуэлла, как прогулочные лодки перед океанским лайнером.

– Углеводы, – бросил австралиец через горный кряж своего плеча и свернул в проулок.

В тесную, многоцветно освещенную утробу, мимо круглосуточной ветеринарной клиники. За витринным стеклом два человека в белых халатах, хирурги, оперируют… кошку? Наверное, кошку. У витрины собралась небольшая кучка скучающих зевак.

Блэкуэлл боком протиснулся в яркую пещеру. Массивная, из искусственного гранита стойка, пар над варочным автоматом.

Когда подошли Лэйни и Ямадзаки, раздатчик уже раскладывал по мискам порции ароматной, жирно поблескивающей коричневой лапши.

Лэйни смотрел на Блэкуэлла. Блэкуэлл поднес миску ко рту и разом – вдохнул, что ли? – все содержимое, перерубив приставшие ко дну лапшинки одним точным движением пластиковых зубов. Мускулы на его шее мощно заходили.

Лэйни смотрел.

Блэкуэлл вытер рот тыльной стороной огромной ладони, розовым лабиринтом шрамов. Отрыгнул.

– Дай-ка нам один из этих детских рожков «сухого»…

Один глоток, и он рассеянно, словно бумажный стаканчик, раздавил пустую стальную банку. Постучал миской, привлекая внимание раздатчика.

– То же самое.

Лэйни почувствовал острый голод (из-за этой малоаппетитной сцены? Несмотря на нее?) и занялся своей собственной миской, саргассовой путаницей лапши, украшенной сверху розовыми (краска?), бумажно тонкими ломтиками мяса.

Лэйни ел молча, Ямадзаки – тоже. Блэкуэлл осушил еще три банки пива, безо всякого видимого эффекта. Когда Лэйни допил остатки бульона и поставил миску на стойку, его глаза зацепились за висевшую на стенке рекламу напитка, именуемого «Эппл Ширз Отентик Фаин Фрут Беверидж». Но сперва он прочитал «Элис Ширз». Так звали девушку, из-за которой в нем так не вовремя проснулась совесть.

«Эппл Ширз – теплая влага жизни» – сообщала реклама.

Элис Ширз, увиденная впервые на анимированных снимках на пятом месяце его работы в «Слитскане». Довольно привлекательная девушка, бормочущая свои данные воображаемым режиссерам, вербовочным агентам, неизвестно кому, кому угодно.

Он изучал лицо на экране, а Кэти Торранс – его собственное.

– Ну как, Лэйни, не заторчал? Аллергия на смазливых? Первые симптомы: постоянная раздражительность, обида на весь свет, смутное, но неотступное ощущение, что тебе делают гадости, используют в своих целях…

– Да она ж даже не такая «смазливая», как две предыдущие.

– Вот именно. Она выглядит почти нормально. Почти цивильно. Зацепи ее.

– Зачем? – повернулся Лэйни.

– Зацепи. Он может соскочить, притворяясь, что она официантка или еще что в этом роде.

– Ты думаешь, это та самая?

– Можно без труда насчитать еще сотни три кандидаток. Но ты же понимаешь, Лэйни, что надо с чего-то начинать.

– Наугад?

– Мы называем это «чутье». Зацепи ее.

Лэйни щелкнул клавишей, бледно-голубая стрелка курсора впилась в затемненное веко потупленного глаза, выделяя девушку для более тщательного изучения, как возможную любовницу некоего знаменитого артиста, чья безупречная семейная жизнь была предметом всеобщего восхищения. Вот его славу Кэти Торранс и понимала, и одобряла. Человек, не пытающийся идти против жестких законов пищевой пирамиды. Крупный, но не настолько, чтобы «Слитскан» не мог его проглотить. Правда, до настоящего времени он – и те, кто уж там им крутит, – вели себя очень осторожно. Или им просто везло.

Но хорошенького понемножку. По одному из «тайных каналов», на которые опиралась Кэти Торранс, ее ушей достиг некий слушок, так что теперь пищевая пирамида сможет заняться своим привычным делом.

– Проснитесь, – сказал Блэкуэлл. – Вы падаете лицом в миску. Расскажите лучше, как вы потеряли последнюю свою работу, иначе мы не сможем предложить вам другую.

– Кофе, – сказал Лэйни.

Лэйни особо подчеркнул, что он не вуайер, не любитель подглядывать в замочную скважину. Просто у него есть умение обращаться с информационными структурами, плюс медицински зафиксированная неспособность подолгу концентрировать внимание на одном предмете, которую он может при определенных обстоятельствах переводить в состояние патологической гиперсосредоточенности. В результате, продолжал он над кофе с молоком в одном из заведений токийского филиала «Амос + Анды», из него получился очень хороший исследователь. (Лэйни не стал упоминать ни федеральный детский приют в Гейнсвилле, ни предпринимавшиеся там попытки вылечить его от недостатка концентрации, испытания «5-SB» и все такое.)

В смысле устройства на работу существенным было только то, что он обладал интуитивной способностью подмечать информационные следы, своеобразные отпечатки пальцев, непроизвольно оставляемые каждым человеком в процессе рутинной, но бесконечно многогранной жизни в цифровом обществе. В большинстве случаев недостаток концентрации почти что и не был заметен, однако при работе на компьютере он заставлял Лэйни все время «щелкать переключателем» – перескакивать от программы к программе, от базы данных к базе

данных, от платформы к платформе, перескакивать таким… ну, скажем, интуитивным образом.

Ну и конечно же, при устройстве на работу эта интуитивность неизбежно порождала трудности: Лэйни был чем-то вроде шамана, кибернетического лозоходца. Он не мог объяснить, как он делает то, что делает. Он и сам этого не знал.

Он пришел в «Слитскан» из «Дейтамерики» со скромной должности ассистента-исследователя в проекте с кодовым названием TIDAL. К чести корпоративной культуры «Дейтамерики», Лэйни так никогда и не узнал, ни что значит это слово, ни (хотя бы отдаленно) с чем связан этот проект. Он проводил все свое время, мечась по необозримым просторам недифференцированных данных в поисках «узловых точек», различать которые обучила его группа французских ученых.

Все эти французы были страстными теннисистами, и ни один из них не обеспокоился объяснить ему, что это такое – узловые точки. Мало-помалу Лэйни начало казаться, что он – нечто вроде негра-проводника, сопровождающего европейских охотников в африканских джунглях. Они там на что-то такое охотились, а он вспугивал на них дичь. Но уж всяко там было лучше, чем в Гейнсвилле, смешно и сравнивать. А затем TIDAL, чем бы он там ни занимался, прикрыли, а другой работы ему вроде как и не нашлось. Французы уехали, а когда Лэйни пробовал поговорить с другими исследователями, мол, чем вы тут, ребята, занимаетесь, они смотрели на него, как на психа.

Когда он пришел устраиваться в «Слитскан», интервьюировала его Кэти Торранс. Он и знать не знал, что она начальница отдела и что скоро она будет его боссом, и без особых, в общем-то, раздумий рассказал ей о себе всю правду. Почти всю.

Лэйни в жизни не видел таких бледных, представить себе не мог, что такие бывают. Такая бледная, что чуть не просвечивала. (Позднее он узнал, что это наполовину от природы, а наполовину благодаря косметике, в частности некоей британской линии кремов, в рекламах которой упоминались «уникальные светопреломляющие свойства».)

– Мистер Лэйни, вы всегда носите малазийские имитации брукс-бразеровских рубашек из синего Оксфорда?

Лэйни недоуменно скосился на свою рубашку.

– Малайзия?

– Шаг строчки тик в тик, но они так еще и не научились регулировать натяжение нитки.

– О!

– Ничего. Мелкое идиотское пижонство вроде привычки

одеваться в оригиналы могло бы вызвать здесь определенный frisson.[8] Кстати, вы могли бы расслабить галстук. Непременно расслабьте галстук. И так и храните в нагрудном кармане эту очаровательную коллекцию фломастеров. Непожеванных, пожалуйста. Хорошо бы дополнить ее таким, знаете, толстым, плоским хайлайнером какого-нибудь особо мерзкого флюоресцентного оттенка.

– Вы шутите?

– Возможно, мистер Лэйни. Можно, я буду называть вас Колин?

– Конечно.

Она никогда не называла его Колин – ни тогда, ни потом.

– Вы скоро увидите, мистер Лэйни, что в «Слитскане» невозможно без юмора. Необходимый инструмент выживания. Параллельно вы увидите, что по большей части юмор бытует здесь в весьма неявной своей разновидности.

– Это как, мисс Торранс?

– Кэти. Это так, что цитировать его в докладной записке весьма затруднительно. Равно как и в судебных показаниях.

Ямадзаки был хорошим слушателем. Он молчал, сглатывал, теребил верхнюю пуговицу своей ковбойки, делал десятки других, столь же малозначительных жестов и как-то так все время этим показывал, что внимательно слушает Лэйни, не теряет нить его рассказа.

Кит Алан Блэкуэлл, этот вел себя совершенно иначе. Он сидел чудовищной грудой мяса, совершенно неподвижно, разве что иногда начинал тискать пальцами пенек своего левого уха. Блэкуэлл делал это откровенно и беззастенчиво и, как показалось Лэйни, то ли с удовольствием, то ли ради облегчения. После каждого очередного тискания рубцовая ткань благодарно розовела.

Лэйни сидел на обтянутой мягким пластиком скамейке спиной к стене. Ямадзаки и Блэкуэлл расположились по другую сторону узкого стола. За ними, над однообразно черноволосыми головами местных полуночников, на фоне неправдоподобно красочного заката в заснеженных Андах парила голографическая физиономия.

Губы шаржированного под мультфильм Амоса были как ярко-красные сосиски; где-нибудь в районе Лос-Анджелеса заведение, рискнувшее выставить такую расисткую карикатуру, быстро схлопотало бы десяток бутылок «молотов-коктейля». Трехпалая, обтянутая белой перчаткой лапища картинно держала белую же дымящуюся кофейную чашку.

Ямадзаки вежливо кашлянул.

– Продолжайте, пожалуйста. Вы делились с нами своими впечатлениями от «Слитскана».

Для начала Кэти Торранс предоставила Лэйни возможность побаловаться нет-серфингом в слитскановском стиле.

Она прихватила из «Клетки» пару компьютеров, шуганула из SBM четверых сидевших там сотрудников, пригласила Лэйни и заперла дверь. Стулья, круглый стол, на стене – большая доска, чтобы развешивать иллюстративный материал. Подключив компьютеры к дейтапортам, Кэти вызвала на оба экрана одинаковые изображения. Парень лет двадцати пяти – двадцати шести, с длинными, мышиного цвета патлами. Козлиная бородка, золотая серьга. Лицо, не означавшее для Лэйни ровно ничего. С равной вероятностью это могло быть лицо, которое он видел час назад на улице, или лицо занюханного актеришки из низкорейтинговой мыльной оперы, или лицо маньяка, в чьем морозильнике нашли несколько пластиковых мешков, битком набитых пальцами убитых людей.

– Клинтон Хиллман, – сообщила Кэти Торранс. – Парикмахер, специалист по приготовлению суси, музыкальный журналист, статист в среднебюджетной жесткой порнухе. – Она постучала по клавиатуре, натурализуя изображение. Глаза и подбородок второго, на ее экране, Клинтона сильно поубавились в размере. – Скорее всего, он сам это и делал. С профессиональной обработкой нам попросту было бы не с чего начинать.

– Он что, правда снимался в порно?

В Лэйни шевельнулась смутная жалость к Хиллману; теперь, без подбородка, он был весь какой-то жалконький, беззащитный.

– Их мало интересует размер подбородка. – Кэти машинально взглянула на экран. – Главное в порно – это действие, движения. Сверхкрупным планом. Там снимаются сплошь дублеры, одно тело, а лица приделывают потом. Но как ни крути, кто-то все равно должен вставать из окопа и пороть уродин.

– Ну если вы так считаете…

– Сделай его. – Она протянула Лэйни профессиональные, обтянутые резиной томпсоновские очки.

– Сделать?

– Его. Поищи эти самые узловые точки, о которых ты мне тут рассказывал. Этот снимок – выход на все, что о нем имеется. На все эти гигабайты зеленой тоски. Эта информация, Лэйни, подобна морю крахмального клейстера. Бескрайние просторы пошлой заурядности – или заурядной пошлости, как уж тебе больше нравится. Он скучал, Лэйни, скучал непогрешимо,

эталонно. Сделай его, доставь мне хоть малую радость. Сделай, и мы возьмем тебя на работу.

Лэйни взглянул на свой экран, на приукрашенного Хиллмана.

– Вы не сказали мне, что я должен искать.

– Все, что может заинтересовать «Слитскан». Иначе говоря, Лэйни, все, что может заинтересовать обобщенного зрителя «Слитскана». Какового можно для удобства визуализировать в виде ленивого, порочного, патологически невежественного, ненасытного существа, вечно алчущего свеженького, с кровью, мяса избранников божьих. Лично мне он представляется как нечто размером с карликового бегемота, цвета вареной картошки, на месяц забытой в кастрюле, живущее в темноте, в полном одиночестве, в отдельном домике на задворках Топеки.[9] Оно сплошь покрыто глазами и все время потеет. Пот попадает в эти глаза и щиплет их. У него, Лэйни, нету рта, нету гениталий, а потому оно может выражать свою звериную ярость и свои инфантильные желания только одним способом: переключая каналы на пульте дистанционного управления. Ну или участвуя в президентских выборах.

– «Эс-би-эм»?

Ямадзаки раскрыл свой ноутбук и вытащил световой карандашик. Лэйни не имел ничего против. С этими штуками в руках японец выглядел вроде даже как более уютно.

– Стратегический бизнес-модуль, – объяснил он. – Небольшой такой зал для совещаний. Слитскановская почтовая контора.

– Почтовая контора?

– Калифорнийская система. У сотрудников нет своих столов. Берешь в «Клетке» компьютер и телефон, тащишь туда. Если нужно много периферии, подключаешься к мультистолу. SBM предназначены для деловых встреч, но модулей постоянно не хватает – потребуется, а все заняты. Там теперь в моде виртуальные встречи, секретность выше. Все твое барахло хранится в твоем личном шкафчике. Делать распечатки не рекомендуется, а внешнюю рассылку – и тем более.

– Почему?

– Ты можешь скопировать что-нибудь из внутренней сети, а потом оно может просочиться наружу. Вот этот ваш ноутбук, его бы никогда не выпустили из «Клетки». А если ничего не делается на бумаге, они регистрируют абсолютно все: каждое соединение, каждую вызванную картинку, каждый нажим на клавишу.

– Секьюрити, – кивнул Блэкуэлл; на его щетинистом черепе играли красные отблески толстых, как автомобильные камеры, губ Амоса.

– И что же, мистер Лэйни, вы добились успеха? – спросил Ямадзаки. – Вам удалось найти эти… узловые точки?

4. Разархивированная Венеция

– А теперь заткнись, – сказала женщина с места 23Е, хотя Кья ничего и не говорила, а пробиралась себе по одиннадцатому уровню дурацкой, специально для авиапассажиров, версии «Звезданутых войн». – Сестра расскажет тебе историю.

Кья подняла голову от встроенного в спинку кресла 22Д экрана. Блондинка смотрела не на нее, а куда-то вперед. Ее экран был откинут вниз как столик, и она успела уже прикончить последний из пяти стаканов охлажденного томатного сока, которые раз за разом приносил стюард за отдельную плату. В каждом стакане зачем-то торчал квадратный, обструганный кусок сельдерейного корня, на манер соломинки или палочки для помешивания, но блондинка их даже и в рот не брала, а просто складывала на столике квадратной рамочкой, вроде как ребенок строит стены игрушечного домика или загородку для маленьких игрушечных зверюшек.

Кья посмотрела на свои пальцы, переставшие бегать по эйр-магеллановскому одноразовому тачпэду. Снова на блондинку. И встретила взгляд лихорадочно блестящих, щедро подведенных глаз.

– Есть такое место, где всегда свет, – сказала блондинка. – Яркий, везде. Ни одного темного уголка. Яркий, как туман, как словно что-то сыплется, всегда, каждую секунду. Всех, какие бывают, цветов. Башни, что верхушки и не увидишь даже, и падает свет. Внизу они нагромождают бары. Бары, и стрип-клубы, и дискотеки. Нагромождены, как коробки от обуви, один на другом. И там без разницы, как далеко ты залезла вглубь, сколько лестниц прошла, на скольких лифтах поднялась, забейся ты хоть в самую дальнюю, самую крошечную комнатку, свет все равно тебя отыщет. Свет, который взрывается из-под двери, как порох. Прекрасный, ты не представляешь себе, какой прекрасный. Взрывается под твоими веками, если ты вдруг сумеешь уснуть. Но разве ж ты захочешь спать – там. В Синдзюку. Разве захочешь?

Кья неожиданно ощутила огромный вес самолета, устрашающую невозможность его движения сквозь промерзлую ночь, над черными, невидимыми водами Тихого океана. Невозможность, ставшую будничным фактом.

– Нет.

Тем временем «Звезданутые войны» скинули ее за невнимательность уровнем ниже.

– Нет, – кивнула женщина, – ты не захочешь. Я знаю. И никто не захочет. Но они тебя заставляют. Заставляют. В самом центре

мира.

Она откинула голову на спинку, закрыла глаза и начала похрапывать.

Кья вышла из «Звезданутых войн» и убрала тачпэд в карман сидения. Ей хотелось вопить во весь голос. Что это такое? О чем она, эта женщина?

Подошедший стюард смел сельдерейные палочки в салфетку, взял пустой стакан, вытер и поднял столик.

– Моя сумка? – сказала Кья, указывая вверх. – В ящике?

Стюард открыл лючок, достал сумку, опустил ей на колени.

– А как открыть эти штуки? – Она тронула пальцем красные упругие кольца, соединившие замки молний.

Стюард потянулся к поясу и достал из маленького черного футлярчика маленький черный инструмент, сильно смахивавший на штучку, которой ветеринары стригут собакам когти. Перекусываемые кольца звонко щелкали и превращались в крошечные шарики, стюард ловко ловил эти шарики в подставленную ладонь.

– Ничего, что я это погоняю?

Она открыла сумку и показала ему «Сэндбендерс», засунутый между четырьмя парами колготок.

– Выхода в сеть отсюда нет, только в первом и в бизнес, – развел руками стюард. – А так – пожалуйста. Можете, если хотите, подключиться к дисплею в спинке кресла.

– Спасибо, – кивнула Кья. – У меня есть очки. Стюард пошел дальше.

Блондинка мерно похрапывала.

Самолет качнуло на воздушной яме, блондинка чуть сбилась с ритма и захрапела еще громче. Очки и наперстки лежали в сумке сбоку, аккуратно упакованные в чистое белье; Кья развернула их и положила на сиденье между собой и правым подлокотником. Затем она вытащила «Сэндбендерс», застегнула сумку, опустила ее на пол и затолкала ногой под переднее сиденье. Ей хотелось уйти отсюда, из этой обстановки, и чем скорее – тем лучше.

Пристроив «Сэндбендерс» себе на колени, она тронула кнопку «проверка аккумуляторов». Восемь часов в самом экономном режиме, а то и меньше. Ничего, хватит. Кья размотала вывод очков, подключила его к разъему. Выводы наперстков перепутались, как это у них принято. Не спеши, сказала она себе, только не спеши. Порвешь сенсорную ленту, и сиди здесь потом всю ночь в компании клона Ашли Модин Картер. Маленькие серебряные колпачки, гибкие каркасики, куда засовывать пальцы, спокойно, не дергайся, вот видишь, все и получилось. Теперь

повключать их. Разъем, разъем, разъем…

Блондинка что-то пробормотала во сне. Если это называется сном.

Кья взяла очки, надела их, даванула большую красную кнопку.

– И на хрен отсюда.

Так оно и было.

Она сидела на краю своей кровати и смотрела на постер «Ло Рез Скайлайн». Пока Ло не обратил на нее внимание. Он провел пальцем по своим недорослым усикам и ухмыльнулся.

– Привет, Кья.

– Привет.

Приходилось говорить почти беззвучно, чтобы вокруг не слышали, но она давно уже так умела.

– Что нового, сестричка?

– Я в самолете. Лечу в Японию.

– В Японию? Круто. Слышала наш Будокановый диск?[10]

– Знаешь, Ло, мне чего-то не хочется сейчас разговаривать.

А тем более – с виртуальным персонажем, пусть и самым милейшим.

– Как знаешь.

Ло сверкнул своей кошачьей ухмылочкой и застыл, снова стал фотографией. Кья окинула комнату взглядом и ощутила укол разочарования. Все было вроде и так, и как-то не так, не нужно было использовать эти фрактальные пакеты, которые все малость поганят, вот и в углах вроде как пыль, и вокруг выключателя какие-то потеки. Сона Роса, так та от этих штук вообще беленится. В нормальной обстановке Кья любила, чтобы конструкт был чистехонький, чище, чем сама комната после большой приборки, и теперь ей остро захотелось домой, к качественной картинке.

Движением пальцев она направила себя в гостиную, с лету проскочив мимо, считается, двери в материнскую спальню. Дверь была едва намечена, а за ней, внутри, не было никакого «внутри», интерьера. Гостиная тоже была так себе, приблизительная, мебель в ней Кья прямо скинула из старой, до «Сэндбендерса», системы «Плеймобил». В стеклянном кофейном столике (это ж во сколько лет я его сделала? В девять, вот во сколько) ходили кругами хило оцифрованные золотые рыбки. Деревья за окном были еще старее: коричневые, идеально цилиндрические стволы с ядовито зелеными ватными комьями непроработанной листвы. Если посмотреть на них подольше, там, за окном, появится Мумфалумфагус и захочет поиграть, поэтому она поспешила отвести глаза.

Кья пристроила себя на плеймобилскую кушетку и окинула взглядом программы, разбросанные по кофейному столику. Софтвер системы «Сэндбендерс» выглядел как брезентовый мешок для воды, из тех, какими пользовались когда-то в армии (вот где лишний раз пригодился любимый ее справочник «На что похожи вещи»). Потертый бурдюк выглядел на редкость натурально, с крошечными бисеринками воды, проступающими сквозь плотную ткань. Если приблизиться совсем вплотную, оказывалось, что в этих капельках отражаются самые разные вещи: участок микросхемы, напоминающий то ли вышивку бисером, то ли шкурку на горле ящерицы, длинный, пустынный пляж под серым, пасмурным небом, горы под дождем, вода ручья, бегущего по разноцветной гальке. Хорошая фирма «Сэндбендерс», самый топ. На запотевшем брезенте чуть проступала надпись: СЭНДБЕНДЕРС, ОРЕГОН, словно выгоревшая под жарким пустынным солнцем. СИСТЕМА 5.9. (У Кья были все апгрейды, вплоть до 6.3. Народ говорил, что в 6.4 полно багов.)

Рядом с бурдюком лежало ее школьное хозяйство: канцелярская папка, сильно поеденная нарочно наведенной цифровой плесенью. Нужно переформатировать, напомнила себе Кья. Стыдно же являться с таким в новую школу, детство какое-то.

Записи «Ло/Рез», альбомы, сборники и бутлеги имели вид оригинальных дисков. Все они были навалены, вроде как небрежно, рядом с архивом. Архив этот Кья собирала с того самого времени, как ее приняли в Сиэтлское отделение, и выглядел он, благодаря потрясающему обмену с одним шведским фэном, как жестяная, ярко литографированная коробка для завтрака. Сильная вещь. Кья прямо тащилась от плоской прямоугольной крышки, с которой глупо пялились мутноглазые и какие-то ошалелые, словно пыльным мешком стукнутые, Ло и Рез. Этот швед, он сканировал пять раскрашенных поверхностей с оригинала и навел их на пространственный каркас. Оригинал был вроде непальский и уж точно нелицензированный.

Сона Роса все хотела махнуться, но ничего толком не предлагала, разве что комплект не совсем приличных рекламных роликов к их пятому выступлению в Мексиканском Куполе, но ролики эти были не такие уж слишком неприличные, да и вообще скучные, так что Кья отказывалась. Другое бы дело документальный фильм, сделанный – вроде бы сделанный – одним из филиалов «Глобо» во время их бразильского турне. Вот это бы Кья хотела, а ведь Мехико, он в той же стороне, что и Бразилия.

Она пробежала пальцем по корешкам дисков (рука контурами, на кончике пальца – дрожащее пятнышко, вроде

капельки ртути) и снова задумалась о Слухе. Слухи и раньше бывали, и сейчас есть, и всегда они, слухи, будут. Был, скажем, слух про Ло и эту датскую модель, что они думают пожениться, и слух этот вполне мог быть верным, хотя свадьба так и не состоялась – ну думали, а потом передумали. И про Реза тоже всегда ходили слухи, что он то с той, то с этой. Но это ж всегда были люди. И датская модель, она тоже человек – засранка, конечно же, но все равно человек. А этот Слух – он совсем другое дело.

Какое? А для того она и летела в Токио – чтобы выяснить наконец какое.

Она выбрала «Ло Рез Скайлайн».

Виртуальная Венеция, присланная ей отцом на тринадцатилетие, выглядела, как древняя, пыльная книга, коричневая кожа переплета кое-где протерлась и стала похожей на замшу – цифровой аналог обработки джинсов в стиральной машине, набитой мячиками для гольфа. Рядом с книгой лежала серая, безликая папка с копиями свидетельства о разводе и соглашением о передаче Кья под опеку матери.

Она пододвинула Венецию к себе и раскрыла. Рыбка дернулась и на мгновение вспыхнула – прошел запуск подпрограммы.

Разархивированная Венеция.

Пьяцца в зимнем монохроме, фасады текстурированы под мрамор, порфир, шлифованный гранит, яшму, алебастр (вкусные названия минералов прокручиваются при желании в периферийном, на самом краю поля зрения, меню). Город крылатых львов и золотых коней. В недвижный час серого, нескончаемого рассвета.

Можно навестить его в одиночку, а можно с Мьюзик-мастером.

Отец – он звонил из Сингапура, поздравлял ее с днем рождения – сказал тогда, что Гитлер при своем первом и единственном посещении города смылся от сопровождения, чтобы побродить по этим улицам одному, в эти же самые предрассветные часы, совсем, наверное, спсихевший, и не ходил он, а трусил, такой собачьей трусцой.

Кья если и знала что-то про Гитлера, то исключительно из каких-то там упоминаний в песнях, но она вполне его понимала. Подняв посеребренный палец, она пронеслась над каменными плитами Пьяццы и бросила себя в головоломный лабиринт воды и мостов, арок и стен.

Она пребывала в полном неведении, что такое этот город, к чему он и зачем, но чувствовала, что он идеально подходит к

месту, им занимаемому, эти камни и эта вода, они точно, без малейшего просвета, складывались в единое таинственное целое.

Самый балдежный шмат софтвера, какой вообще бывает, и тут же пошли вступительные аккорды «Позитронного предчувствия».

5. Узловые точки

– Клинтон Эмори Холлиан, двадцать пять лет, парикмахер, специалист по суси, музыкальный журналист, статист в порнофильмах, надежный поставщик запрещенных зародышевых тканей троим более эндоморфным[11] членам группы «Дьюкс оф Ньюк'Ем»,[12] чья песня «Дитя войны в Заливе» стояла восемнадцатой в чарте «Биллборда», поминутно крутилась на «Аи лав Америка» и успела уже вызвать ряд дипломатических протестов со стороны исламских государств.

На лице Кэти Торранс появилось нечто вроде удовлетворения.

– Так что там с этими зародышевыми тканями?

– В общем-то, – сказал Лэйни, кладя очки рядом с компьютером, – мне кажется, что это может быть самым сильным моментом.

– Почему?

– Культуры непременно должны быть иракскими. Мужики особо на этом настаивают. Не хотят себе вкалывать ничего другого.

– Я беру вас на работу.

– Так сразу?

– Вам бы следовало еще сопоставить звонки в «Вентуру» со счетами за парковку и из этого гаража в «Беверли-центре». Хотя эту расхожую шуточку насчет «Деток войны в Заливе» все равно было бы трудно просмотреть.

– Секунду, секунду, – прервал ее Лэйни. – Вы что, все уже знали?

– И поставили уже в эфир, на ближайшую среду. Гвоздь программы. – Она выключила компьютер, даже не позаботившись убрать с экрана разретушированный подбородок Клинта Хиллмана. – Но сейчас, Лэйни, я получила возможность посмотреть на вас в деле. Вы настоящий. Я почти уже готова поверить, что во всей этой срани насчет узловых точек что-то есть. Некоторые из ваших шагов не имели ровно никакого логического смысла, и все же я сейчас собственными глазами видела, как вы точно вышли на материал, до которого три квалифицированных исследователя докапывались месяц с лишком. У вас это заняло менее получаса.

– Не все здесь было законно, – заметил Лэйни. – Вы имеете выход на разделы «Дейтамерики», закрытые для частных пользователей.

– А вы знаете, Лэйни, что такое подписка о неразглашении?

Ямадзаки поднял голову от ноутбука.

– Прекрасно, – кивнул он, обращаясь, похоже, к Блэкуэллу. – Да, прекрасно.

Блэкуэлл чуть сдвинул свою тушу; углеродно-волоконный каркас стула жалобно скрипнул.

– Но ведь он недолго там продержался, так ведь?

– Чуть больше шести месяцев, – уточнил Лэйни.

Шесть месяцев могут быть и очень длинным сроком, например в «Слитскане».

Он использовал большую часть своей первой месячной зарплаты на съем микрохолостяцкой квартиры в Санта-Монике, на Бродвей-авеню. Он обзавелся рубашками, более, как ему казалось, похожими на то, что носят они, в «Слитскане», а те, малайские, разжаловал в пижамы. Он купил дорогие солнечные очки и настрого запретил себе показываться на люди даже с одним-единственным фломастером, торчащим из нагрудного кармана.

В атмосфере «Слитскана» царила суховатая сдержанность. Лэйни быстро обнаружил, что его коллеги ограничивают внешне выказываемые эмоции весьма узким диапазоном. В полном соответствии со словами Кэти, здесь высоко ценили некий весьма специфический тип юмора, но и он практически никогда не вызывал смеха. Реакция на шутку ограничивалась вскинутыми глазами, кивком, много если тенью улыбки. Здесь ломались – а изредка и строились наново – жизни, рушились – либо переиначивались самым ирреальным, неожиданным образом – карьеры. Потому что деловой специализацией «Слитскана» было ритуальное кровопускание, и кровь, хлеставшая на экраны в его телепрограммах, была драгоценнейшего, сакрального свойства: кровь знаменитостей.

Способность Лэйни выудить ключевые данные из бессмысленных необозримых нагромождений случайной информации заслужила ему завистливое восхищение более опытных исследователей. Он стал любимчиком Кэти и был почти доволен, узнав, что про них уже ходят сплетни.

Реальных оснований для сплетен не было – не считая одного-единственного эпизода в Шерман-Оукс, у нее на квартире, да и тот оказался крайне неудачным. Во всяком случае, повторять не захотелось ни ему, ни ей.

Но зато Лэйни день ото дня оттачивал, фокусировал свой талант, или уж как там это назвать. К вящей радости Кэти. Он почти сросся со своими очками и слитскановским выделенным

кабелем, мгновенно переносившим его в любую точку унылых просторов «Дейтамерики». Он шел туда, куда посылала его Кэти. Он искал – и находил – узловые точки.

А ночью, перед тем как уснуть, он начинал иногда смутно подозревать, что где-то, неизвестно где, может быть и большая система, поле с куда большими перспективами. Как знать, может быть, «Дейтамерика» как целое тоже имеет свои узловые точки, инфопровалы, спустившись в которые можно обнаружить иную разновидность истины, иной способ знать и понимать, погребенный под серыми массами информации. Но только если кто-нибудь сумеет задать нужный вопрос. Лэйни не имел ни малейшего представления, что же это должен быть за вопрос, да и существует ли он вообще, но был почти уверен, что в слитскановском SBM такого вопроса не зададут, никогда.

«Слитскан» вышел из «производства реальности» и сетевых таблоидов конца двадцатого века, однако походил на них ничуть не больше, чем некое крупное, шустрое двуногое млекопитающее на своих неуклюже ползавших по мелководью пращуров. «Слитскан» был зрелым, совершенным организмом, раскинувшим свои щупальца по всему земному шару. Доходов «Слитскана» хватало на покупку целых спутников и на строительство здания в Бербанке, где и работал Лэйни.

«Слитскан» пользовался такой популярностью, что превратился в нечто похожее на древние телевизионные сети. Он поддерживался массой дополнительных и побочных программ, созданных с единственной целью – вернуть загулявшего зрителя к святая святых, к знакомому и непременно окропленному свеженькой кровью алтарю, к «Дымящемуся Зеркалу»,[13] как выражался один из коллег Лэйни, мексиканец по происхождению.

Работая в «Слитскане», нельзя было не проникнуться чувством своей сопричастности истории, или, по едкому замечанию Кэти Торранс – тому, что заменило историю. Лэйни подозревал, что сам «Слитскан» может быть одной из этих больших узловых точек, которые он пытался себе представить, некоей информационной сингулярностью, открывающей путь к глубинным, немыслимым структурам.

Что же касается узловых точек поменьше, за которыми, собственно, и посылала его Кэти в дебри «Дейтамерики», Лэйни отлавливал их и успел уже тем повлиять на результаты муниципальных выборов, на рынок фьючерсных контрактов на генные патенты, на закон об абортах в Нью-Джерси и на суматоху вокруг «Угасни в полночь» (движение, боровшееся за свободу эвтаназии, – или изуверская секта самоубийц, это уж как хотите), не говоря уж о жизнях и карьерах нескольких десятков

знаменитостей самого разнообразного толка.

И не все изменения были к худшему, даже если смотреть с точки зрения невольных героев шоу. Материал Кэти Торранс, изобличавший пагубное пристрастие членов группы «Дьюкс оф Ньюк'Ем» к иракским зародышевым тканям, мгновенно сделал их следующий альбом платиновым, а заодно привел к целой серии показательных судебных процессов и публичных казней в Багдаде (ну и что такого, думал Лэйни, там и так и так жизнь хреновая).

Сам-то Лэйни никогда не был любителем «Слитскана», что, как он подозревал, сыграло в его пользу при устройстве на работу. И не то чтобы он был противником этой программы, он просто никогда о ней особенно не задумывался, ну есть такая и есть. «Слитскан» был способом создания и подачи некоторых, не очень ему интересных новостей. «Слитскан» был местом, где ему платили зарплату.

«Слитскан» позволял Лэйни заниматься единственным делом, к которому у него был истинный, яркий талант, а потому он инстинктивно избегал думать о своей работе в терминах причин и следствий. Даже теперь, стараясь объяснить внимательному Ямадзаки свою позицию, он не замечал за собой никакой вины, никакой ответственности. Как сказала однажды Кэти, люди богатые и знаменитые редко бывают таковыми по чистой случайности. Можно по случайности стать богатым или знаменитым, но чтобы и то и другое сразу – это уж слишком.

Отдельной строкой шли знаменитости чисто временные, случайные, ни имевшие ни богатства, ни, собственно говоря, славы, – ну, скажем, убийца-маньяк или родители последней его жертвы. Их Кэти воспринимала как тяжкий крест, который она вынуждена тащить: ну что это за знаменитость, у которой нет ровно никаких качеств, делающих человека знаменитостью? Правда, к убийцам она относилась с некоторой надеждой, считая, что у них обычно имеется некоторый потенциал, пусть пока и не раскрытый.

Но все это так, между прочим, а в основном Кэти нацеливала внимание Лэйни и прочих исследователей (общим числом около трех десятков) на не предаваемые огласке аспекты жизни людей не просто известных, но добившихся своей известности вполне сознательно.

Элис Ширз пользовалась известностью разве что среди нескольких десятков своих знакомых, но вот человек, с которым у нее была связь (Лэйни это быстро подтвердил), был весьма известной личностью.

А затем до Лэйни начало доходить нечто неожиданное.

Непонятно как, но Элис Ширз знала, что он здесь, рядом, что

он за ней следит. Она словно чувствовала, что он всматривается в крошечный заливчик информационного океана, отражающий ее жизнь, в неизгладимый отпечаток, оставляемый всеми ее поступками на цифровой ткани мира.

Лэйни наблюдал за узловой точкой, формировавшейся в информационном отображении Элис Ширз.

Эта женщина решила себя убить.

6. Друг

Кья запрограммировала своего Мьюзик-мастера на сродство к мостам. Стройный молодой человек со светло-голубыми глазами и неистребимым пристрастием к длинным, развевающимся на ходу плащам, он появлялся в виртуальной Венеции на каждом мосту, которым она проходила с более-менее умеренной скоростью.

С самого начала, еще в бета-версии, он стал предметом судебного иска: юридических представителей некоего почтенного британского певца возмутило, что дизайнеры Мьюзик-мастера использовали изображения их клиента в слишком уж юном возрасте. Конфликт был разрешен во внесудебном порядке, и все последующие версии, включая и ту, которой пользовалась Кья, обладали большим сходством с теперешним оригиналом (Келси говорила, что в основном переделали его левый глаз, но почему только левый?).

Кья ввела его в программу уже при второй своей прогулке по Венеции, для компании и некоторого разнообразия, а эта фишка насчет мостов и сейчас казалась ей очень удачной. В Венеции ведь пропасть мостов, некоторые из них совсем уж крохотные, такие себе каменные ступенчатые арки, переброшенные через узенькие боковые канальчики. Там есть мост Вздохов (Кья его не любила, печальный какой-то и даже чуть жутковатый) и мост Кулаков, который она любила, в основном из-за такого названия, и много, много других. И еще есть мост Риалто, большой, горбатый и фантастически старый; по словам отца, именно там, на этом мосту, придумали банковское дело, а может, какую-то его разновидность. (Ее отец работал в банке, потому-то ему и приходилось жить в этом Сингапуре.)

Как только Кья замедлила свой бег по городу до нормальной скорости пешехода и начала подниматься по ступенькам Риалто, рядом с ней появился Мьюзик-мастер, неотразимо элегантный в своем светло-коричневом, развевающемся на ветру тренче.

– ДРУГ, – сказал он, активированный ее молчанием. – Диатоническое развертывание устойчивой гармонии. Известное также как мажорный аккорд с нисходящим басовым тоном. Бах, ария из «Сюиты номер три ре-мажор», тысяча семьсот тридцатый год. «Прокол харум», «Белее бледного»,[14] тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год.

Если взглянуть ему в глаза, она услышит музыкальные иллюстрации, звучащие словно ниоткуда и с как раз правильной громкостью. Затем еще про ДРУГ и снова иллюстрации. Но она

ввела его сюда ради компании, а не для того, чтобы слушать лекции. К сожалению, в нем не было ничего, кроме этих лекций да классной цифровой графики (голубоглазый, узкокостный блондин, умеющий носить одежду с изяществом, недоступным никому из живых людей). Он знал о музыке все, что только можно знать, – и больше ничего ни о чем.

Кья не знала, сколько продолжалась ее сегодняшняя прогулка по Венеции, здесь всегда было ее любимое время – одна минута до начала восхода.

– А про японскую музыку ты что-нибудь знаешь? – спросила она.

– Про какую именно?

– Ну, про ту, что народ слушает.

– Популярная музыка?

– Ну да, наверное.

Прежде чем продолжить, Мьюзик-мастер повернулся к Кья и сунул руки в карманы брюк, мелькнула подкладка распахнутого тренча.

– Можно начать, – сказал он, – с музыки, называемой «энка», только вряд ли она тебе понравится. – (Ну да, торговцы софтвером всегда выясняют, что тебе нравится, а что нет.) – Современная японская поп-музыка оформилась позднее, после появления так называемого «группового звука». Это было чистейшее подражание, даже не скрывавшее своей коммерческой направленности. Жиденькая смесь различных западных влияний, очень слащавая и однообразная.

– А у них правда есть исполнители, которые не существуют?

– Певцы-идолы. – Он скользнул взглядом по крутому горбу моста. – Идору. Некоторые из них пользуются бешеной популярностью.

– А бывает, чтобы кто-нибудь из-за них убил себя?

– Я не знаю. Но думаю, что такое вполне возможно.

– А чтобы кто-нибудь на них женился?

– Насколько я знаю – нет.

– А как насчет Рэи Тоэи? (А вдруг это имя произносится как-нибудь по-другому?)

– К сожалению, это имя мне незнакомо.

Мьюзик-мастер страдальчески поморщился – как и всегда, когда его спрашиваешь про музыку, появившуюся после его релиза. Ну а Кья всегда в этих случаях его жалела, хоть и понимала, что это смешно.

– Да ладно, – сказала она, закрывая глаза. – Ерунда.

И сняла очки.

После Венеции салон самолета стал еще уже, теснее –

клаустрофобная труба, забитая креслами и людьми.

Блондинка успела уже проспаться и смотрела прямо на нее с расстояния в несколько дюймов. Удалив со своего лица большую часть косметики, она почти утратила сходство с Ашли Модин Картер.

А потом она улыбнулась. Это была странная улыбка – медленная и словно многоступенчатая, ну, словно состоящая из отдельных стадий, каждая из которых проявлялась своей отдельной застенчивостью или нерешительностью.

– Мне нравится твой компьютер, – сказала блондинка. – Он выглядит, будто его смастерили индейцы, ну вроде.

Кья взглянула на «Сэндбендерса».

– Коралл, – сказала она, нажимая красную кнопку. – А тут бирюза. Вот эти, ну вроде слоновой кости, они из ядра какого-то там ореха. Никакого вреда природе.

– А все остальное – серебро?

– Алюминий. Они раскапывают на пляже старые пивные банки, плавят и отливают по-старому, в формовочный песок. А эти панели из микарты. Ткань, пропитанная какой-то смолой.

– Вот уж не знала, что индейцы делают компьютеры, – сказала женщина, трогая изогнутый бок «Сэндбендерса»; ее голос звучал нерешительно, как-то по-детски. Ноготь указательного пальца, лежавшего на компьютере, был покрыт ярко-красным лаком, начавшим уже облезать. Рука чуть вздрогнула и вернулась к ней на колени.

– Я слишком много выпила. Да к тому же все с текилой. «Витамин Т», это Эдди ее так называет. Я тут ничего такого не делала?

Кья качнула головой.

– Я когда переберу, потом, бывает, и не помню, чего я делала.

– А ты не знаешь, сколько нам еще до Токио? – спросила Кья. Надо было вроде бы что-то говорить, а ничего другого ей в голову не приходило.

– Часов десять, если не больше. – Блондинка широко зевнула. – Мутотень с этими дозвуковыми, верно? Эдди заказал мне на супер, бизнес-классом, но потом там с билетами что-то такое вышло. Эдди заказывает все билеты в Осаке, в этой такой конторе. Один раз мы летели на «Эр Франс», первым классом, так там сиденье совсем откидывается и получается кровать, и они укрывают тебя таким маленьким пледом. А еще у них там, прямо в салоне, бесплатный бар, и там бутылки стоят просто так, бери не хочу, и шампанское, и что угодно, и самая лучшая еда. – Воспоминания об эр-франсовской роскоши заметно ее приободрили. – И еще они дают тебе духи и косметику,

положенные в красивый футляр от «Эрме». Настоящая кожа. А зачем ты собралась в Токио?

– 0… – Кья чуть замялась. – Ну, в общем… У меня там подруга. Повидать подругу.

– Там все так странно. Знаешь, да? После землетрясения.

– Но они же там все наново отстроили. Ведь правда отстроили?

– Конечно, только все это делалось как-то чересчур быстро, в основном этой самой нанотехникой, которая сама растет. Эдди, он примчался туда, когда пыль еще не осела. Рассказывал, что можно было прямо видеть, как растут все эти дома, ночью. На верхушке комнаты, вроде пчелиных сотов, а стенки растут и смыкаются под ними, и дальше вверх, и дальше. Он сказал, это было вроде как смотреть, как плавится и сгорает свечка, но только наоборот. Страшно все это как-то. И без единого звука. И машины такие маленькие, что и глазом не увидишь. Они же, которые эти, они могут прямо тебе в тело забраться, ты это знаешь?

Кья чувствовала, что еще немного, и эта красавица сама себя запугает до полной истерики.

– Эдди? – переспросила она, надеясь сменить предмет разговора.

– Эдди, он вроде как бизнесмен. Он приехал в Японию, чтобы делать деньги после землетрясения. Он говорил, что там тогда вся инфра… инфра… вся структура распалась. Он говорил, что из нее, ну, будто вынули позвоночник, так что можно было прийти и укорениться в ней, только быстро, пока она не выздоровела и снова не затвердела. Ну и она потом выздоровела и затвердела вокруг Эдди, словно он какой пересаженный орган или что еще, и теперь он стал частью инфра… инфра…

– Инфраструктуры.

– Структуры. Да, точно. И теперь он намертво подключился ко всем этим деньжищам. У него и просто недвижимость, и всякие там клубы, и у него дела и в музыке, и в видео, и не знаю в чем.

Кья наклонилась, вытащила из-под переднего сиденья свою сумку и спрятала туда «Сэндбендерса».

– А ты что, там и живешь, в Токио?

– И там, и не только там.

– Тебе там нравится?

– Там все… я… ну… перекошено как-то, понимаешь? Не как в других местах. На них обрушилось такое, ну, огромное, а потом они все починили, и это было, пожалуй, еще огромнее, еще большая перемена, а теперь все они ходят там и делают вид, что

ничего у них там и не случилось, ничего не случилось. Но ты знаешь что?

– Что?

– Посмотри на карту. И на старую карту. Так вот, там же многое, очень многое, даже не там, где оно было раньше. И даже не рядом. Ну, конечно, кое-что осталось на месте – императорский дворец, экспресс-вей, ратуша эта здоровая в Синдзюку, но все остальное они ну просто сделали наново. Они сгребли все, что осталось после землетрясения в воду, как мусор, а теперь еще ведут на этом мусоре строительство. Новые острова.

– Прости, пожалуйста, – сказала Кья, – но вчера я поздно легла, а сегодня рано встала, совсем глаза слипаются. Посплю я немного, а то ведь так и сломаться можно.

– Меня звать Мэриэлис. В одно слово.

– А меня – Кья.

Кья закрыла глаза и попробовала откинуть спинку сиденья чуть подальше, однако оказалось, что та и так на пределе.

– Красивое имя, – сказала Мэриэлис.

Кья вздохнула и устроилась поудобнее. Сквозь рев двигателей ей будто слышался Мьюзик-мастеровый ДРУГ – уже и не звуки, а вроде часть ее самое. Белее, что ли, бледного или как-то так, но разобрать было почти невозможно.

7. Теплая влага жизни Элис Ширз

– Она думает покончить жизнь самоубийством, – сказал Лэйни.

– Почему?

Кэти Торранс неспешно пила кофе. Понедельничный вечер в «Клетке».

– Потому что она знает. Она чувствует, как я за ней слежу.

– Уймись, Лэйни. Это невозможно.

– Она знает.

– Ты не «следишь» за ней. Она ежесекундно порождает информацию – так же, как и все мы, а ты исследуешь эту информацию. Она не может об этом знать.

– Не может, но знает.

Белая чашка негромко клацнула о блюдце.

– Хорошо, но ты-то сам, ты-то откуда знаешь, что она знает? Ты просматриваешь список ее телефонных разговоров, узнаешь, какие программы она смотрит и когда, какую слушает музыку. Ну как ты можешь знать, что она ощущает твое внимание?

По узловой точке, хотел сказать Лэйни. Но не сказал.

– Мне кажется, ты просто переработал. Пять дней отпуска.

– Да нет, я уж лучше…

– Я не могу позволить, чтобы ты сжег себя, убыток для фирмы. Я знаю эти симптомы. Отпуск для отдыха, со стопроцентной оплатой, пять суток.

И бонус на оплату поездки. Кэти не поскупилась. Через посредство слитскановского транспортного агентства Лэйни получил номер в выдолбленной изнутри вершине горы. Какой-то шибко продвинутый дизайнер расставил по зеркально-гладкому бетонному полу гостиничного фойе огромные каменные шары. Стены фойе были сплошь из стекла: древние, как мир, игуаны философически взирали на портье и его подручных, яркая зелень чешуи на пыльно-коричневом фоне каких-то местных растений.

Женщина, с которой познакомился Лэйни, сказала, что редактирует торшеры для некоего сан-францисского дизайнерского бюро. Вторник, вечер. Он прилетел в Мексику три часа назад. Коктейли в гостиничном баре.

– Редактируешь торшеры? – удивился он. – А это как?

Последнее время Лэйни стал подмечать, что лично его не заинтересовала бы ни одна из тех работ, смысл которых понятен с первого слова, из одного уже названия. Сам он отвечал любопытствующим, что занимается количественным анализом, даже не пытаясь что-то такое рассказывать про узловые точки и

Кэти Торранс с ее теорией славы и известности.

Женщина сказала, что ее компания выпускает малотиражную мебель и аксессуары, в частности торшеры. Делают все это не в одном цехе, а что где, по преимуществу в Северной Калифорнии. Надомное производство. Один человек может подрядиться изготовить двести гранитных подставок, другой – согнуть двести стальных трубок и покрасить их в синий цвет некоего весьма специфического оттенка. Она достала свой ноутбук и показала ему анимированные эскизы. Болезненно тощие, сплошь из каких-то палочек торшеры живо напомнили Лэйни недавнюю передачу по каналу «Природа» об африканских насекомых.

Так это что, она придумывает? Нет. Их конструируют в России, в Москве. А она – редактор. Она подбирает поставщиков комплектующих. Она осуществляет надзор за изготовлением отдельных элементов, доставкой их в Сан-Франциско и сборкой на производственных площадях бывшего консервного заводика. Если техническая документация предусматривает использование чего-то там такого, чего никак не достать, она либо подыскивает нового поставщика, либо вырабатывает некий компромисс в смысле материала и технологии.

Лэйни спросил, а кто же такое покупает? Люди, которые хотят иметь вещи, которых ни у кого больше нет, объяснила женщина. А ей нравится эта работа? Да. Потому что ей и вообще нравится этот русский дизайн, да и люди, которые делают составные элементы, они тоже очень приятные, чаще всего. А больше всего ей нравится создавать что-то такое, чего раньше в мире не было, смотреть, как присланные из Москвы чертежи превращаются в осязаемые предметы, стоящие на полу бывшего консервного завода.

Сперва их нет, говорила она, а в один прекрасный день они тут, перед тобой, ты можешь посмотреть на них и потрогать их, и понять, хорошо это или нет.

Лэйни задумался над ее словами. Женщина сидела и молчала, серьезная и спокойная. Тени, исполосовавшие блестящий, словно лакированный бетонный пол ползли с почти ощутимой скоростью.

Он накрыл ее руки своими.

И потрогать их, и понять, хорошо это или нет.

До восхода оставались какие-то минуты, торшерная редакторша мирно спала на его кровати, а он стоял на балконе и смотрел, как светлеет небо над заливом, как растворяется в зачинающемся дне молочно-бледная, полупрозрачная луна.

Ночью в федеральном округе – это где-то там, на востоке, –

был совершен теракт, ракетный обстрел, сопровождавшийся паническими слухами о применении химического оружия. Очередной эпизод одной из малопонятных, ни на секунду не стихающих войн, которые стали уже настолько привычными, что трудно даже представить себе мир, где их нет.

Внизу, на деревьях, просыпались птицы, звуки, знакомые ему еще по Гейнсвиллскому приюту, по другим, давним рассветам.

Кэти Торранс изъявила свое удовлетворение видом Лэйни. Она сказала, что он заметно посвежел.

Лэйни сильно подозревал, что следующий отпуск может оказаться бессрочным, а потому тут же и без дальнейших комментариев отправился бороздить мир «Дейтамерики». Кэти поглядывала на него, как искушенный ремесленник на ценный инструмент, на котором появились первые микроскопические трещинки.

За прошедшую неделю узловая точка несколько изменилась, хотя описать это изменение словами было бы крайне затруднительно. Лэйни скрупулезно изучил бесчисленные обрывки информации, нагромоздившиеся вокруг Элис Ширз в его отсутствие, пытаясь нащупать причину своих недавних предчувствий. Он прослушал музыку, которую вызывала Элис за последние дни, в том же, что и она, порядке, песню за песней. Выбор оказался более жизнеутверждающим, чем прежде; она перешла на нового провайдера, «Апфул групвайн», чей неустанно позитивный продукт был музыкальным эквивалентом «Канала добрых новостей».

Сопоставив расходы Элис с документацией оптовика, предоставлявшего ей кредит, и его розничной сети, Лэйни составил список всех ее покупок за неделю. Шестибаночная упаковка пива, пачка лезвий для канцелярского ножа «токкай». Ну да, у нее же вроде был такой. Но тут ему вспомнилось предостережение Кэти, что именно в этой части исследования возможны подсознательные искажения, подробное знакомство исследователя с делами объекта исследований ведет к утрате перспективы. «Не забывайте, Лэйни, что все мы очень легко идентифицируем себя с другими людьми на покупательском уровне. В наше время человек – существо покупающее. Если вы однажды заметите, что сменили бренд замороженной фасоли сразу после того, как это сделал объект, – берегитесь».

В многоэтажных гаражах парковочные площадки наклонные, из-за этого пол его квартиры, располагавшейся в бывшем гараже, был устроен ступеньками. Спал он в глубоком конце комнаты на

надувной гостевой кровати, заказанной в «Телемагазине». Окон в квартире не было. Санитарные правила предусматривали освещение безоконных жилых помещений при помощи светового насоса, поэтому потолочная панель иногда сочилась воссозданным солнечным светом, но Лэйни этого почти и не видел, он редко возвращался с работы засветло.

Он сидел на податливом, скользком крае пластиковой надувашки и пытался представить себе Элис Ширз в ее квартире на Фаунтан-авеню. Он знал, что у нее там просторнее, чем у него, но не слишком. Окна. Платит за квартиру, как установил в конце концов «Слитскан», этот самый женатый артист. Платит по хитрой цепочке подставных счетов, но это и не важно, главное, что платит. Из своей заначки, как выражалась Кэти Торранс.

Он мог охватить умом всю жизненную историю Элис Ширз сразу, как единый объект, как идеально детализированную модель чего-то вполне заурядного, но при этом чудесного, ярко освещенную его же собственным пристальным взглядом. Он не был с ней знаком, в жизни не перебросился ни единым словом, но все равно знал ее так, как никогда не узнает никто другой. Никакие супруги не знают друг друга с такой подробностью. Психи, по пятам преследующие предмет своей одержимости, очень хотели бы знать его подобным образом, но это всегда остается для них недостижимой мечтой.

Так оно продолжалось до той ночи, когда он проснулся с тупой пульсирующей болью в голове. Жара и духота, что в твоей Флориде, опять у них там что-то с кондиционером. Синяя рубашка противно липнет к рукам и спине. Интересно, что она сейчас делает?

Не спит, смотрит на освещенный уличными фонарями потолок и слушает «Апфул групвайн»?

Кэти опасалась, не едет ли у него крыша. Лэйни посмотрел на свои руки, как на что-то постороннее. Он смотрел на них, словно видел впервые в жизни.

Он вспомнил 5-SB в приюте. Вкус, появляющийся уже после укола, сразу. Ржавый металл. Плацебо не давало никакого вкуса.

Лэйни встал с кровати. Кухонный уголок тут же проснулся. Откатилась дверца холодильника. На белых пластиковых прутиках одной из полок уныло обвис почерневший листик салата. На другой полке – недопитая бутылка воды «Эвиан». Он накрыл салатный листик куполом из сложенных ладоней, стараясь ощутить радиацию его гниения, какую-нибудь там тонкую жизненную силу, или оргоны, кванты энергии, не воспринимаемой физическими приборами.[15]

Элис Ширз решила покончить с собой. Он знал это, знал

абсолютно точно. Непонятно как, но он различил это в ворохе случайной информации, порожденной этой женщиной при ее соприкосновениях с миром вещей.

– Эй, там, – сказал холодильник. – Нельзя же так долго держать меня открытым.

Лэйни молчал.

– Так что, приятель, так и будешь держать дверцу открытой? Ты же знаешь, что это мешает автоматическому размо…

– Стихни.

Ладоням стало получше. Попрохладнее.

Лэйни держал руки в холодильнике, пока совсем не застыли, а затем вынул их и прижал пальцы к вискам; холодильник не упустил такой возможности и торопливо закрылся, воздержавшись, однако, от комментариев.

Лэйни даже не стал снимать мятую, пропотевшую малайзийскую рубашку. Двадцать минут спустя он уже ехал в Голливуд. Одинокие фигуры на платформе метро, мелькающие за окнами отходящего поезда.

– Насколько я понимаю, вы не считаете это сознательным решением, верно? – Блэкуэлл снова помял обрубок своего левого уха.

– Нет, – качнул головой Лэйни. – Я и сейчас не очень понимаю, что я собирался сделать.

– Вы пытались ее спасти. Эту девушку.

– У меня было ощущение, словно что-то лопнуло. Резинка какая-то. Я чувствовал, что меня туда тянет.

Лэйни вышел из метро на станции Сансет и торопливо зашагал по уходившей вниз улице. Где-то на полпути он увидел человека, поливавшего свой газон, прямоугольник размером с два биллиардных стола, освещенный медицинским сиянием соседнего уличного фонаря. На ярко-зеленых, идеально гладких пластиковых травинках блестели крупные капли воды. Пластиковый газон был отгорожен от улицы стальным забором. Массивные, как в тюрьме, вертикальные брусья, увенчанные блестящей, без единого пятнышка ржавчины спиралью бритвенно-острой колючей проволоки. Домик полуночного поливальщика был немногим больше его газона – пережиток полузабытых дней, когда по всему этому склону стояли одноэтажные дачки. Некоторые из них все еще сохранились – крошечные строеньица, заткнутые между однообразно разнообразными, сплошь в балконах, фасадами кондоминиумов и жилых комплексов, последние напоминания о том времени, когда этот район еще не

входил в состав города. Лэйни чувствовал запах апельсинов, а может, это ему просто казалось, во всяком случае, апельсиновых деревьев не было видно.

Человек со шлангом поднял голову, его глаза прятались за черными нашлепками видеокамер, напрямую связанных с оптическими нервами. Слепой. Неприятное ощущение, никогда не понимаешь, смотрит такой на тебя или нет.

Лэйни пошел дальше, сквозь путаницу сонных улиц и мимолетный запах цветущих деревьев, доверив выбор пути тому непонятному чувству, которое вынудило его сорваться из дома и приехать сюда. Где-то на Санта-Монике взвизгнули тормоза.

Через пятнадцать минут он был уже на Фаунтан-авеню, перед ее домом. Остановился. Взглянул вверх. Пятый этаж. Квартира пятьсот два.

Узловая точка.

– Вам не хочется об этом говорить?

Лэйни поднял глаза от пустой чашки и встретил внимательный взгляд Блэкуэлла.

– Я никогда еще этого никому не рассказывал, – сказал он, ничуть не погрешив против истины.

– Погуляем немного.

Огромная туша Блэкуэлла поднялась безо всяких видимых усилий, всплыла, как гротескный воздушный шарик. «Это какой же теперь час? – подумал Лэйни. – Здесь, в Токио. А, какая разница. Главное – какой сейчас час в Лос-Анджелесе?» О счете позаботился Ямадзаки.

Лэйни вышел вместе с ними под сыплющуюся с неба морось, которая превратила мостовую в сплошной потоп черных, ритмично подпрыгивающих зонтиков. Ямадзаки извлек из кармана черный предмет размером с визитную карточку, но чуть потолще. Резко его согнул. Предмет расцвел черным зонтиком. Ямадзаки отдал зонтик Лэйни. Сухая, чуть тепловатая, бесплотно-невесомая ручка.

– А как его потом складывают?

– Их не складывают, – сказал Ямадзаки, раскрывая второй зонтик для себя. – Их просто выкидывают.

Бритоголовый, одетый в нанопору Блэкуэлл не обращал на дождь никакого внимания.

– Мистер Лэйни, – сказал Ямадзаки, – вы не могли бы, пожалуйста, продолжить ваш рассказ.

В просвете между двумя высотными зданиями маячило третье, еще выше. Лэйни увидел на его фасаде огромные, смутно знакомые лица, искаженные непонятной мукой.

«Слитскан» брал со всех сотрудников подписку о неразглашении, чтобы по возможности скрыть те случаи, когда он использовал свои связи с «Дейтамерикой» для незаконного проникновения в частную информацию. По опыту Лэйни такое происходило сплошь и рядом, особенно на глубинных, продвинутых уровнях исследования. Так как Лэйни успел уже близко познакомиться с «Дейтамерикой», он не находил в этом ничего особо удивительного. «Дейтамерика» давно уже стала чем-то вроде суверенного государства; во многих отношениях она сама устанавливала для себя законы.

Длительная слежка за Элис Ширз также была связана с массой незаконных действий, одно из которых дало Лэйни коды, требовавшиеся, чтобы попасть в ее дом, активировать лифт, отпереть дверь ее квартиры, а также две цифры, без которых все предыдущие коды срабатывали, однако параллельно вызывалась вооруженная охрана. (Это давало некоторую страховку против популярной в последнее время преступной техники проникновения в квартиру, при которой жильца подстерегали в парковочном гараже и заставляли выдать свои коды.) Элис выбрала для страховочного кода число двадцать три, ее возраст годом раньше, когда она въехала в этот дом и подписалась на услуги охраны.

Эти-то цифры и шептал Лэйни, стоя перед восьмиэтажным зданием, фасад которого отражал чьи-то весьма смутные представления о неотюдорском стиле. Первые лучи лос-анджелесского рассвета прорисовали этот архитектурный кошмар с дотошной, всеобъемлющей подробностью.

Двадцать три.

– А потом, – подсказал Блэкуэлл, – вы попросту взяли и вошли. Понажимали эти самые коды, бах – и вы там.

Они стояли на переходе в ожидании зеленого света.

– Бах.

Стены холла сплошь в зеркалах, и – ни звука. Словно в вакууме. Он пересек просторы чистого, новехонького ковра в компании дюжины отраженных Лэйни. Вошел в лифт, где пахло чем-то цветочным, и использовал следующую часть кода. Лифт поднялся на пятый этаж. Двери лифта раздвинулись. Новехонькая ковровая дорожка. Под свежим слоем нежно-бежевой краски проступают легкие неровности старомодной штукатурки.

Пятьсот два.

– Да что же это такое ты делаешь? – громко спросил Лэйни.

Он не знал и никогда не узнает, кого он тогда спрашивал. Себя или Элис Ширз.

На него уставился старинный, в медной оправе дверной глазок, наполовину затянутый бельмом бежевой краски.

Наборная панель заподлицо со стальной основой двери, чуть пониже глазка. Он смотрел на свой палец, нажимавший по очереди кнопки.

Двадцать три.

Но Элис Ширз, совершенно голая, открыла дверь сама еще до того, как сработал код. За ее спиной весело гремела музыка. «Апфул групвайн». Лэйни отчаянно вцепился в скользкие от крови запястья и увидел в глазах Элис даже не укор, а простое узнавание. Этот момент запомнился ему навсегда.

– Не получается, – сказала она, словно жалуясь на какую-то неполадку в домашней технике; Лэйни громко всхлипнул, чего не случалось с ним уже много лет, с раннего детства. Нужно было осмотреть эти запястья, но он не мог, потому что держал их в руках. Он повел ее спиной вперед к плетеному креслу, неизвестно когда и как им замеченному.

– Сядь, – сказал он ей, как упрямому ребенку, и она села. Затем он отпустил ее запястья. Метнулся туда, где вроде бы должна была быть ванная. Схватил полотенца и нечто вроде пластыря.

А потом словно безо всяких промежуточных этапов оказалось, что он стоит рядом с ней на коленях. Ее руки лежали красными ладонями вверх, красные пальцы чуть согнуты, как в медитации. Он намотал на ее левое запястье маленькое темно-зеленое полотенце, прихватил его сверху пластырем, только это был не пластырь, а такая бежевая резинистая лента, которой прикрывают отдельные участки кожи при наложении аэрозольной косметики. Он знал это из данных о ее покупках.

А может, там, под этой липкой красной массой, ее пальцы уже синеют? Он вскинул глаза. В то же самое узнавание. Левая скула измазана кровью.

– Не надо, – сказал Лэйни.

– Уже почти и не течет.

Он взял рулончик пластыря в зубы и начал наматывать полотенце на правое запястье.

– Я промахнулась мимо вены.

– Сиди спокойно.

Лэйни вскочил, чтобы закончить перевязку стоя, но запутался в собственных ногах, рухнул лицом вниз и сломал себе переносицу об – как он заметил в самый последний момент – одно из творений редакторши торшеров. Впечатление было такое,

словно ковер поднялся и швырнул эту штуку ему в лицо.

– Элис…

Ее щиколотка, метнувшаяся мимо него к кухне.

– Элис! Сядь на место!

– Прости, пожалуйста.

Хотя вполне возможно, что ничего она не говорила и ему это просто померещилось. А затем выстрел.

Блэкуэлл громко вздохнул, его плечи тяжело поднялись, задержались, словно в неуверенности, что им делать дальше, и упали. В очках Ямадзаки дрожали и переливались яркие разноцветные пятнышки, стены здесь были сплошь в неоне, освещение на зависть Лас-Вегасу, каждая поверхность сверкает и дергается. Блэкуэлл смотрел на Лэйни и молчал.

– Сюда, – сказал он в конце концов и свернул за угол, в относительную темноту, чуть подкрашенную запахом мочи. Лэйни, а затем и Ямадзаки последовали за ним. Узкий проулок вывел их в сказочную страну.

Ни неона, ни даже обычных уличных фонарей. Мягкий, без теней свет из окон тактично отступивших небоскребов. Крошечные, вроде древних купальных кабинок на каком-нибудь заброшенном пляже, строеньица помечены черными иероглифами, аккуратно выведенными на аскетичных, размером с большую поздравительную открытку прямоугольниках белого матового стекла. Тесно поставленные вдоль одной стороны мощенного булыжником переулка, они были похожи на закрытые, лишь для избранных зрителей, аттракционы некоего тайного городского цирка. Бруски поседевшего от старости кедра, промасленная бумага, соломенные циновки, никаких признаков времени, века, кроме разве что электрической подсветки стеклянных табличек.

Лэйни даже не пытался скрыть свое удивление. Такое могли построить гномы. Или эльфы. Но уж никак не люди.

– Золотая улица, – сказал Кит Алан Блэкуэлл.

8. Нарита

Кья шла к выходу, дыша в затылок Мэриэлис, которая приняла на грудь еще пару витаминизированных коктейлей, а потом засела в туалетной кабинке на добрые двадцать минут, расчесывая свои лохмы и накладывая грим. Результат этого трудоемкого процесса напоминал не столько Ашли Модин Картер, сколько что-то такое, на чем Ашли Модин Картер спала.

Когда Кья встала, ей пришлось вроде как отдавать своему телу отдельные приказы на каждое требуемое действие. Ноги: шагайте.

Нужно будет пару часов поспать, обязательно, а то ведь куда так. Она уложила «Сэндбендерса» назад в сумку и теперь брела нога за ногу следом за Мэриэлис, шаркавшей белыми ковбойскими сапогами по узкому самолетному проходу.

Высадка заняла целую вечность, но в конце концов они все-таки оказались в коридоре аэропорта под огромными логотипами, знакомыми Кья чуть ли не с внутриутробного развития, все эти японские компании, и толпа народу, и все идут в одну сторону.

– Ты сдавала что-нибудь в багаж? – спросила Мэриэлис.

– Нет, – сказала Кья.

Теперь Кья шла первой, а Мэриэлис – сзади. На паспортном контроле Кья предъявила японскому полицейскому паспорт и смарт-карту «Кэшфлоу»; Сона Роса, это она заставила Келси выписать эту карточку, напирая на то, что все это ее, Келси, идея. Теоретически расходы по карточке ограничивались суммой, какая имелась в казне сиэтлского отделения, но Кья подозревала, что в конечном итоге Келси, глазом не моргнув, оплатит все расходы и не сильно от этого обеднеет.

Полицейский вытащил паспорт из прорези сканера и вернул ей, карточка его и вообще не заинтересовала.

– Максимальное пребывание две недели, – сказал он и кивнул Кья проходить дальше.

Матовое стекло отъехало и впустило ее в зал. Толкучка в зале – куда там «Си-Таку», это ж сколько самолетов должно прилететь сразу, чтобы выгрузить всех этих людей, ждущих своего багажа. Кья посторонилась, пропуская маленького робота с горой чемоданов. У робота были розовые резиновые колеса, он пробирался сквозь толпу, дебильно крутя большими мультяшковыми глазами.

– И все совсем просто.

Кья оглянулась и увидела, как Мэриэлис глубоко вздохнула,

задержала дыхание и медленно выдохнула. Глаза у нее были совсем измученные, как от дикой головной боли.

– А куда тут, чтобы сесть на поезд? – спросила Кья. В «Сэндбендерсе» были любые карты, но не хотелось его доставать.

– Вон туда, – сказала Мэриэлис.

Следуя за Мэриэлис, Кья пробиралась сквозь толпу, придерживая рукой сумку, чтобы не цепляться за людей. В конечном итоге они оказались перед «каруселью», на которую выползали с наклонного лотка сумки и чемоданы.

– Один, – сказала Мэриэлис, выхватывая черный чемодан, сказала с такой натужной радостью, что Кья даже обернулась. – И… два.

Второй точно такой же, только с ярким стикером «Ниссан Каунти», третьего по размеру калифорнийского парка аттракционов.

– Лапочка, ты не против понести его немного? У меня после этих самолетов всегда спина отказывает.

И, не дожидаясь ответа, нагрузила Кья вторым, со стикером, чемоданом. Чемодан был, в общем-то, не слишком тяжелый, словно полупустой, но зато очень большой, Кья приходилось сильно наклоняться в другую сторону, чтобы он не волочился по земле.

– Спасибочки, – сказала Мэриэлис. – Вот, держи. – Она сунула ей мятый бумажный квадратик с полосатым кодом. – Это квитанция. А теперь… нам сюда…

Теперь, с чемоданом, проталкиваться сквозь толпу стало куда труднее. Кья напрягла все свое внимание, чтобы не наступать людям на ноги и не слишком толкать их чемоданом, а потом и сама не заметила, как отстала от Мэриэлис. Она осмотрелась по сторонам в надежде, что где-нибудь из толпы торчит знакомая, с наращенными волосами, голова этой жердины, но Мэриэлис как сквозь землю провалилась.

ВСЕ ПРИБЫВШИЕ ПАССАЖИРЫ ДОЛЖНЫ ПРОЙТИ ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ.

Буквы задрожали и изогнулись, стали японскими, а потом снова английскими.

Таможня так таможня. Она встала в очередь за мужчиной в красной кожаной куртке с надписью «Столкновение концепций» во всю спину серыми ворсистыми буквами. Кья смотрела на эту надпись, пытаясь представить себе, как концепции сталкиваются, что, надо думать, само по себе являлось отдельной, самостоятельной концепцией, а потом подумала, что, может, это просто название авторемонтной фирмы или один из этих японских слоганов, переведенных ими на английский, которые

вроде как что-то и значат, а вдумаешься, так чушь. Серьезная все-таки вещь этот транстихоокеанский джет-лаг, по мозгам шибает.

– Следующий.

Они пропускали чемодан «Столкновения концепций» через машину размером с двуспальную кровать, но сильно выше. Они – это чиновник в таком вроде как видеошлеме, смотревший, надо думать, что там выдают сканеры, и просто полицейский, чтобы взять у тебя паспорт, засунуть его в щель, а затем скормить твой багаж машине. Сперва Кья дала полицейскому Мэриэлисовый чемодан, и он хлопнул его на ленту транспортера.

– Здесь у меня компьютер, – сказала Кья, протягивая ему сумку. – Как там эти сканеры, ничего ему не сделают?

Полицейский словно не слышал. Сумка поползла в машину следом за чемоданом.

Чиновник в шлеме, закрывавшем ему глаза, крутил головой из стороны в сторону, переключая таким образом меню.

– Багажная квитанция, – сказал полицейский, и Кья вспомнила о бумажном квадратике, еще больше смявшемся от пребывания в ее кулаке. Странно, подумала она, с чего это Мэриэлис мне ее дала, а теперь вот удачно вышло. Полицейский провел по квитанции сканером.

– Вы сами укладывали эти сумки? – спросил чиновник в шлеме. Он, конечно же, не видел ее прямо, но наверняка видел все бумажки, вложенные в ее паспорт, а возможно, и ее изображение с какой-нибудь телекамеры. В аэропортах, в них полно этих камер.

– Да, – сказала Кья, решив, что так будет проще, чем пускаться в объяснения насчет Мэриэлис. Она попыталась определить по губам, какое у этого, в шлеме, выражение лица, и решила, что нету него никакого выражения, вообще нет.

– Так это вы укладывали?

– Да… – сказала Кья уже не так уверенно. Шлем кивнул.

– Следующий.

Кья обошла машину, взяла сумку и чемодан.

Снова отъехало матовое стекло. Этот зал был просторнее, и потолки выше, и реклам больше, и сами они больше, а толкучка такая же. Возможно, это не потому, что самолетов прилетело много, а тут, в Токио, и во всей Японии, всегда так. Много людей, мало места, вот тебе и толкучка.

И много багажных тележек, роботов этих. Кья подумала, сколько стоит нанять такую. А потом лечь поверх своего багажа, сказать ей куда и уснуть. Только ей сейчас и не хотелось, в общем-то, спать, а просто голова какая-то мутная. Кья перехватила Мэриэлисов чемодан из левой руки в правую и снова

задумалась, что же ей делать, если Мэриэлис не объявится, скажем, в ближайшие пять минут. Она уже по это место наелась аэропортов и не имела ни малейшего представления, где будет спать этой ночью. Да и вообще, ночь сейчас или что?

Кья как раз оглядывалась по верхам в надежде найти где-нибудь часы с местным временем, когда на ее правом запястье сомкнулись чьи-то пальцы. Опустив глаза, она увидела золотые кольца и золотые часы на массивном золотом браслете, все кольца соединялись с часами тоненькими золотыми цепочками.

– Это мой чемодан.

Кья скользнула глазами с раззолоченного запястья на белый манжет, затем вверх по черному рукаву к светлым глазам на длинном лице, на каждой щеке – ряд длинных, аккуратных морщин, словно нарочно процарапанных каким-нибудь резцом. На мгновение она приняла его за Мьюзик-мастера, вырвавшегося каким-то образом на свободу. Но Мьюзик-мастер в жизни не наденет такие вот часы, да и волосы у этого пусть и блондинистые, но потемнее, длинные и вроде как мокрые и зачесаны с высокого лба прямо назад. И видок какой-то не очень радостный.

– Не твой, а Мэриэлис, – сказала Кья.

– Она сама тебе его дала? В Сиэтле?

– Она попросила меня поднести.

– В Сиэтле?

– Нет, – качнула головой Кья. – Здесь, уже в зале. Мы с ней в самолете сидели рядом.

– А где она сама?

– Не знаю, – сказала Кья.

На нем был черный костюм с длинным, доверху застегнутым пиджаком, вроде как в старых фильмах, только новехонький и дорогой с виду. Все это время он вроде как и не помнил, что так и держит ее за руку, а теперь отпустил.

– Давай лучше я понесу, – сказал он. – Найдем мы ее, никуда не денется.

Кья немного смешалась, не зная, как будет правильней.

– Мэриэлис хотела, чтобы я его несла.

– Вот ты и поносила. А теперь моя очередь, – сказал мужик, забирая у нее чемодан.

– А ты, наверно, ее бойфренд, Эдди, да?

Уголок его рта чуть дернулся, вроде как в огрызке улыбки.

– Можно и так сказать.

V Эдди был «дайхацу грейсленд» с рулем не на той стороне. Кья сразу это поняла, потому что в одном клипе Рез ехал на

заднем сиденье как раз такой машины, только в той была еще ванна из черного мрамора с золотыми кранами в виде хитрых тропических рыбок. Народ говорил, что это такой вроде стеб над деньгами, над всякой жутью, которую ты можешь сделать, если у тебя их чересчур много. Кья рассказала про это матери, а та сказала, что нет смысла слишком уж беспокоиться, что ты можешь сделать, если у тебя будет жуть как много денег, потому что у большинства людей их не бывает хотя бы достаточно, а потом еще сказала, что уж лучше попробовать разобраться толком, что оно такое, это «достаточно».

А вот у Эдди была эта штука, «грейсленд», сплошь черная эмаль и хром. Снаружи она выглядела как что-то среднее между «ар-ви» и этими длинными, клиновидными хаммеровскими лимузинами. Сомнительно, думала Кья, чтобы они так уж здорово шли на японском рынке, в Японии больше в ходу машины веселеньких расцветок, похожие на обсосанные леденцы. А «грейсленд» – это прикол в чистейшем, неразведенном виде, ее и сконструировали, и делают специально для американцев, бзикнутых на том, чтобы покупать только отечественное. Что применительно к машинам оставляет тебя, считай, и без выбора. (Мамаша Эстер, мадам Чен, водит один из этих страхолюдных канадских грузовиков, которые дорогие, будто они из чистого золота, но зато имеют гарантии на восемьдесят лет – это, считается, лучше для экологии.)

Изнутри этот «грейсленд» был сплошь в лиловом бархате, простеганном ромбиками и маленькими хромированными пупочками, где ромбики соединяются, – самая, пожалуй, китчуха, какую Кья в жизни видела, и Мэриэлис, похоже, тоже так думала; она, Мэриэлис, еще тогда, в самолете, рассказывала, что у Эдди есть этот крутой, с кантри-музыкой клуб «Виски Клон» и он прикупил себе «грейсленд», чтобы этому клубу в масть, а заодно и одеваться стал, как одевались когда-то в Нашвилле.[16] Мэриэлис думала, что оно ему самое то, так она и сказала.

Кья кивнула своим мыслям. Эдди вел машину и разговаривал по громкоговорящему телефону по-японски. Они нашли Мэриэлис в двух шагах от аэропорта, в крошечном баре, третьем из обследованных. У Кья сложилось впечатление, что Эдди не так уж и обрадовался, увидев Мэриэлис, но самой Мэриэлис это было, похоже, по фонарю.

Это Мэриэлис придумала, чтобы довезти Кья до Токио. Она сказала, что в поезде все кишки выдавить могут, и билеты очень дорогие, и что она будет рада оказать Кья хоть маленькую услугу за то, что Кья носила ее чемодан. (Кья заметила, что Эдди закинул другой чемодан в багажник, а этот, со стикером «Ниссан

Каунти», поставил в салоне, рядом с собой.)

В общем-то, Кья не слушала, что там она, Мэриэлис, говорит, было уже сколько-то там ночи, и голова от джет-лага совсем задурела, и они ехали по этому длинному мосту, который словно весь из неона, с чертовой уймой полос движения, и маленькие ихние машины, как яркие бусинки на ниточках, все сплошь новые и блестящие. И все время мимо проплывали экраны, узкие, но высоченные, и на одних плясали японские буквы, а на других были люди, лица, с такими улыбками, словно стараются что-то тебе втюхать.

А потом появилось женское лицо: Рэи Тоэи, идору, на которой хочет жениться Рез. Появилось и сгинуло.

9. Совсем без тормозов

– Райс Дэниелз, мистер Лэйни. Совсем без тормозов.

Прижимает к той стороне исцарапанного пластика, отделяющего комнату «Для посетителей» от тех, кого эти посетители посещают, какую-то карточку. Лэйни хотел ее прочитать, но попытка сфокусировать глаза отозвалась в переносице ослепительной вспышкой боли. Тогда он взглянул сквозь навернувшиеся слезы на Раиса Дэниелза. Темные, ежиком стриженные волосы, плотно прилегающие солнечные очки с маленькими стеклами, черные овалы оправы сжимают голову, как лапки хирургического зажима.

И ровно ничего такого, без тормозов.

– Сериал, – сказал посетитель. – «Совсем без тормозов». Как во фразе «Задумайся на секунду, и ты поймешь, что наши масс-медиа совсем без тормозов». «Совсем Без Тормозов – боевой авангард контррасследовательной журналистики».

Лэйни осторожно тронул полоску пластыря, наклеенную на переносицу. И зря так сделал.

– Контррасследовательной?

– Вы же количественник, мистер Лэйни. – (Количественный аналитик. Не то чтобы да, но формально он числился таковым.) – В «Слитскане».

Лэйни молчал.

– Эта девушка стала предметом доскональнейшего расследования. «Слитскан» обложил ее со всех сторон. Вы знаете почему. Мы надеемся привлечь «Слитскан» к ответственности за смерть Элис Ширз.

Лэйни опустил глаза на свои кроссовки. Лишившиеся шнурков стараниями помощников шерифа.

– Она сама себя убила.

– Но мы-то с вами знаем почему.

– Нет, – сказал Лэйни, твердо взглянув в черные овалы. – Нет, я – не знаю. Не совсем знаю.

Узловая точка. Протоколы какой-то совершенно иной действительности.

– Вам, Лэйни, потребуется помощь. Очень потребуется. Вам грозит обвинение в убийстве. Побуждение к самоубийству. Они захотят узнать, почему вы там оказались.

– Я скажу им почему.

– Наши продюсеры сумели устроить, чтобы я добежал сюда первым. Это было ой как непросто. Там сейчас сшивается слитскановская аварийная команда. Ждут своей очереди

поговорить с вами. Если им позволить, они все это перекрутят как хотят. Им нужно вытащить вас на свободу, нужно позарез, чтобы вместе с вами не пострадало их шоу. Они точно вас вытащат, с их-то деньгами и юристами. Но вы спросите себя – хотите ли вы позволить им это сделать?

Дэниелз все прижимал к пластику свою визитку. При вторичной попытке на ней сфокусироваться Лэйни заметил надпись, выцарапанную кем-то с той стороны. Маленькие, корявые, зеркально отраженные буквы, и читать их приходилось слева направо.

Я ЗНАЮ, ЭТО ТЫ СДЕЛАЛ.

– Я не слыхал про эту вашу «Без тормозов».

– Часовая пилотная программа готовится прямо сейчас, пока мы с вами здесь разговариваем. И все мы очень волнуемся.

– Почему?

– «Без тормозов» – это не просто новый сериал. Это абсолютно новая парадигма. Новый подход к телевидению. Ваша история – история Элис Ширз – это в точности то, что нам нужно. Наши продюсеры – это люди, захотевшие вернуть зрителям долг. Они сделали хорошую профессиональную карьеру, добились прочного положения, самоутвердились, а теперь хотят вернуть своим зрителям долг – восстановить до некоторой степени честность, раскрыть новые перспективы. – Черные овалы приблизились к грязному, исцарапанному пластику. – Наши продюсеры – это те же люди, которые делают «Копы влипли» и «Семь раз отмерь, один раз зарежь».

– А это еще что такое?

– Хроника предумышленных убийств в мировой индустрии моды.

– Контррасследовательная? – Карандаш японца завис над ноутбуком.

– Это у них программа о программах вроде «Слитскана», – объяснил Лэйни. – 0 нарушениях закона и злоупотреблениях при их подготовке.

Бар был футов десять в длину и без единой табуретки. Стоишь, и все тут. Если не считать бармена, одетого на манер артистов кабуки, они были здесь совершенно одни. По той элементарной причине, что заполнили помещение до предела. Миниатюрнейшее самостоятельное коммерческое заведение, какое можно себе представить, и оно, похоже, находилось здесь всегда, осколок древнего Эдо, города теней и узеньких темных улочек. Стены в сплошной чешуе выгоревших открыток, пропитанных никотином и кухонным чадом до ровного

коричневого цвета.

– Понятно, – кивнул наконец Ямадзаки. – Мета-таблоид.

Бармен варил на кукольной электроплитке пару сардин. Он подхватил их по очереди стальными палочками для еды, переместил на крошечную тарелку, положил сверху какую-то маринованную растительность, бесцветную и почти прозрачную, пододвинул тарелочку к Лэйни.

– Спасибо, – сказал Лэйни.

Бармен не то чтобы кивнул, а чуть двинул вниз свои выбритые брови.

Несмотря на предельную скромность обстановки, за спиной бармена стояли десятки бутылок дорогого виски, на каждой бутылке – коричневая бумажка с аккуратно выведенными иероглифами. Ямадзаки объяснил, что это имена владельцев, ты покупаешь бутылку, и она стоит тут специально для тебя. Блэкуэлл не спеша приканчивал второй стакан местного аналога водки с местным аналогом льда (во втором случае аналогия была полной). Ямадзаки так и придерживался коки лайт. Лэйни смотрел на нетронутую рюмку сюрреалистически дорогого кентуккского бурбона в смутном раздумий, а как отреагирует его джет-лаг, если и вправду взять да и выпить эту штуку.

– Короче говоря, – сказал Блэкуэлл и допил водку, звякнув кубиками льда о вставные зубы. – Короче говоря, они вас вытащили, чтобы вы дали им материал на тех, других ублюдков.

– В общих чертах да, – кивнул Лэйни. – У них уже была наготове юридическая команда, нарочно для этого, и вторая, для работы по моей подписке о неразглашении.

– И этой второй, – сказал Блэкуэлл, – пришлось попотеть куда больше.

Бармен с ловкостью фокусника снял со стойки отодвинутый Блэкуэллом стакан и так же ловко поставил на его место новый, извлеченный словно ниоткуда.

– Верно, – сказал Лэйни.

Соглашаясь тогда на не слишком определенное предложение Раиса Дэниелза, он слабо представлял себе, в какую кашу влезает, но зато точно знал, что «Слитскан» не должен, ни в коем случае не должен уйти от ответственности за выстрел, негромко треснувший на кухне Элис Ширз. (У нее была грошовая русская стрелялка, состоявшая из патрона, коротенькой трубочки и простейшего спускового механизма. Эти устройства предназначались почти исключительно для самоубийства, прицелиться из них во что-нибудь, находящееся на расстоянии свыше двух дюймов, было невозможно. Лэйни и раньше слышал о

«пятничных специальных»,[17] как окрестил эти штуки известный юморист, но никогда их не видел.)

А что «Слитскан» соскочит, тут уж можно было не сомневаться. Бросят, раз уж так вышло, разработку по милому дружку Элис, вся эта история тихо канет на дно и тут же скроется под ежесекундно нарастающим слоем мертвой, мусорной информации.

И жизнь Элис Ширз, известная ему с кошмарной доскональностью, останется там навечно, никем не узнанная, а чуть позднее – и не могущая быть узнанной.

А если он стакнется с «Без Тормозов», ее жизнь может задним числом превратиться в нечто иное, хотя тогда, сидя на жестком, неудобном стуле перед исцарапанным листом пластика, разгораживавшим мир на две принципиально различные части, он и не очень понимал, во что именно.

Он думал о кораллах, о рифах, вырастающих вокруг потопленных авианосцев; возможно, она тоже станет чем-нибудь вроде тайны, погребенной под причудливыми наростами догадок, предположений и даже легенд.

Ему казалось, что это будет для нее лучший, не такой мертвый способ быть мертвой. И он ей этого желал.

– Вытаскивайте меня отсюда, – сказал он Дэниелзу. Дэниелз сразу же заулыбался под своим хирургическим зажимом и торжествующе спрятал едва не прилипшую к грязному пластику карточку в карман.

С Райделлом Лэйни познакомился чуть позже, когда «бестормозная» бригада поселила его в «Шато», древней копии еще более древнего оригинала, вызывающе экстравагантной куче бетона, намертво зажатой между двумя одинаковыми и какими-то уж особо тошнотворными корпусами, поставленными здесь как раз к исходу прошлого века. Эти агрессивно-дебильные близнецы как в зеркале отразили миллениальные страхи и тревоги года, когда они являлись на свет, преломляя их к тому же через некую другую, более смутную, жутковато-приглушенную истерию, что делало их не такими безликими – и еще менее привлекательными.

Номер, куда поселили Лэйни, был значительно просторнее его жилища в Санта-Монике и представлял собой нечто вроде квартиры 1920-х годов, растянувшейся вдоль длинной неглубокой бетонной террасы с видом на бульвар Сансет, чуть более глубокой террасы нижнего этажа и круглого крошечного газона – все, что осталось от былых садов.

Лэйни этот выбор казался странным, мало соответствующим

ситуации. Он бы скорей ожидал, что они предпочтут что-нибудь более уединенное, более укрепленное, более опутанное охранными системами, но Райс Дэниелз сказал, что у «Шато» есть свои, и очень серьезные преимущества. Во-первых, его имидж должен способствовать гуманизации Лэйни, «Шато» выглядит как жилище, нечто со стенами, окнами и дверями, место, где постоялец может вести нечто похожее на жизнь, – чего никак не скажешь о серьезных бизнес-отелях, с их бездушными кубами и квадратами. Кроме того, эта гостиница имеет глубоко укоренившиеся ассоциации с голливудской системой звезд и, опосредованно, с человеческими трагедиями. Звезды жили здесь в золотые дни старого Голливуда, а позднее кое-кто из них здесь же и умирал. «Без Тормозов» планирует подать смерть Элис Ширз как трагедию в освященной временем голливудской традиции, с тем отличием, что она была спровоцирована «Слитсканом», сущностью более чем современной. Кроме того, объяснял Дэниелз, «Шато» охраняется куда серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Тут-то Лэйни и был представлен Барри Райделлу, ночному охраннику.

Как показалось Лэйни, Дэниелз знал Райделла еще до того, как тот нанялся в «Шато», хотя было не совсем ясно как и откуда. Райделл проявил совершенно неожиданную осведомленность во внутренних порядках и обычаях развлекательно-информационной индустрии и чуть позже, когда Дэниелз уже ушел, спросил Лэйни, кто его представляет.

– Это в каком смысле? – удивился тогда Лэйни.

– У тебя же есть агент, да? Лэйни сказал, что не да, а нет.

– Тогда найми себе агента, и не очень с этим затягивай, – сказал Райделл. – Я не говорю, что это спасет тебя ото всех накладок и что с агентом все будет, точно как ты того хочешь, но кой хрен, это же шоу-бизнес, не надо об этом забывать.

Это и вправду был шоу-бизнес, и до такой степени, что Лэйни уже через несколько минут начал всерьез задумываться, а не лопухнулся ли он, связавшись с этой конторой. В его номер набилось шестнадцать человек для «предварительной беседы» продолжительностью в четыре часа, хоть бы подумали своими головами, что он только шесть часов как из-за решетки. Когда они наконец ушли, Лэйни прошагал заплетающимися ногами чуть не весь, длинный, как кишка, коридор, тупо открывая двери каких-то кладовок и чуть не плача оттого, что спальня куда-то подевалась. Найдя ее, он даже не стал снимать одежду, за которой они сгоняли Райделла в Беверли-центр, а просто заполз на кровать и уснул.

Что, думал Лэйни, ему стоило бы сделать прямо здесь и сейчас, в этом баре на Золотой улице, думал, отвечая тем самым на свой вопрос о взаимодействии джет-лага и бурбона. Но чуть позже, допив рюмку до дна, он почувствовал, как дошедший, казалось бы, до низшей точки отлив сил начал сменяться приливом – парадоксальное состояние, связанное, вероятно, не столько с алкоголем, сколько с внутренней химией усталости и перемещения на другой конец света.

– А Райделл бодро держится? – спросил Ямадзаки.

Лэйни на мгновение удивился такому вопросу, но тут же вспомнил, что Райделл упоминал тогда какого-то японца, знакомого ему по Сан-Франциско, и это, конечно же, был этот самый Ямадзаки.

– В общем, – сказал Лэйни, – этот мужик не показался мне каким-нибудь совсем уж отчаянно несчастным, но в нем иногда проглядывало нечто вроде пришибленности. Пожалуй, проглядывало. В смысле я с ним не то чтобы близко знаком, так что не могу быть уверен.

– Жаль, – вздохнул Ямадзаки. – Райделл – смелый человек.

– А как насчет вас, Лэйни? – вмешался Блэкуэлл. – Вот как вы сами, вы считаете себя смелым человеком?

Червячок шрама, рассекавший его левую бровь, пошевелился, словно собираясь уползти наверх, и замер в новой позиции.

– Нет, – сказал Лэйни. – Не считаю.

– Но ведь вы пошли против «Слитскана», верно? Пошли из-за того, что они сделали с этой девушкой. У вас была работа, была еда, было где жить. Вы получали все это от «Слитскана», но затем они убили эту девушку, и вы взяли на себя задачу за нее посчитаться, так ведь?

– Ничто и никогда не бывает так просто, – сказал Лэйни.

Секундное молчание, а когда Блэкуэлл заговорил, Лэйни неожиданно столкнулся с иным способом мыслить, таким, который принято скрывать, считать вроде бы не существующим.

– Что да, то да, – сказал Блэкуэлл. – Хрен там что бывает просто.

Большая, сплошь в розоватой сетке рубцовой ткани кисть его левой руки поползла, подобно некоему неуклюжему самостоятельному животному, к нагрудному карману микропорной рубашки, некоторое время в нем копалась, извлекла маленький, тускло поблескивающий металлический предмет и положила его на стойку бара.

– Это – гвоздь, – сказал Блэкуэлл. – Полуторадюймовый, оцинкованный, для кровельных работ.[18] Я иногда прибивал людей за руки, такими вот примерно гвоздями к таким примерно

стойкам. Среди них, людей этих, встречались самые форменные ублюдки. – В голосе огромного австралийца не было ни грамма злобы. – И некоторые из этих ублюдков, пока ты прибиваешь им одну руку, другая извлекает бритву или хирургические щипцы. – Палец Блэкуэлла машинально потрогал багровый шрам, выглядевший так, словно что-то пронзило ему кожу прямо под правым глазом и ушло в сторону, натолкнувшись на скульную кость. – Ну и что прикажешь с ними делать?

– Со щипцами?

– С ублюдками. Хочешь не хочешь, приходится их убивать. Вот такая вот, Лэйни, бывает «смелость». А теперь подумайте о своем поведении в истории со «Слитсканом» – так ли уж оно отличается от поведения этих ублюдков?

– Я просто не хотел, чтобы они все это втихую забросили. Чтобы она… ну, опустилась на дно. Исчезла из памяти. Мне было почти безразлично, сильно пострадает на этом «Слитскан» или нет, и даже пострадает ли он вообще. Я думал не столько о мести, сколько о том, чтобы… ну, вроде сохранить ее в живых.

– А бывают и такие люди, что ты прибиваешь им руку к столу, а они сидят и смотрят на тебя. Вот они-то и есть самые крепкие. Вы думаете, что вы – один из них?

Лэйни перевел взгляд с Блэкуэлла на свою пустую рюмку, затем снова на Блэкуэлла. В руках у бармена появилась бутылка бурбона, но Лэйни качнул головой и прикрыл рюмку ладонью.

– Если вы, Блэкуэлл, начнете меня приколачивать, – он положил другую ладонь на темно-коричневую, сплошь в круглых отпечатках рюмок и стаканов стойку, – я буду орать в голос, ладно? Я не знаю, к чему это все и о чем. Может быть, вы просто псих. Может быть. А уж я-то точно не герой, ни с какого боку. И сейчас не герой, и тогда, в Эл-Эйс, тоже не был.

Блэкуэлл и Ямадзаки переглянулись. Блэкуэлл пожевал губами, еле заметно кивнул и снова повернулся к Лэйни.

– Ну и молодца.[19] Пожалуй что вы подходите для этой работы.

– Не так быстро. – Лэйни снял ладонь с рюмки, и бармен тут же налил ему вторую порцию бурбона. – Я не буду слушать ни о какой работе, пока не узнаю, кто меня нанимает.

– Я возглавляю службу безопасности «Ло/Рез», – сказал Блэкуэлл, – и я обязан этому мудозвону жизнью. Последнюю пятерку из которой я провел бы в пенитенциарных заведениях трижды долбанного штата Виктория. Если бы не он. И какая там пятерка, я бы там раньше повесился или не знаю что.

– Группа? И вы их охраняете?

– Райделл хорошо о вас отзывается, мистер Лэйни. – Шея

Ямадзаки словно стала чуть длиннее.

– Да что он про меня знает, этот ваш Райделл? – возмутился Лэйни. – Он просто ночной сторож из слишком дорогой для меня гостиницы.

– Райделл хорошо разбирается в людях – по моему, во всяком случае, мнению, – сказал Ямадзаки и с любопытством повернулся к Блэкуэллу.

– «Ло/Рез»? У них что, сложности?

– У Реза, – уточнил австралиец. – Он говорит, что женится на этой японской шкуре, которой ни хрена и нет совсем. И он и сам не знает, что ее нет, а когда ему говоришь, говорит, что у нас нету ни черта никакой фантазии! А я вот что скажу. – Блэкуэлл коротко взмахнул зеркально отполированным, с круглой дыркой в верхнем переднем углу стальным прямоугольником; неизвестно откуда появившийся, этот предмет казался в его огромной клешне совсем миниатюрным, не больше кредитной карточки. – Кто-то его загрузил, ясно? Загрузил его. Не знаю кто, не знаю как. Хотя лично я поставил бы на этот гребучий Комбинат. На этих русских ублюдков. А вы, Лэйни, вы сделаете для нас эту свою узловую хрень, на нашего Реза, и все на хрен узнаете. Узнаете, кто. – Прямоугольник с негромким, но отчетливым стуком опустился на стойку бара и остался в ней торчать. Поперек волокон дерева. Теперь, когда Блэкуэлл убрал руку, Лэйни увидел, что это очень маленький секач для мяса с изящной палисандровой рукояткой.

– А когда вы это сделаете, – сказал Блэкуэлл, – мы устроим им такую на хрен веселую жизнь, что обхохочешься.

10. «Виски Клон»

Кантри-клуб, куда привел их Эдди, располагался в чем-то вроде административного здания, да еще на самом верху. В Сиэтле, подумала Кья, так никогда не делают. Вроде бы не делают. Большую часть пути она проспала и проснулась только тогда, когда Эдди уже заезжал в гараж, а потом во что-то такое вроде чертова колеса или барабана старомодного револьвера, только здесь вместо патронов были машины. Потом эта штука начала поворачиваться и подняла их наверх, и Эдди выехал на парковочную площадку, точно такую же, как в любом другом гараже, и машины там стояли сплошь черные и большие, хоть и не такие большие, как «грейсленд».

– Поднимешься с нами, милочка, – сказала Мэри-элис. – Умоешься, приведешь себя в порядок, а то на тебя же страшно смотреть.

– Мне нужно подключиться к сети, – сказала Кья. – Найти эту подругу, у которой я хочу остановиться…

– Проще простого, – сказала Мэриэлис, открывая дверцу.

Эдди уже вышел из машины, не забыв прихватить чемодан со стикером «Ниссан Каунти». Выглядел он все так же скучно. Кья взяла свою сумку и последовала за Мэриэлис. Когда они вошли в лифт, Эдди приложил ладонь к контуру ладони на стене и сказал что-то по-японски. Лифт что-то ему ответил, закрыл двери и повез их вверх. Скорость была вроде бы очень большая, и все равно они ехали и ехали.

В лифте настроение Эдди ничуть не улучшилось. Он стоял совсем рядом с Мэриэлис и смотрел на нее, Кья видела, как играют у него желваки на скулах.

– Да не дергайся ты, – сказала Мэриэлис, – все же получилось.

Желваки заиграли еще сильнее.

– Это не по плану, – сказал наконец Эдди. – Мы так не договаривались.

– Да? – удивилась Мэриэлис. – А ведь раньше ты, помнится, любил небольшие новации.

– Новации? – Эдди коротко покосился налево, где стояла Кья. – Ты называешь это новацией?

Лифт остановился и распахнул двери.

– И чувство юмора у тебя тоже раньше было, – сказала Мэриэлис. Эдди еще раз обжег ее глазами и вышел наружу. – Не обращай на него внимания, – сказала Мэриэлис, подталкивая Кья к двери. – С ним такое бывает.

Кья ожидала увидеть все что угодно, но только не эту дико запущенную, заставленную штабелями упаковочных коробок комнату. Потолок здесь был совсем низкий, из этих самых фибергласовых плиток на металлических рейках; половина плиток повываливалась, образуя пыльные проемы, из которых свисали какие-то провода и проводочки. В комнате были две маленькие настольные лампы, одна из них светила на кучу пустых упаковок из-под лапши быстрого приготовления и черную кофейную кружку с букетом пластиковых ложек. Японец в сетчатой шапочке с надписью над козырьком: «Виски Клон», сидевший на крутящемся стуле перед стойкой с мониторами внутреннего наблюдения, наливал себе что-то горячее из большого термоса с цветочками.

– Йо, Калвин, – сказала Мэриэлис, во всяком случае, так оно звучало или примерно так.

– Хай, – сказал японец.

– Калвин из Такомы, – пояснила Мэриэлис. Эдди, все с тем же чемоданом в руке, пересек, не останавливаясь, комнату и исчез за какой-то дверью.

– Чего это босс такой веселенький? – поинтересовался японец, отхлебывая из термосного колпачка. Если судить по голосу, он был таким же японцем, как Кья или Мэриэлис.

– А это он радуется, что я приехала, – сказала Мэриэлис. – Прямо из штанов выпрыгивает от радости.

– И это пройдет.

Еще один хлебок. Взгляд на Кья из-под козырька. «Виски Клон» написано такими буквами, какими пишут вывески в моллах, чтобы все подумали, что у них старое, с почтенными традициями заведение.

– Это Кья, – сказала Мэриэлис. – Мы с ней в «Си-Таке» познакомились.

«Почему в аэропорту, а не на самолете?» – удивилась Кья и тут же вспомнила всю эту историю с анализами на ДНК и наращенными волосами.

– Приятно услышать, что он никуда не делся, – сказал неяпонский японец. – В смысле, что есть еще дорога назад из всего этого дерьма.

– Ну как же так, Калвин, – покачала головой Мэриэлис. – Ведь тебе же нравится в Токио.

– А то. Когда-то в Редмонде у меня была ванная размером со всю мою здешнюю квартиру, и это ж даже не была особо большая ванная. В смысле, там был только душ, без никакой ванны, и вообще без ни хрена.

Кья смотрела на экраны за его спиной. Уйма народу, а что

они все делают – непонятно.

– Удачный, похоже, вечер, – сказала Кья, глядя на телеэкран.

– Средний. Средний между хреновым и очень хреновым.

– Кончай так разговаривать, – сказала Мэриэлис. – Вот доведешь меня, и я знаешь что сделаю?

– Да ну, Мэриэлис, – ухмыльнулся Калвин, – ты же у нас хорошая девочка.

– А можно мне подключиться к сети? – спросила Кья.

– Вход у Эдди в офисе, – сказала Мэриэлис, – но он сейчас висит на телефоне. Чего бы тебе не сходить пока в туалет, – она указала на другую, не куда ушел Эдди, закрытую дверь, – и не умыться? А то вид у тебя какой-то не очень свежий. Тем временем Эдди кончит трепаться, и ты сможешь позвонить своей подружке.

В туалете была старая нержавеющая раковина и очень новый, очень хитроумный унитаз с доброй дюжиной кнопок на бачке. И под каждой кнопкой надпись. По-японски. Полимерное сиденье мягко прогнулось под ее весом и даже вроде как слегка пошевелилось, Кья чуть не подпрыгнула с испугу, но затем успокоила себя, что все о'кей, это просто ихняя иностранная технология. Покончив со своими делами, она нажала первую попавшуюся кнопку и тут же отскочила в сторону, задохнувшись от широкой струи теплой, ароматизированной, тончайше распыленной воды. Кья вытерла глаза тыльной стороной ладони, встала сбоку от унитаза и издалека, насколько хватило руки, нажала другую кнопку. Вторая попытка оказалась удачнее – туалет спустился с реактивным ревом, напомнившим ей полет самолета.

Пока она мыла руки, а затем умывалась над ободряюще привычной раковиной бледно-голубым жидким мылом из раздатчика, сделанного в виде одноглазого динозаврика, рев воды в унитазе сменился каким-то другим звуком. Кья посмотрела и увидела, что под сиденьем пульсирует круг красноватого света. Ультрафиолет, догадалась она. Вирусов убивает.

На стенке красовался постер «Дьюкс оф Ньюк'Ем», металлистов этих вонючих. Потные, пустоглазые парни дебильно скалятся в камеру, у барабанщика нет передних зубов. Японские иероглифы. Кья немного поудивлялась, японцам-то они зачем, ведь такие, вроде «Дьюков», группы на каждом углу орут о своей ненависти ко всему, кажущемуся им «неамериканским», но потом вспомнила слова Келси, много раз сопровождавшей своего папашу в Японию, что с ними, с японцами этими, никогда не поймешь, что им нравится и почему.

В туалете не было ни полотенца, ни сушилки для рук;

немного подумав, Кья воспользовалась – с весьма средним успехом – одной из запасных футболок. Заталкивая футболку назад в сумку, она заметила краешек чего-то вроде бы незнакомого, но в этот самый момент дверь туалета чуть-чуть приоткрылась.

– Извини, пожалуйста, – сказал Калвин.

– Ничего, – сказала Кья, задергивая молнию поставленной на пол сумки. – Все путем.

– Если бы, – сказал Кальвин, оглядываясь через плечо. – Ты действительно встретила Мэриэлис в «Си-Таке»?

– В самолете, – уточнила Кья.

– Так ты сама ни при чем?

Кья распрямилась, и все вокруг нее немного поплыло.

– Ни при чем?

– Тогда тебе надо мотать отсюда. – Глаза Калвина, смотревшие из-под черного козырька дурацкой шапочки, были какие-то слишком уж серьезные. – И поскорее.

– Почему? – спросила Кья, хотя эта идея казалась ей вполне разумной.

– Нечего тебе про это знать.

За стеной что-то грохнуло и зазвенело.

– Ничего страшного, – сказал Калвин и чуть поморщился. – Она просто швыряется вещами. Это для них так, легкая разминка. Пошли.

Он подхватил ее сумку и начал вдруг двигаться с такой скоростью, словно опаздывал на самолет. Из туалета, резкий поворот направо, почти бегом мимо двери, за которой скрылся Эдди, мимо стойки с экранами (Кья увидела там вроде бы людей в ковбойских шляпах, отплясывавших цепочкой, сцепившись руками, но где там что рассмотришь, когда нужно догонять этого психа).

Калвин влетел в распахнутые двери лифта и с размаху хлопнул ладонью по сенсорной пластине.

– Довезет тебя до гаража, – сказал он. В офисе Эдди разбилось что-то стеклянное и, видимо, большое. – Иди налево, там футах в двадцати будет другой лифт. Через вестибюль тебе не стоит, у нас там камеры. Нажми нижнюю кнопку и попадешь прямо в метро. Садись на поезд.

– На какой? – спросила Кья, забирая у него свою сумку.

Мэриэлис завопила, и не придуривая, а как от настоящей боли.

– На любой.

Калвин сказал что-то по-японски и выскочил наружу за мгновение до того, как лифт успел ответить, а затем двери

закрылись, пол дернулся вниз, и сумка в руке Кья стала на мгновение легче.

«Грейсленд» так и стоял на прежнем месте, огромный вожак стаи тяжелых блестящих черных автомобилей. Свернув, как велел Калвин, налево, Кья обнаружила второй лифт. Помятый и обшарпанный, он не умел разговаривать и по нажатию самой обыкновенной кнопки послушно опустил ее в лабиринт залитых ярким, как в полдень, светом переходов, по которым текли толпы людей, к путанице эскалаторов и платформ, к магнитным поездам в туннелях и вечным логотипам, парящим в вышине.

Вот теперь она точно была в Токио.

11. Коллапс новых зданий

Лэйни получил комнату в узком, трапецевидном в плане, высотном здании, облицованном белой керамической плиткой. То, что эта высотка, наследие строительного бума восьмидесятых, пережила землетрясение, свидетельствовало о мастерстве ее создателей, а головоломное хитросплетение прав собственности и незатухающая борьба между двумя старейшими криминальными кланами позволили ей пережить и последующую реконструкцию. Лэйни узнал все это от Ямадзаки в такси, которое везло их сюда с Новой Золотой улицы.

– Мы не знали, – сказал Ямадзаки, – как вы относитесь к новым зданиям.

– Новые – это нанотехнические?

Все силы Лэйни уходили на то, чтобы держать глаза открытыми. На водителе были белоснежные, безукоризненно чистые перчатки.

– Да. Некоторые люди относятся к ним с недоверием, даже опаской.

– Пока что я никак к ним не отношусь. Посмотреть сперва надо.

– Вы сможете увидеть нанотехнические здания уже сегодня, прямо из окна своего номера.

Что да, то да. Собственно говоря, Лэйни был знаком с этими непомерно огромными монстрами по виртуальным конструктам, но там слабо ощущалась необычная заглаженность их формы, их псевдобиологичность.

– В них есть что-то от Нью-Йорка, изображенного Гигером, – сказал Ямадзаки, но для Лэйни это имя было пустым звуком.

А теперь, сидя на гостиничной кровати, он смотрел на эти чудеса ультрасовременной технологии, пытался проникнуться их величием, все-таки крупнейшие в мире обитаемые сооружения (Чернобыльский саркофаг еще больше, но уж там-то точно ни один человек жить не станет), и не чувствовал ничего, кроме скуки и легкого раздражения.

Зонтик, который дал ему Ямадзаки, опал и начал быстро съеживаться, сходить на нет.

Где-то запиликал телефон. Где?

– Телефон, – сказал Лэйни. – Где он здесь?

Плоский деревянный брусок, белый на черном квадратном подносе, пристроенном у изголовья кровати, начал подмигивать в такт пиликанью пятнышком красного света. Лэйни взял брусок. Надавил крошечный перламутровый квадратик.

– Алло, – сказал чей-то голос. – Это Лэйни?

– А сам-то ты кто?

– Райделл, из «Шато». Ганс разрешил мне попользоваться телефоном. Ну да, Ганс, главный ночной смотритель. Я не ошибся со временем? Ты там завтракаешь?

Лэйни протер глаза, еще раз взглянул на новые здания.

– Ага.

– Я звонил Ямадзаки, – сказал Райделл. – Взял у него твой номер.

– Спасибо, – сказал Лэйни и широко зевнул. – Только я…

– Ямадзаки говорит, они тебя взяли.

– Да вроде, – сказал Лэйни. – Спасибо. Думаю, с меня причи…

– «Слитскан», – прервал его Райделл. – В «Шато» от них не продохнуть.

– Нет, с этим покончено.

– Лэйни, ты знаешь такую Кэтрин Торранс? Живет на Шерман-Оукс, знаешь? Она сейчас в бывшем твоем номере с техниками и тонной всякого оборудования. Ганс считает, они пытаются разнюхать, чем ты тут занимался. Найти хоть какие обрывки информации.

Лэйни смотрел на уходящие в небо башни. Фасад одной из них вроде как пошевелился, но это был, конечно же, просто обман зрения.

– Но он, Ганс, говорит, что в этих номерах нет никакой возможности отсортировать остаточные молекулы. Слишком много наслоений.

– Кэти Торранс? Из «Слитскана»?

– Она этого, собственно, не говорила, но там же такая прорва техников, а техники никогда не умеют держать язык за зубами, а к тому же Чингиз из гаража заметил при разгрузке надпись на некоторых ящиках. Их тут человек двадцать, плюс гориллы. Сняли два больших номера и четыре одноместных. Чаевых не дают.

– Да что же они там делают?

– Всякая сенсорная хрень. Хотят узнать, что ты тут делал и что замышлял. Один из рассыльных видел, как они устанавливали камеру.

Весь фасад одного из новых зданий подернулся рябью и вроде как поплыл. Лэйни закрыл глаза, сжал пальцами переносицу и почувствовал легкую боль, напоминание о недавней травме. И снова открыл глаза.

– Я ровно ничего не замышлял.

– Нет так нет, – обиделся Райделл. – Я просто подумал, что

тебе стоит об этом знать, вот и все.

Нет, с этим фасадом точно что-то происходит.

– Я понимаю. Спасибо. Прости, пожалуйста.

– Если я что-нибудь тут узнаю, сразу тебе позвоню, – сказал Райделл. – А как там оно, в этом самом Токио?

Лэйни смотрел, как по фасаду здания скользит пятнышко отраженного света, это было похоже на последовательное сокращение щупальцев какого-то морского животного.

– Странно тут как-то.

– Но наверняка интересно, – сказал Райделл. – Ну ладно, доедай свой завтрак. Я буду позванивать.

– Спасибо, – сказал Лэйни, и Райделл повесил трубку.

Лэйни вернул телефон на лаковый подносик и как был, не раздеваясь, растянулся на кровати. Он закрыл глаза, чтобы не смотреть на эти здания, но они снова встали перед ним, словно спроецированные на внутреннюю сторону век. Затем они начали расползаться, разжижаться, струйками утекать в лабиринты старого города.

А следом за ними куда-то утек и он сам.

12. Мицуко

Спустившись на самый нижний уровень станции, Кья подключилась к общественному дейтапорту. «Сэндбендерс» набрал номер Мицуко Мимура, числившейся «социальным секретарем» токийского отделения (в токийском отделении у них вроде у всех были какие-то должности). Сонный голос в динамиках компьютера – по-японски, и тут же, почти мгновенно – перевод.

– Алло? Да? Чем я могу быть полезна?

– Это Кья Маккензи, из Сиэтла.

– Ты звонишь из Сиэтла?

– Я уже здесь, в Токио. – Кья прибавила масштаб карты, горевшей на экране «Сэндбендерса». – На станции метро, которая называется Синдзюку.

– Понятно. Очень хорошо. Ты сейчас сюда приедешь?

– Да, хорошо бы. Я очень устала.

Голос автопереводчика начал объяснять дорогу.

– Не беспокойся, – прервала японку Кья, – мой компьютер прекрасно со всем справится. Ты только скажи, до какой станции ехать. – Услышав название, она нашла станцию на карте и пометила ее маркером. – А сколько тут до вас ехать?

– От двадцати до тридцати минут, в зависимости от того, какая в метро толкучка. Я тебя встречу.

– Да зачем? – удивилась Кья. – Дай мне только адрес.

– Японские адреса очень трудны.

– Ерунда, – отмахнулась Кья. – У меня есть глобальное позиционирование.

«Сэндбендерс» уже сумел навести по телекоммуникационной сети справки, на его экране высветились координаты Мицуко Мимура. В Сиэтле по личным номерам такого не получалось, только по деловым.

– Нет, – твердо сказала Мицуко. – Я должна тебя поприветствовать. Я же социальный секретарь.

– Спасибо, – сказала Кья. – Так я еду.

Вскинув на плечо полурасстегнутую – чтобы следовать устным указаниям «Сэндбендерса» – сумку, она поднялась на эскалаторе двумя уровнями выше, купила по кредитной карточке билет и нашла нужную платформу. Толкучка тут была почище, чем в аэропорту, но, когда подошел поезд, Кья просто поддалась толпе и позволила вдавить себя в ближайший вагон; остаться на перроне было бы куда труднее.

Когда поезд тронулся, она услышала голос «Сэндбендерса»,

сообщавшего, что они отъезжают от станции Синдзюку.

Двадцать минут спустя Кья снова поднялась на поверхность. Перламутровое небо, серые здания, настенный неон вывесок, все элементы городского пейзажа какие-то чуть-чуть не те, непривычные. Велосипеды – а они пачками припаркованы на каждом свободном месте – все больше этой, почти невесомой разновидности, с рамами из бумажных трубок, обмотанных углеродным волокном. Кья попятилась на шаг, пропуская огромный ярко-бирюзовый мусоровоз; руки водителя, крутившие большую, высоко посаженную баранку, были затянуты в белоснежные перчатки. Когда мусоровоз проехал, она увидела девочку-японку в короткой клетчатой юбке и черной байкерской куртке. Девочка улыбнулась. Кья помахала рукой.

Отец Мицуко был хозяином ресторана, и она жила на втором этаже, прямо над подсобками. Снизу доносилось какое-то глухое тюканье, и Мицуко объяснила, что это шустрит пищеприготовительный робот, шинкует там что-то или нарезает…

Ее комната была заметно меньше, чем спальня Кья в Сиэтле, и куда как чище, очень аккуратная и разумно организованная. То же касалось и самой Мицуко; косая, медного цвета полоска, вытравленная в ее черной челке, казалась нарисованной по линейке, крепкие, на двойной подошве кроссовки сверкали чистотой. Ей было тринадцать, на год меньше, чем самой Кья.

Мицуко познакомила гостью со своим отцом. Мистер Мимура, в белой рубашке с короткими рукавами и при галстуке, руководил тремя мужчинами в синих комбинезонах и белых перчатках, которые энергично и целеустремленно наводили в ресторане чистоту. Он кивнул, сверкнул широкой улыбкой, сказал что-то по-японски и тут же вернулся к исполнению своих руководящих обязанностей. По дороге на второй этаж Мицуко, почти не знавшая английского, сказала, что она сказала отцу, что Кья здесь по программе культурного обмена, краткое посещение страны с проживанием в семье, как-то там связанное со школьными делами.

У нее на стене висел точно такой же постер, снимок с обложки оригинального, «сучье-супного», альбома.

Сбегав вниз, Мицуко принесла чайник чаю и пластиковую коробку с отделениями, где лежал калифорнийский рулет и всякая другая, менее знакомая, еда. Обрадовавшись рулету, Кья съела все, за исключением одной какой-то штуки с липкой оранжевой икрой морского ежа сверху. Мицуко похвалила ее за

умение обращаться с палочками. Кья сказала, что у них в Сиэтле часто пользуются палочками.

Теперь они обе получали перевод от компьютеров через беспроводные наушники. Перевод шел почти без накладок, кроме тех случаев, когда Мицуко использовала очень уж новый японский сленг или вставляла английские слова, не зная толком, как они произносятся.

Кья все хотела расспросить ее про Реза и идору, но не находила случая, и разговор шел о каких-то других, не слишком важных вещах. Затем Кья уснула, уснула как была, сидя по-турецки на полу, и Мицуко, надо понимать, как-то сумела перекатить ее на маленький жесткий матрасик, где Кья и обнаружила себя три часа спустя, когда проснулась.

В узкое окошко сочился серебристый пасмурный свет.

Мицуко вошла в комнату с новым чайником и сказала что-то по-японски. Кья пошарила вокруг, нашла свой наушник и прицепила его к уху.

– Ты, наверное, очень устала, – перевел наушник, а затем Мицуко сказала, что договорилась и не пойдет сегодня в школу, чтобы побыть с Кья.

Они пили почти бесцветный чай из маленьких пупырчатых керамических чашечек. Мицуко рассказала, что их в семье четверо: мать, отец, она сама и Масахико, ее старший брат. Мать сейчас в Киото, гостит у родственников. Потом Мицуко сказала, что Киото – очень красивый город и Кья непременно должна его посмотреть.

– Я тут не на экскурсии, а по поручению нашего отделения, – сказала Кья. – Мне нужно кое-что выяснить.

– Я понимаю, – кивнула Мицуко.

– Так это правда? Рез действительно хочет жениться на этом программном агенте?

– Я всего лишь социальный секретарь, – смутилась Мицуко. – Тебе лучше поговорить об этом с Хироми Огава.

– А кто это?

– Хироми – президент нашего отделения.

– Хорошо, – согласилась Кья. – А когда я смогу с ней увидеться?

– Мы решили, что для проведения этой дискуссии нужно возвести специальный сайт. Скоро он будет готов.

Мицуко явно чувствовала себя не в своей тарелке.

– А твой брат, он чем занимается? – сменила тему Кья. – Сколько ему лет?

– Масахико уже семнадцать, – повеселела Мицуко. – Он у нас

патологический-технофетишист-с-дефицитом-общения. – Заключительная цепочка слов прозвучала почти слитно, первый признак того, что липс-переводчик работает на крайнем пределе своих возможностей. У Кья мелькнула на мгновение мысль прогнать хитрое японское понятие через «Сэндбендерса», чья переводящая программа автоматически обновлялась при каждом подключении к сети.

– Кто-кто?

– Отаку, – сказала Мицуко, и липе снова пробубнил свою тарабарщину.

– А, – кивнула Кья. – У нас такие тоже есть. Мы даже называем их тем же самым словом.

– Я думаю, – сказала Мицуко, – в Америке они не совсем такие.

– А чем не такие? – удивилась Кья. – Ведь это все мальчиковые забавы, верно? В моей последней школе была куча этих самых отаку, так они торчали на пластиковых анимированных девицах, военных имитациях и прочей дребедени. Классические специалисты по никому не нужной дребедени.

– Все похоже, – кивнула Мицуко, – но вот ты говоришь, они ходят в школу. А наши – не ходят. Ребята получают онлайновое образование, и это плохо, потому что они всегда находят способ сжульничать. Потом, на заключительном тестировании, они попадаются и пролетают, но им это по фонарю. Это серьезная социальная проблема.

– Так твой брат, он что, тоже из этих?

– Да, – сказала Мицуко. – Он живет в Крепости.

– А что это такое?

– Мультиюзерный домен. Эта штука засасывает, как наркотик. У Масахико тут своя комната. Он почти из нее не выходит. Или спит, или торчит в этой своей Крепости. Да и когда спит, тоже, наверное, там.

Чтобы хоть как-то подготовиться к назначенной на полдень встрече, Кья попробовала хоть что-то разузнать о Хироми Огава, но результаты оказались довольно туманными. Семнадцатилетняя (того же возраста, что и Сона Роса) Хироми вступила в клуб пять с лишним лет назад. Она обладала излишней полнотой (об этом не говорилось прямо – так, неопределенные намеки на общем для девочек всех цивилизаций коде) и имела склонность к усложненной графике. Но все попытки Кья выведать что-либо более существенное разбивались о неколебимую преданность Мицуко своему отделению, на ее понимание себя как подчиненной, а Хироми – как

руководительницы.

Судя по всему, клубная политика (Кья ее терпеть ненавидела) могла оказаться здесь весьма серьезной проблемой.

Мицуко достала из шкафчика компьютер – одну из этих корейских штук, похожих на плоский пакет белой студенистой массы, в которой болтается куча разноцветных червяков. Кья расстегнула свою сумку и вытащила из нее «Сэндбендерса».

– А что это? – заинтересовалась Мицуко.

– Мой компьютер.

– О-о! – почтительно протянула Мицуко. – А кто такие делает? «Харли-Дэвидсон», да?

– «Сэндбендерс», – улыбнулась Кья, доставая из сумки наглазники и перчатки. – Это коммуна такая на Орегонском побережье. Они все делают, и компьютеры, и софтвер.

– Так он что, американский?

– Конечно.

– Вот здорово! – восхитилась Мицуко. – А я и не знала, что американцы делают компьютеры.

Кья аккуратно, не торопясь, надела серебристые наперстки, обкрутила запястья ремешками и взглянула на Мицуко.

– Ну так что, познакомишь меня с вашими? Мицуко нервно хихикнула.

13. Постижение личности

Ямадзаки позвонил чуть до полудня.

В тусклом свете, сочившемся сквозь серые облака, нанотехнические здания выглядели еще безрадостнее, а потому Лэйни с самого утра задернул занавески и сел смотреть телевизор. По NHK показывали чемпионат по запусканию волчков. Главной, как он понял, звездой была маленькая девочка с тощими косичками на голове, одетая в синее платье со старомодным матросским воротником. Она казалась малость косоватой, не иначе как из-за самозабвенного усердия.

– Хелло, мистер Лэйни, – поздоровался Ямадзаки. – Вы хорошо отдохнули? Чувствуете себя получше?

Девочка резким отработанным движением дернула аккуратно намотанную бечевку, и красно-желтый волчок ожил. Ведущий поднес к волчку ручной микрофон, дал зрителям несколько секунд послушать ровное гудение, а затем сказал что-то по-японски.

– Лучше, чем вчера, – сказал Лэйни.

– В настоящее время мы организуем для вас доступ к информации, окружающей нашего общего знакомого. Дело далеко не простое, поскольку эта информация защищена самыми разнообразными способами. Не было и не могло быть единой, универсальной стратегии. Его частная жизнь ограждается от посторонних глаз весьма сложной, многослойной завесой.

– А этот самый «общий знакомый», он-то об этом знает?

Неловкое молчание. Бешено крутящийся волчок не проявляет ни малейших признаков усталости. Перед глазами Лэйни возникло растерянно моргающее лицо Ямадзаки.

– Нет, он не знает.

– Мне еще так и не сказали, на кого я буду работать. На него? На Блэкуэлла?

– Вашим работодателем является «Парагон-Эйша Дейтафлоу», место регистрации Мельбурн. И вашим, и моим.

– А как насчет Блэкуэлла?

– Блэкуэлл работает на корпорацию, через которую проходит часть доходов нашего знакомого. Эта структура, созданная когда-то исключительно для оптимизации финансовых потоков, максимального снижения потерь, стала с течением времени полноразмерной корпорацией.

– Менеджеры, – кивнул Лэйни. – Менеджеры, работающие на этого парня, наложили в штаны от страха, что он выкинет какой-нибудь номер. Это так, да?

Красно-желтый волчок начал еле заметно подрагивать. Скоро его верхний конец станет описывать все расширяющиеся круги, а потом – все.

– Я все еще малосведущ в обычаях этого бизнеса, мистер Лэйни. Мне трудно давать сколько-нибудь определенные оценки.

– А что это такое говорил вчера Блэкуэлл, что будто Рез решил жениться на этой японской девице, которой и нету вовсе?

– Идору, – сказал Ямадзаки.

– Что?

– Певица-идол по имени Рэи Тоэи. Она представляет собой личностный конструкт, совокупность программных продуктов, порожденных группой инфодизайнеров. Некий аналог того, что именуется в Голливуде «синтактер», если только я не ошибаюсь.

Лэйни прикрыл на несколько секунд глаза. Снова открыл.

– Так как же тогда он может на ней жениться?

– Я не знаю, – вздохнул Ямадзаки. – Но наш знакомый выражает такое намерение, и весьма определенно.

– А вы не могли бы мне сказать, для чего они наняли вас?

– Первоначально, как мне кажется, они надеялись, что я смогу объяснить им феномен идору: что делает ее столь привлекательной для аудитории и – возможно – для него. К тому же мне кажется, что и они, подобно Блэкуэллу, так и не смогли окончательно расстаться с убеждением, что все это – результат некоего зловещего заговора. А теперь они поручили мне ввести вас в культурный контекст ситуации.

– Кто такие они?

– В данный момент я не могу говорить более определенно.

Волчок начал вихлять. Лэйни заметил в глазах девочки что-то близкое к ужасу.

– Сегодня вечером я попытаюсь ответить на все ваши вопросы. Тем временем, пока специалисты организуют для вас доступ к информации, ознакомьтесь, пожалуйста, с этими…

– Эй, – возмутился Лэйни, но на месте девочки с волчком уже появился незнакомый ему логотип: мультипликационный бульдог в шипастом ошейнике, по уши залезший в миску с супом.

– Два документальных видео по «Ло/Рез», – пояснил Ямадзаки, – вышедшие под маркой «Сучьего супа». Мелкой независимой фирмы, базировавшейся в Восточном Тайбее. «Сучий суп» выпустил первые записи «Ло/Рез», позднее группа приобрела этот лейбл и использовала его для выпуска не очень коммерческих материалов других артистов.

Лэйни едва сдерживал желание выругаться – девочка с косичками была куда симпатичнее этого идиотского бульдога.

– Так это что же, – спросил он, – документальные фильмы о

самих себе?

– Эти фильмы не отдавались группе на утверждение. Они не являются корпоративными документами «Ло/Рез».

– И то слава богу, – мрачно заметил Лэйни.

– Так вы посмотрите, пожалуйста, – сказал Ямадзаки и отключился.

Виртуальная камера сделала наплыв на один из шипов собачьего ошейника, и он превратился в огромную стальную пирамиду. На сверкающей треугольной грани, по которой плыли отражения облаков, медленно проступило стандартное предупреждение из Всеобщего соглашения об авторских правах.

Вскоре стало ясно, что фильм попросту слеплен из огрызков рекламного материала групп, и Лэйни со спокойной совестью пошел в ванную разбираться с загадочной японской техникой.

Почистив зубы и приняв душ за шесть рекордных минут, он вернулся к экрану, на котором продолжали мелькать кадры все того же вроде бы фильма. Все это было похоже на какие-то художественные выкрутасы, Лэйни видел такие штуки не раз и не два, но никогда в них особенно не вникал. Надевая белый махровый халат с меткой гостиницы, он решил, что сегодня нужно смотреть повнимательнее, а то ведь Ямадзаки может устроить экзамен, с него станется.

Ну и для чего, спрашивается, люди такое делают? Ни последовательного повествования, ни хоть бы признаков какой-то разумной структуры, некоторые эпизоды повторяются чуть не по десять раз, то на одной, то на другой скорости…

В Лос-Анджелесе были целые бесплатные каналы, посвященные подобным штукам, и домодельные ток-шоу с самозваными ведьмочками, восседающими в чем мать родила перед огромными изображениями своих богинь, ими же и измалеванными где-нибудь в гараже. Но там-то все это хоть смотреть можно. Судя по всему, замысел этой лапши из эпизодов состоял в сознательном нарушении всех законов построения кадра – нечто вроде хождения по водам, простейшее, многократно повторяемое действие, временно создающее иллюзию равенства с подлежащей основой. Но для Лэйни, проведшего сотни, тысячи часов в глубинных пучинах океанов информации, для которых все масс-медиа – наносная пена, подобные экзерсисы выглядели до крайности убого. И до ломоты в скулах – скучно, хотя, надо думать, скука здесь тоже ставилась на службу общему замыслу – еще одно нарушение общепринятых правил.

А с чего бы иначе кто-то стал подбирать и склеивать все эти кадры, где Ло и Рез, китаец и полуирландец, гитарист и певец,

говорят глупейшие вещи в десятках различных мест перед телевизионными камерами и, надо думать, под перевод? Лейтмотивом были приветствия и благодарности. «Мы счастливы, что смогли наконец приехать к вам во Владивосток. Говорят, у вас появился недавно новый огромный аквариум?» – «Мы хотели бы поздравить вас с проведением свободных выборов и с вашей успешной кампанией по борьбе с лихорадкой денге!» – «Нам всегда, всегда нравился Лондон!» – «О, Нью-Йорк, вы здесь все такие… прагматичные!»

Обследовав остатки своего завтрака, Лэйни нашел под крышкой из нержавейки тарелку с довольно большим огрызком ржаного тоста. В кофейнике оставалось еще на два пальца кофе. Ему не хотелось задумываться о звонке Райделла и его возможном значении. А он-то верил, что совсем покончил со «Слитсканом», покончил со всей этой адвокатской братией…

– Сингапур, ты прекрасен! – сказал Рез.

– Хелл-о, Львиный город![20] – поддержал его Ло. Лэйни взял дистанционный пульт и ткнул быструю перемотку. По нулям. Отключение звука? По нулям. Так-так, значит, Ямадзаки где-то там гоняет всю эту чухню для удовольствия единственного привилегированного зрителя – некоего Лэйни. Он хотел было вообще отключить на хрен телевизор, но поостерегся – а вдруг это будет им как-нибудь видно.

Фильм начал разгоняться, эпизоды становились все короче и шли все чаще, происходящее на экране утратило последние остатки смысла, слилось в сплошное, одуряющее мелькание. Улыбка Реза начинала выглядеть зловеще, превратилась в некую отдельную, самостоятельную сущность, перепрыгивавшую, почти не меняясь, из одного эпизода в другой.

А затем все это исчезло, растворилось в смутных тенях, из которых постепенно выступила золоченая ампирная лепнина. Приглушенный звон бокалов. Своеобразное, словно лишенное глубины изображение, знакомое Лэйни по работе в «Слитскане», такое получается при использовании сверхминиатюрных камер, маскируемых под прилипшие к одежде соринки.

Ресторан? Клуб? Кто-то, сидящий прямо напротив камеры за строем зеленых бутылок. Темнота и хилое разрешение крошечной камеры делают черты лица совершенно неразборчивыми. Человек наклоняется вперед, теперь понятно, что это Рез. Он раздраженно взмахивает недопитым бокалом красного вина.

– Если мы когда-нибудь кончим болтовню про музыку, музыкальную индустрию и внутри музыкальную политику, я попробую рассказать вам, насколько легче привлекать к себе внимание миллионов безличных, безразличных тебе слушателей,

чем принять любовь и преданность людей, самых тебе близких.

Женский голос, несколько слов по-французски. Скорее всего, именно эта женщина и спрятала на себе камеру.

– Полегче, Роззер. Она не понимает и половины того, что ты тут говоришь.

Лэйни вздрогнул от неожиданности. Блэкуэлл? Ну да, конечно. Да и что тут, собственно, удивительного?

– Не понимает? – Рез отодвинулся, его лицо снова превратилось в смутное пятно. – Очень жаль, ведь иначе я рассказал бы ей, как это одиноко – быть непонятым. А может, мы одиноки потому, что боимся быть понятными, не позволяем себя понять?

Стоп-кадр размытого лица. Метка даты-времени. Два года тому назад. На экране появляется слово «непонятый».

Телефон.

– Да?

Голос Ямадзаки.

– Мне только что звонил Блэкуэлл. У них появился удачный просвет. График сдвинулся. Вы можете входить прямо сейчас.

– Слава богу, – сказал Лэйни, – а то этот первый фильм – вряд ли я что-нибудь из него высосу.

– Рез в поисках нового художественного смысла? Не беспокойтесь, мы покажем вам его еще раз, попозже.

– У меня прямо камень с души упал. А что, второй, он тоже в таком духе?

– Второй документальный фильм сделан в более обычной стилистике. Подробное интервью, элементы биографии. Би-би-си, три года назад.

– Прекрасно.

– Блэкуэлл уже едет к вам в гостиницу. До свидания.

14. Токийское отделение

Сайт, возведенный токийским отделением для предстоящей встречи, напоминал японские гравюры в музее, куда Кья ходила со школьной экскурсией, такой же коричневый свет, словно сочащийся сквозь наслоения древнего лака. На дальних холмах виднелись перекрученные деревья с сучьями, как размашистые росчерки китайской тушью. Они с Мицуко сразу же направились к деревянной хижине с широкими скатами соломенной крыши. В такую вот хижину прокрадываются под утро мультипликационные ниндзя, чтобы разбудить спящую героиню и сказать ей, что все не так, как ей думалось, что ее дядя состоит в сговоре с преступным полководцем. Кья проверила свою внешность в маленьком периферийном окошке и после короткого колебания сделала губы чуть поярче.

Приблизившись к хижине, она обнаружила, что буквально все там сделано из материалов по «Ло/Рез», хранящихся в клубном архиве. Вот, скажем, бледные, сильно увеличенные фрагменты снимков, то появлявшиеся на промасленной бумаге стенных панелей, то исчезавшие с естественной хаотичностью пятен солнечного света, пробивающегося сквозь листву: Резова скула и кусочек черных очков, рука Ло на грифе гитары. Изображения исчезали, сменялись другими, и, если присмотреться получше, все они состояли из других, более мелких изображений, а те – из совсем уж крошечных и так далее, сколько позволяла разрешающая способность сайта, его цифровая ткань. Кья не знала точно, возможно ли сделать такое просто силами каких-нибудь там фрактальных пакетов или одним софтвером тут не обойдешься, нужно, чтобы и железо было специальное. Ее «Сэндбендерс» тоже умел кое-что в этом роде, но по большей части в демонстрационных материалах, рекламирующих возможности фирменного программного обеспечения.

Панели разъехались в стороны, они с Мицуко проплыли внутрь, сидя в позе лотос, аккуратно остановились и зависли дюймах в трех над циновкой (на которую Кья старалась не смотреть, заметив, что она соткана из телефильмов, снятых на концертах группы, – не хотелось отвлекаться). Хороший получился вход, да и выглядели они вполне достойно, не придерешься. Мицуко была в кимоно с этим, как положено, широким поясом, традиционный японский костюм, но только сплошь сотканный из приглушенных, не лезущих в глаза анимаций. Кья загрузила для такого раза костюм от Силке-Мари Колб из блузона с плотно облегающими рейтузами, хотя ей было

в лом платить за виртуальный прикид, который они не разрешали даже тебе скопировать. Правда, платила она опять с той, от Келси, карточки, хоть какое-то утешение.

Все семь девушек, ждавшие их в виртуальной хижине, тоже парили, поджав под себя ноги, в нескольких дюймах над циновкой; все они были в кимоно, но при этом одна из них, расположившаяся чуть поодаль, словно во главе воображаемого стола, выглядела несколько необычно. Робот, но совсем не такой, как настоящие роботы, а гибкий, изящный, сверкающий полированным металлом. Нечто вроде огромной ртутной капли, отлитой в безупречную женскую фигуру. Не было никаких сомнений, что это Хироми Огава и что, как язвительно подумала Кья, у этой девушки действительно есть проблемы с излишним весом.

Ее тускло-бежевое, как старые фотоснимки, кимоно было соткано из совместных интервью Ло и Реза.

Для начала «нашей уважаемой американской гостье» были последовательно представлены все присутствующие, все они действительно имели свои должности и звания, так что процедура знакомства растянулась на какое-то немыслимое время; Кья быстро перестала вникать в происходящее и только вежливо кивала в нужные моменты. Ей не нравилось, что Хироми явилась на встречу в таком виде. Это нахальство, думала она, и нахальство намеренное, а то, что они вложили в свой сайт столько сил, только подчеркивает это нахальство.

– Встреча с тобой, Кья Маккензи, представляет для нас высочайшую честь. Наше отделение с нетерпением ждет возможности оказать тебе всяческую помощь. Мы горды своей причастностью к неудержимо разрастающемуся движению, цель которого – всемирное, всемерное признание группы «Ло/Рез», ее музыки и ее искусства.

– Спасибо, – сказала Кья.

Все молчали. Через несколько невыносимо долгих секунд Мицуко негромко откашлялась. Вот оно что, догадалась Кья. Речугу нужно толкать.

– Я не нахожу слов, чтобы поблагодарить вас за ваше предложение помощи, за ваше сердечное гостеприимство, – сказала она. – Вы можете быть уверены, что любую из вас ждет в Сиэтле столь же радушный, прием. И мне действительно нужна ваша помощь, потому что мы там крайне обеспокоены дошедшими до нас известиями, что Рез публично изъявил намерение жениться на некоем программном продукте, а так как он, согласно тем же слухам, сказал это во время своего пребывания в вашей стране, мы решили…

Кья чувствовала, что делает ошибку, что не надо было так уж сразу…

Мицуко снова кашлянула.

– Да, – сказала Хироми Огава, – мы рады видеть тебя здесь, с нами, а сейчас Томо Осима, наш историк, порадует нас подробным и точным изложением истории нашего отделения, истории того, как из горстки неискушенных, но преданных почитателей талантов Ло и Реза взросло самое деятельное, самое уважаемое из японских отделений нашего клуба.

Кья прибалдела.

Девушка, сидевшая между ней и Хироми, поклонилась и начала рассказывать историю токийского отделения клуба поклонников (вернее сказать – поклонниц) группы «Ло/Рез» во всех ее скучнейших, выматывающих силы подробностях. Как две девочки, вместе учившиеся в школе-интернате, две вернейшие, неразлучнейшие подруги нашли, гуляя по Акихабара,[21] «сучий-супный» альбом, выброшенный кем-то в мусорную урну, как они принесли его в школу, проиграли и это сразу изменило их жизни. Как смеялась над ними вся школа, как стойко держались они, когда кто-то из одноклассников украл и спрятал от них драгоценный альбом… И так далее, и так далее, и конца этому не было видно, а Кья должна была сидеть и слушать всю эту тягомотину. Еле сдерживая желание в голос завыть, она прилепила на зеркальную физиономию робота часы, на то примерно место, где полагалось бы быть глазам. Никто их, конечно же, не видел, но ей самой стало как-то поприятнее.

Теперь описывался первый всеяпонский съезд почитательниц «Ло/Рез», на белых бумажных стенах замелькали фотоснимки маленьких девочек в джинсах и футболках, пьющих кока-колу в каком-то подсобном помещении гостиницы Осакского аэропорта, на заднем плане маячат фигуры бдительных родителей.

Через сорок пять минут по все тем же часам, заметно оживлявшим бессмысленное лицо Хироми Огава, Томо Осима подобралась к заключительной фазе.

– Что переносит нас к настоящему моменту, к историческому визиту Кья Маккензи, достойнейшей представительницы сиэтлского, штата Вашингтон, отделения нашего общества. И теперь мы все надеемся, что она почтит нас изложением истории своего отделения, расскажет нам, как оно зародилось, о его многогранной деятельности, способствующей всемерной популяризации музыки «Ло/Рез»…

– К сожалению, я должна вас разочаровать, – сказала Кья, когда отзвучал шелест аплодисментов, адресованных то ли Томо Осима, то ли ей самой. – Наш историк подготовил все нужные

материалы, но они совершенно перекорежились, когда мою сумку пропускали в аэропорту через этот большой сканер.

– Нам очень жаль, – вздохнула роботоподобная Хироми. – До чего же неудачно!

– Да, – согласилась Кья, но, с другой стороны, так у нас будет больше времени на обсуждение вопроса, который привел меня к вам.

– Мы надеялись…

– Помочь нам разобраться во всей этой истории с Резом, да? Мы так и знали. И мы заранее благодарны вам за вашу помощь. Потому что этот слух нас крайне обеспокоил. И ведь он, похоже, возник здесь, у вас, и эта Рэи Тоэи, она тоже местный продукт, так что вы должны понимать происходящее лучше, чем кто-либо другой.

Хироми молчала. Трудно было ожидать, чтобы на гладком металлическом овале ее лица появилось какое-нибудь выражение, но Кья все равно убрала свои часы – на всякий случай.

– Вот за этим я сюда и приехала, – заключила она. – Чтобы узнать, неужели он действительно хочет на ней жениться?

В виртуальной хижине повисло неловкое молчание. Шестеро девочек усердно рассматривали циновку, словно впервые заметив пробегающие по ней картинки. Кья не видела Мицуко и не решалась на нее взглянуть – это было не совсем вежливо.

– У нас официальное отделение, – сказала в конце концов Хироми. – Мы имеем честь работать в непосредственном контакте с представителями группы. Их агенты по связям с общественностью обратились к нам с просьбой помочь им сдержать дальнейшее распространение этого неприятного слуха.

– Дальнейшее распространение? Да он уже неделю висит в сети, куда уж там дальше!

– Это не более чем слух.

– Так пусть они опубликуют опровержение.

– Опровержение не погасит слух, а лишь укрепит его.

– Если верить первоначальному сообщению, Рез публично объявил, что любит эту Рэи Тоэи и хочет на ней жениться. Там была длинная цитата.

Кья все сильнее чувствовала, что что-то здесь не так. И разве стоила эта беседа того, чтобы лететь на другой конец света? С тем же успехом она могла бы сидеть сейчас в Сиэтле в своей собственной комнате.

– Мы думаем, что это первоначальное сообщение было чьей-то грубой шуткой. Такое уже случалось.

– Вы думаете? Иначе говоря, вы и сами ничего точно не знаете?

– Наши источники заверили нас, что нет никаких причин для беспокойства.

– Ну да, конечно, – усмехнулась Кья. – «Положение нормальное, идем ко дну».

– Так это что же, ты думаешь, что сотрудники группы «Ло/Рез» нам врут?

– Послушай, – сказала Кья, – я торчу на этой команде не меньше кого угодно. А то чего бы я, собственно, сюда прилетела? Но ведь ребята, работающие на «Ло/Рез», – это не ангелы, а просто ребята, работающие на «Ло/Рез». И если Рез забредет однажды вечером в клуб, возьмет микрофон и заявит во всеуслышание, что любит эту самую идору, а для полноты комплекта еще и даст клятву на ней жениться, его ребята будут потом говорить ровно то, что они, по ихнему мнению, должны говорить, абсолютно не заботясь, правда это или нет.

– Но у тебя нет никаких доказательств, что все это было. Только какое-то там анонимное сообщение, какая-то там якобы транскрипция записи, сделанной в каком-то там клубе.

– «Обезьяний бой». Мы проверили, этот клуб находится здесь, в Синдзюку.

– Проверили? А ты вот сходи и посмотри сама.

– Зачем?

– А затем, что такого клуба больше нет.

– Как это – нет? Ведь был же.

– Был, да весь вышел, в Синдзюку это дело обычное. – Злорадное торжество Хироми пробивалось даже сквозь тусклый фильтр машинного перевода.

Вот и выведай что-нибудь у этой стервы, думала Кья, с ненавистью глядя на непроницаемое металлическое лицо. А что теперь делать? Что сделала бы Сона Роса, будь она здесь, на этом месте? Что-нибудь такое, демонстративно-психованное, в своем коронном стиле.

– Спасибо, – сказала она. – Мы ведь просто хотели увериться, что ничего такого не происходит. Прости, пожалуйста, если я вела себя не совсем вежливо, это ведь только для того, чтобы развеять последние сомнения. Раз ты говоришь, что все это пустые слухи, значит, так оно и есть. Я же понимаю, что вы, ваше отделение, заботитесь о благе Реза ничуть не меньше, чем мы, сиэтлские. И еще раз спасибо за все. – Кья вежливо поклонилась.

Хироми ответила не сразу и совершенно другим тоном. Она явно не ожидала от гостьи такого миролюбия.

– Наши друзья в компании «Ло/Рез» очень обеспокоены возможным влиянием этих беспочвенных слухов на публичный имидж Реза. Вы же знаете, что всегда была тенденция изображать

его как более креативного, но в то же самое время и менее стабильного члена группы.

Что, конечно же, соответствовало истине, хотя Резов стиль нестабильности и выглядел достаточно скромно, если сравнивать с тем, что вытворяли подчас его предки по поп-культуре. Он никогда не имел неприятностей с полицией, не провел ни одной ночи в камере. И все же как-то так создавалось впечатление, что он очень даже может влипнуть в какую-нибудь историю. Это всегда было частью его обаяния.

– Ну да, конечно, – согласилась Кья, наслаждаясь очевидным замешательством нахальной японки. – А еще они стараются нарисовать Ло таким себе занудным технарем, насквозь практичным типом, хотя уж мы-то, – она заговорщицки улыбнулась, только что не подмигнула, – знаем, что это совсем не так.

– Да, – кивнула Хироми. – Конечно. Ну так ты, значит, полностью удовлетворена? Ты объяснишь своему отделению, что в действительности с Резом все в порядке?

– Конечно, – горячо согласилась Кья. – Какие ж еще сомнения, если ты так говоришь. Так что с этим мы разобрались, и мне нужно как-то убить еще здесь, в Японии, три дня.

– Убить?

– Идиома такая. Свободное время. Вот Мицуко говорит, что я должна посмотреть Киото.

– Киото прекрасен…

– Ну вот туда я и отправлюсь, – сказала Кья. – Спасибо за сборку этого сайта для нашей сегодняшней встречи. Здорово получилось, и, если вы его сохраните, я бы очень хотела зайти сюда как-нибудь потом, вместе с нашими девочками. А то соберемся все вместе, будем дружить отделениями.

– Да, пожалуй… – Хироми определенно не понимала, что все это должно значить.

Вот и поломай голову, злорадно подумала Кья.

– Ты знала, – сказала Кья, – ты знала, что она выкинет этот номер.

– Прости, пожалуйста. – Мицуко покраснела до корней волос. Она сидела опустив глаза и бесцельно теребила свой студенистый компьютер. – Хироми решила, что так надо.

– Они с ней связались, да? Сказали, чтобы она как-нибудь от меня отделалась, заткнула мне глотку.

– Она общается с людьми из «Ло/Рез» без нас, частным образом. Это одна из привилегий ее положения.

Кья взглянула на свои пальцы, все еще унизанные

серебристыми наперстками.

– Мне нужно поговорить со своим отделением. Можешь ты оставить меня на несколько минут одну? – Она и злилась на Мицуко, и жалела ее. – И я совсем не злюсь на тебя, понимаешь?

– Я пойду приготовлю чай, – сказала Мицуко и вышла, прикрыв за собой дверь.

Кья убедилась, что «Сэндбендерс» все еще подключен к сети, снова надела гляделки и вызвала главный сайт сиэтлского отделения.

И попала в совсем другое место, где ее поджидала Сона Роса.

15. Акихабара

Низкие, серые облака над серым, унылым городом. Взгляд на новые здания сквозь тонированные, с кружевными занавесочками окна лимузина-недоростка.

Промелькнула реклама «Эппл Ширз», булыжная улочка, уводящая в своего рода голографическую сказку, где приплясывают добродушные, широко улыбающиеся бутылки с соком. Лэйни снова ощущал джет-лаг, в более мирной, но и более ухищренной форме. Некий противоестественный гибрид грызущего чувства вины и на удивление убедительной иллюзии удаленности от своего тела, когда все сенсорные сигналы добираются до тебя какими-то несвежими, потрепанными в долгом пути через запретные для тебя самого пространства.

– Я-то думал, что теперь все будет в порядке, – сказал Блэкуэлл. – Теперь, когда мы избавились от этих сибирских психопатов.

Сегодня австралиец оделся сплошь в черное, что несколько скрадывало его чудовищные габариты. На нем было нечто вроде свободной, бесформенной блузы из черной, как душа злодея, бумажной ткани со множеством карманов по нижнему краю. Нечто смутно-японское. В неопределенно-средневековом роде. Что-то подобное мог носить какой-нибудь ремесленник. Ну, скажем, плотник.

– Свихнутые, как не знаю что, – сказал Блэкуэлл. – Прилипли к нему во время турне по комбинатским странам.

– Психопаты?

– Накачивали Реза всякой отравой. А он податлив на любые влияния, и дома тоже, а в турне так особенно. Стресс, умноженный на скуку. Все города начинают выглядеть одинаково. Гостиница за гостиницей, гостиница за гостиницей, тут кто хочешь свихнется.

– А куда мы едем?

– Акихабара.

– А что это такое?

– То, куда мы едем. – Блэкуэлл взглянул на огромные, с уймой непонятных циферблатов часы. Укрепленные на массивном стальном браслете, они подозрительно смахивали на технику двойного применения. Такие себе часы-кастет. – Я видел, что происходит, а что толку, они ж целый месяц не давали мне ничего сделать. Потом мы запихнули его в эту парижскую клинику, а там нам сказали, что эти ублюдки с этим ихним дерьмом в хлам порушили его эндокринную систему. Починили в

конце концов, но ведь этого просто не должно было случиться, допускать этого было нельзя.

– Но потом-то вы от них избавились? – Лэйни абсолютно не понимал, о чем это Блэкуэлл, но нужно же было как-то поддерживать иллюзию разговора.

– Сказал им, что подумываю пропустить их через хондовскую промышленную шинковку, а то вот купил механизм и не знаю, что с ним делать, – ухмыльнулся Блэкуэлл. – Не потребовалось, хватило и демонстрации на холостом ходу. В конечном итоге мы просто малость отретушировали им фотокарточки, вот и вся недолга.

Лэйни смотрел на затылок шофера. Он никак не мог привыкнуть к правостороннему управлению, все казалось, что на водительском месте никого нет.

– А вы давно работаете на эту команду?

– Пять лет.

Лэйни вспомнил видеоролик, знакомый голос в полумраке клуба. Два года назад.

– Так куда мы едем?

– Скоро будем, теперь уже близко.

Пейзаж за тонированными стеклами резко изменился. Узкие улочки, безликие, неухоженные здания. Ни одна реклама не светится, не живет. Огромные щиты с незнакомыми Лэйни названиями. Некоторые здания повреждены, надо думать – при том самом землетрясении. Косые трещины, исполосовавшие один из фасадов, заляпаны большими, с голову, комками бурой стекловидной массы, грошовая игрушка, кое-как подклеенная каким-то неумехой. Машина вильнула к обочине и остановилась.

– «Электрический город», – объявил Блэкуэлл и добавил, тронув шофера за плечо: – Жди нас здесь.

Шофер кивнул, не оборачиваясь и как-то совсем уж не по-японски. Блэкуэлл открыл дверцу машины и со все той же кошачьей грацией выскользнул наружу; ближний к обочине край машины облегченно качнулся вверх. Лэйни, уныло волочивший свой зад по серому бархатному сиденью, чувствовал себя разбитым и окостенелым.

– Я как-то ожидал оказаться в месте малость пофешенебельнее, – сказал он, захлопнув за собой дверцу и оглядевшись по сторонам.

– А вот не надо ничего ожидать, – посоветовал Блэкуэлл.

За растрескавшейся, с коричневыми наростами стеной таилось море разливанное белой, розовой, нежно-салатной и какой только некухонной техники. По низкому потолку змеились многочисленные, на скорую руку протянутые трубы и кабели.

Блэкуэлл уверенно направился по центральному проходу. В боковых проходах слонялись какие-то люди, то ли продавцы, то ли задумчивые покупатели.

В конце прохода нескончаемо уползала вверх складная гармошка старомодного эскалатора; прямоугольные зубья выскальзывающих из-под пола ступенек тускло поблескивали истертой сталью. Блэкуэлл не остановился и даже не сбавил шага, словно не замечая, что лестница движется, Лэйни едва за ним поспевал.

Второй этаж. Здесь ассортимент был поразношерстнее: настенные экраны, погружные консоли, автоматизированные шезлонги с массажными модулями, выпиравшими из них, как головы огромных механических червей.

По проходу, тесно заставленному гофропластиковыми ящиками, руки Блэкуэлла туго вбиты в карманы черной, как у киношных ниндзя, распашонки. В голубой лабиринт пластиковых шторок, свисающих с потолка, с каких-то ржавых труб. Непонятные инструменты. На кафельном полу – алюминиевые козлы, на козлах – красный продолговатый ящичек, на ящичке – термос из нержавейки, на термосе – глубокая вмятина. Шрамы на руке Блэкуэлла, откинувшего последнюю занавеску.

– Послушайте, Блэкуэлл, а побыстрее было нельзя? – ядовито поинтересовался незнакомый женский голос. – Мы уже битый час поддерживаем для вас этот чертов доступ. Думаете, это очень легко?

Лэйни поднырнул под занавеску, и она упала за его спиной.

– Заезжал за ним в гостиницу, – буркнул Блэкуэлл.

Лэйни обвел помещение глазами. С трех сторон пластиковые занавески, с четвертой – глухая стена. Места вроде бы и много, раза в два больше, чем в том гостиничном номере, и все равно тесно, в первую очередь – от техники. Да и от мусора тоже. Солидная батарея черных аппаратурных стоек буквально утопает в белой трясине пенополистирольной упаковки, обломков гофрированного пластика и скомканных пузырьковых «простыней». Три человека, замершие в ожидании у стоек, – двое мужчин и женщина.

– Хоть бы порядок какой навели. – Блэкуэлл раздраженно пнул груду упаковочного хлама.

– А мы в уборщики не нанимались, – любезно сообщила женщина. Вот таким же примерно голосом и в такой же манере изъяснялись сотрудницы Лэйни, слитскановские аналитички.

Все трое техников – один рыжий, один японец с волосами, стянутыми на затылке в тугой самурайский хвостик, и эта самая женщина, коротко стриженная шатенка, – были одеты в джинсы и

самые нормальные, без никакой экзотики, короткие куртки.

– Это ж сдуреть, чтобы такая работа и почти без предупреждения, – проворчал рыжий.

– Совсем без предупреждения, – поправил его японец. Уж этот-то точно был свой, из Калифорнии.

– За то вам и платят, – сказал Блэкуэлл.

– Нам платят за развлекательную прогулку, – ухмыльнулся рыжий.

– Молитесь, чтобы эта хрень работала, – Блэкуэлл указал подбородком на опутанные проводами стойки, – а то все ваше развлечение быстро закончится.

Пока шел этот обмен любезностями, Лэйни заметил у дальней – и единственной в этом загоне – стены складной стол. Пластиковый, ядовито-розовый. На столе стоял тускло-серый компьютер и лежали очки. От компьютера к ближайшей стойке тянулись плоские радужно-многоцветные ленты кабелей. Стена хранила многолетние наслоения старых, незнакомых реклам, из-за розового стола тупо таращился огромный, фута в четыре, женский глаз.

– Ладно, – сказал Лэйни, осторожно пробираясь к столу сквозь завалы пенополистирола. – Посмотрим, что там у вас такое.

16. Сона

Здесь не было ни одного мало-мальски целого дома, только жалкие пеньки обвалившихся стен да немногие прямоугольники ржавой гофрированной кровли, косо сидевшие на серых, обветшавших деревянных столбах. И еще – плавательные бассейны, густо поросшие кактусами и огненно-красными молочаями, на белой мозаике битого кафеля сторожко дремали ящерицы, загадочные письмена неведомых цивилизаций. Кое-где чернели пятна дотла прогоревших костров.

Здесь всегда был ранний вечер.

– Сона?

– Тебя кто-то ищет.

Белая футболка, заношенная кожаная куртка. Здесь, в своей долине, Сона всегда представлялась мелькающим коллажем деталей, вырванных из фильмов и журналов, реклам и мексиканских газет: темные глаза, ацтекские скулы, еле заметная россыпь подростковых прыщиков, спутанные черные волосы. Она поддерживала низкое разрешение, всегда была чуть не в фокусе.

– Мама?

– Нет. Кто-то с серьезными возможностями. Кто-то, точно знающий, что ты в Токио. – Узкие носы черных сапог припорошены пылью долины. Медные молнии по наружным швам выгоревших черных джинсов, от талии до щиколоток. – А чего это ты так вырядилась?

– А? – Кья так и была в прикиде от Силке-Мари Колб. – Ну да. Это для встречи с местными. У них тут все официально, как я не знаю, помрешь и не встанешь. Дорого, но я заплатила по карточке нашей общей знакомой.

– А где ты входила в сеть, когда платила?

– Там же, где и сейчас. У Мицуко.

– Да? – нахмурилась Сона. – А что еще ты покупала?

– Ничего.

– Ничего?

– Ну, еще в метро платила.

– В метро, говоришь! – Сона щелкнула пальцами. Ящерка, выскользнувшая из-под соседнего валуна, взбежала по ее ноге и легла в подставленную ладонь. Сона любовно погладила узкое, верткое тельце, и узор чешуи изменился. Затем Сона постучала ящерку по голове, та стремглав сбежала на землю и исчезла за смятым, насквозь проржавевшим листом кровельного железа. – Келси испугалась. Испугалась настолько, что ко мне пришла.

– Испугалась? Чего?

– Какие-то типы трясли ее насчет твоего билета. Они пытались связаться с ее отцом, потому что билет был куплен на его баллы, но он, отец, сейчас в отъезде. Тогда эти типы взялись за Келси. Думаю, они ей угрожали.

– Чем?

– Я не знаю. Но она им все выложила: и твое имя, и номер карточки.

Кья вспомнила Мэриэлис. И Эдди.

Сона Роса достала из кармана кожанки складной нож и присела на корточки; в пластиковых накладках неустанно вились золотые драконы. Легкое прикосновение к луженой кнопке, и наружу вылетело длинное, с гравированным драконом лезвие, тыльная сторона лезвия – хребет дракона, иззубренный и безжалостный.

– Яиц у нее нет, у твоей Келси.

– Она такая же твоя, как и моя.

Сона подобрала с земли веточку, из-под ножа побежали крутые завитки стружки.

– В моем мире она не продержалась бы и часа.

В тот последний раз она рассказывала про свою войну с «крысами», про ночные марш-броски сквозь ржавые джунгли обветшавших гаражных комплексов и генеральные сражения на загаженных детских площадках. Как началась эта война? Чего они там не поделили? Сона с ходу отметает все подобные вопросы как несущественные.

– А я и того меньше.

– Так кто же тогда тебя ищет?

– Ну, если бы мама узнала, что я здесь…

– Твоя мама ни в жизнь не нагнала бы на Келси такого страху.

– Если кто-нибудь узнает номер моего места в самолете, он тогда сможет узнать номер билета, а потом узнать, где и как был куплен билет, верно?

– Да, если у него есть определенные возможности. Это незаконно.

– А отсюда недалеко и до Келси…

– Но сперва он должен будет залезть в файл регулярных клиентов «Эйр Магеллан», а для этого нужны весьма, весьма серьезные возможности.

– Там, в самолете, была одна женщина… Она сидела рядом со мной. Потом вышло так, что я несла ее чемодан, а они с ее мужиком подкинули меня до Токио…

– Ты несла ее чемодан?

– Да.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи. И поподробнее, ничего не опуская. Где ты познакомилась с этой бабой?

– В аэропорте. В «Си-Таке». Там на входе брали пробу на ДНК, и она сделала такую странную вещь…

Сона слушала, строгала свою палочку и все больше мрачнела.

– Fuck your mother, – сказала она, когда Кья замолкла. Автоматический переводчик передал ее интонацию, как не поймешь что, то ли мрачное веселье, то ли отвращение.

– Чего? – смешалась Кья.

Сона посмотрела на нее вдоль гладко обструганной палочки, словно прицеливаясь.

– Обсценный арготизм. Идиома. Очень сложная и богатая, твоя мать тут совершенно ни при чем.

Она сделала что-то своим ножом, и он сложился, трижды отчетливо щелкнув. Та же, что и прежде, ящерица стрелой пронеслась по пыльной земле и выжидающе замерла, плоский мозаичный силуэт на тускло-розовом, прогретом солнцем камне. И снова, как и тот раз, пальцы Соны изменили ее окраску.

– Что это ты делаешь?

– Усложняю криптосистему. – Сона приложила ящерицу к лацкану своей куртки, и та повисла на вытертой, порыжевшей коже, как причудливая брошка с блестящими ониксовыми глазами. – Тебя разыскивают. А может, и нашли. Нам нужно по возможности защитить себя от посторонних глаз и ушей.

– А она что, способна на такое?

– Возможно. Она довольно новая. Но вот эти, – Сона ткнула палочкой куда-то вверх, – будут ненадежнее.

Кья вскинула голову к закатному небу, к темным, с розовой опушкой облакам и вроде бы различила широко раскинутые крылья. Два парящих силуэта. Больших. Не птицы. И сразу исчезли.

– Запрещенные в вашей стране. Колумбийское производство. Птички из информационного рая.[22] – Сона поставила палку заточенным концом на землю и начала крутить ее между ладонями, туда-обратно, туда-обратно. Был когда-то древний мультфильм, где кролик точно вот так же добывал огонь. – Ты идиотка. Полная.

– Почему?

– Ты пронесла чемодан через таможню? Чужой чемодан?

– Да…

– Идиотка!

– Да что тут такого?

– Эта твоя Мэриэлис – контрабандистка. А ты – наивная

раззява.

Но ведь ты-то тоже считала, что мне надо ехать, подумала Кья и едва не заплакала.

– А если даже и так, зачем они меня ищут?

– Да какая разница? – пожала плечами Сона. – Серьезный, опытный контрабандист никогда не отпускает ишака на свободу…

В животе Кья, чуть пониже пупка, шевельнулось что-то скользкое, холодное, серебристое, и в тот же самый момент пришло пугающее воспоминание туалетной комнаты в «Виски Клоне». Краем глаза замеченный уголок чего-то чужого, незнакомого. В ее сумке, между футболками. Когда она взяла одну из них, чтобы вытереть руки.

– Что с тобою?

– Слушай, я пойду. Мицуко сейчас вернется, она ведь только чай заварить… – Кья строчила как пулемет, глотая половину слов.

– Пойдешь! Ты что, сдурела? Нам еще нужно…

– Извини. Пока.

Компьютер отключен, гляделки сдернуты, теперь расстегнуть эти проклятые ремешки на запястьях… Сумка на месте, стоит как стояла.

17. Стены славы

– Мы не успели организовать все это путем, – сказала женщина, передавая Лэйни очки. Он сидел на детского размера пластиковой скамеечке. Розовой, в пандан столу. – Да и вряд ли возможно организовать такую штуку путем.

– Есть участки, до которых мы не можем добраться, – пояснил хвостатый японо-американец. – Блэкуэлл говорит, у вас был опыт работы по знаменитостям.

– Артисты, – кивнул Лэйни. – Музыканты, политики…

– Здесь все будет иначе, да вы сами увидите. Крупнее на пару порядков.

– А что осталось недоступным? – спросил Лэйни, надевая очки.

– Мы не знаем, – сказала женщина. – Сейчас вы почувствуете общий масштаб этого хозяйства. Слепые пятна могут быть по бухгалтерии, налоговым хитростям, контрактам… Мы же просто вспомогательный технический персонал. У него есть другие люди, которым специально платят за то, чтобы они обеспечивали максимальную конфиденциальность определенных массивов.

– А почему бы тогда не привлечь их? Этих людей? – удивился Лэйни и тут же почувствовал на плече тяжелую, как мешок с дробью, руку.

– Это мы обсудим как-нибудь потом, – сказал Блэкуэлл. – А вы бы пока посмотрели, что там и как. Мы же за это вам платим, верно?

Первые дни после смерти Элис Ширз Лэйни так и продолжал присматривать за ее делами (благо «Бестормозные» разрешили воспользоваться их счетом в «Дейтамерике»). Узловая точка сразу исчезла, да и вообще информации поуменьшилось, ее не то чтобы косою выкосили, а так, слегка пропололи, привели в божеский вид.

Но главное было в том, что Элис попросту не порождала новой информации. Замерла кредитная активность, даже ее счет в «Апфул групвайн» был аннулирован. По мере того как исполнялось ее завещание и завершались незавершенные сделки, информация все больше обретала аккуратный, словно по клеточкам расписанный вид. Лэйни думал о закоченевших, плотно спеленатых телах, о гробах и склепах, об аккуратно распланированных кладбищах тех давно минувших дней, когда мертвецы могли еще рассчитывать на свою долю недвижимой собственности.

Узловая точка существовала, пока Элис Ширз жила, пребывала в беспорядочном, постоянно ветвящемся взаимодействии с обыденным – и все равно бесконечно сложным – миром. А теперь взаимодействие исчезло.

Он осторожно взглянул, не проводил ли ее артист что-нибудь вроде своей любительской подчистки, – и не заметил ничего подозрительного. Впрочем, можно было не сомневаться, что «Бестормозные» и сами за этим присматривали.

Информация по Элис почти застыла, остались только некие медленные, методичные изменения, связанные, надо думать, с юридическими механизмами, с последовательным исполнением различных пунктов завещания.

Ирландия, спальня дома для гостей. Подробный каталог обстановки. Субкаталог. Предметы, находящиеся в ореховом, семнадцатый век, прикроватном комоде: зубная щетка, зубная паста, таблетки от головной боли, тампоны, бритва, гель для бритья. Кто-то периодически проверяет этот каталог и при необходимости пополняет содержимое комода. Последний гость взял гель, а бритву не трогал. Один из пунктов первого каталога: мощный, установленный на треноге австрийский бинокль со встроенной цифровой камерой.

Лэйни вошел в память камеры и узнал, что функция видеозаписи использовалась ровно один раз, в день, с которого пошел отсчет гарантийного срока. Гарантия кончилась два месяца назад, единственная запись – вид с занавешенного балкона, выходящего, как решил Лэйни, на Ирландское море. В кадре – неожиданная для этих мест пальма, ограда из стальной сетки, железнодорожная насыпь с тускло поблескивающими рельсами, грязновато-желтый песок широкого пляжа, а дальше – серое, с проблесками серебра море. Поближе к морю в кадр попала часть приземистого форта, сильно смахивающего на приплюснутую крепостную башню. Камни форта почти неотличимы по цвету от песка.

Лэйни вышел из спальни, вышел из дома и оказался в окружении археологически-точных отчетов о реставрации пяти изразцовых печей для некоей стокгольмской квартиры. Печи были огромны, четырнадцатифутовые башни из красного кирпича, облицованные фигурными, Щедро разукрашенными изразцами. В топке каждой из них могли спокойно встать в рост несколько людей. В отчетах подробно описывалась судьба каждого кирпича и каждого изразца, как они нумеровались, разбирались, очищались, реставрировались и собирались наново. Вся остальная квартира оказалась вне доступа, но одни уже эти печи создавали

впечатление о ее размерах. Лэйни кликнул в конец реставрационного отчета и отметил готовую стоимость работ – в несколько раз больше его годовой зарплаты в «Слитскане», если по теперешнему валютному курсу.

Он пошел тем же путем назад, пытаясь обрести более широкую перспективу, ощущение формы, но вокруг были непроницаемые стены, огромные массивы безликой, безукоризненно размещенной информации, и ему снова вспомнилась Элис Ширз, ее вторая, информационная смерть.

– Свет горит, – сказал Лэйни, снимая очки, – а дома никого.

Наголо выбритый, весь в черном Блэкуэлл пристроился на литом пластиковом ящике, изваяние Будды на грязно-голубом постаменте. Техники, вся троица, стоят, засунув руки в карманы одинаковых курток, и прилежно изображают безразличие.

– Это в каком же смысле? – мрачно поинтересовался Блэкуэлл.

– Странная история, – пожал плечами Лэйни. – Он словно вообще ничего не делает.

– Не делает? – Рассеченная шрамом бровь саркастически приподнялась. – Да он всю дорогу норовит что-нибудь такое сделать. А я потом расхлебывай.

– Хорошо, – кивнул Лэйни. – А вот где он, скажем, завтракает?

– Завтракает? – смутился Блэкуэлл. – В своем номере.

– В номере чего?

– Отеля «Империал», – раздраженно буркнул Блэкуэлл и покосился на техников.

– И в какой же это такой империи?

– Здесь. В этом трижды долбанном Токио.

– В Токио?

– Вы, компания, – сказал Блэкуэлл, – кыш отсюда.

Женщина равнодушно пожала плечами и побрела к выходу, раскидывая ногами обломки пенополистирола, мужчины последовали ее примеру. Блэкуэлл проводил их взглядом и поднялся со своего постамента.

– Если вы думаете водить меня за нос…

– Я просто хочу сказать, что это зряшная затея. Его там нет, нет и все тут.

– Но это же и есть его долбаная жизнь!

– Как он платит за завтрак?

– И завтрак, и все остальное включается в счет за гостиницу.

– А на чье имя снят этот номер? На него?

– Конечно же нет.

– Ну а если, скажем, он захочет что-нибудь купить?

– Покупку сделает кто-нибудь другой, из сопровождающих.

– И заплатит наличными?

– По карточке.

– Но не на его имя?

– Нет.

– А значит, нет никакой возможности связать эту покупку с ним?

– Естественно.

– И все это потому, что вы хорошо делаете свое дело, верно?

– Да.

– А значит, он невидим. Для меня. Я не вижу его, не могу увидеть. Его там попросту нет, Я не могу сделать то, для чего вы меня наняли. Это невозможно.

– Но как же так? Ведь там уйма информации.

– Это не человек, не личность. – Лэйни покачал; очки на пальце и положил их на клавиатуру. – Это корпорация.

– Но ведь мы предоставили вам все! Его долбаные особняки! Его квартиры! Да хоть бы даже, где и когда садовники засадили каменную стену долбаными цветочками!

– Но я не знаю, кто он такой. Я не могу выделить его из окружающей обстановки. Он сливается с фоном. Он не оставляет следов, не образует нужных мне структур.

Блэкуэлл надолго закусил верхнюю губу. Негромко клацнул сошедший с места зубной протез.

– Мне нужно сформировать хоть какое-то представление, кто он такой в действительности, – сказал Лэйни.

Губа вышла наружу, пунцовая, влажно поблескивающая.

– Да-а, – протянул Блэкуэлл. – Ни хрена себе задачка.

– Мне нужно с ним встретиться.

Прежде чем ответить, Блэкуэлл вытер губу тыльной стороной ладони.

– А может, сойдемся на его музыке? А еще ведь есть видео…

– Я уже видел ваш фильм, имел такое удовольствие. Этот материал может пригодиться – но только если я познакомлюсь с Резом вживую.

Блэкуэлл осторожно потрогал свой ушной обрубок.

– Ну а если я организую вам такую встречу, вы точно сможете найти эти свои точки-узелочки, сделать эту хрень, о которой треплется драгоценный Яма?

– А кто его знает? – пожал плечами Лэйни. – Попробую.

– В пуп и в гроб. – Блэкуэлл пропахал мусорные завалы, отшвырнул занавески, рявкнул томившимся в ожидании техникам: «Идите сюда!» – и развернулся к Лэйни: – Иногда я

очень жалею, что не остался в «Джина-Джина» с корешами. Там, если что утрясешь, оно так утрясенным и останется, без никаких тебе новых бардаков.

В комнату просунулась женская голова с челочкой.

– Побросайте всю эту фигню в фургон, – сказал Блэкуэлл. – И держите ее наготове.

– У нас нет фургона, – сообщила женщина.

– Нет, так купите, – сказал Блэкуэлл.

18. Отаку

Что-то прямоугольное и вроде бы мягкое, когда дотронешься, но это только снаружи, а внутри оно жесткое. Завернутое в желто-голубой пластиковый мешок си-таковского дьюти-фри магазина. Сикось-накось заклеенное мятыми кусками коричневого скотча. Тяжелое. Компактное.

– Хелло.

Кья, сидевшая на корточках у своей расстегнутой сумки, едва не шмякнулась задом на пол, так неожиданно появился этот мальчик. Ну да, мальчик, хотя в первый момент ей показалось, что это еще одна девочка, чуть постарше, с длинными до плеч волосами, разделенными посередине на пробор.

– Я Масахико.

Говорит без переводчика. Темная балахонистая куртка, малость смахивающая на какой-нибудь армейский китель, застегнута до высокого стоячего воротника, свободно болтающегося на тонкой шее. Серые, затрепанные, с пузырями на коленях треники. Белые бумажные шлепанцы, только теперь они не белые, а грязные.

– Мицуко приготовила чай, – мальчик указал на поднос с керамическим чайником и двумя чашками, – но ты была в сети.

– А где она сама?

Кья затолкала непонятный предмет поглубже, на самое дно сумки.

– Ушла куда-то. А можно мне взглянуть на твой компьютер?

– Компьютер? – не поняла Кья.

– Это ведь «Сэндбендерс», да?

– Само собой. – Кья налила себе чаю и обернулась к Масахико: – А ты будешь?

– Не-а, я пью только кофе. – Мальчик присел на корточки рядом с низким столиком и восхищенно потрогал ребро литого алюминиевого корпуса. – Потрясно. Я видел маленький плейер того же производства. Это культ такой, да?

– Коммуна. Или там племя. В Орегоне. – Кья заметила в его длинных, шелковистых, аккуратно причесанных волосах тонкий крутой завиток лапши, точь-в-точь такой, какую кладут в коробочки для быстрого приготовления. – Жалко, что я даже не видела, как Мицуко принесла чай. Нехорошо как-то вышло.

– Ты из Сиэтла.

Не вопрос, а констатация факта.

– А ты ее брат?

– Да. А зачем ты сюда приехала?

Глаза у него были большие и темные, а лицо узкое и бледное.

– Мы с твоей сестрой обе торчим на «Ло/Рез».

– Ты приехала из-за того, что он хочет жениться на Рэи Тоэи?

– Что? – По подбородку Кья покатились капли горячего чая. – Это она тебе сказала?

– Да, – кивнул Масахико. – В Крепости, там некоторые люди работали над ее дизайном. – Он весь ушел в изучение «Сэндбендерса», крутил его и так и сяк. Пальцы у него были длинные и бледные, с обкусанными до мяса ногтями.

– А где это?

– В сети, – сказал Масахико, закидывая назад упавшие на лицо волосы.

– И что же они о ней рассказывают?

– Оригинальный замысел. Почти революционный.

– А ты где учил английский? Здесь?

– В Крепости.

Кья сделала еще глоток чая и отставила чашку.

– У тебя есть кофе?

– Конечно. – Масахико встал, не выпуская «Сэндбендерс» из рук. – Пошли ко мне.

Чтобы попасть в его комнату (кладовку в девичестве), потребовалось спуститься на первый этаж, пройти на зады ресторана и спуститься еще раз по короткой бетонной лестнице. Сама же эта комната… Кошмар, конечно, но Кья уже достаточно насмотрелась на такие мальчишеские берлоги, братья некоторых ее подружек устраивали в своих комнатах бардак и почище. Пол и узкая, вроде вагонной полки кровать завалены грудами грязной одежды, пластиковых оберток (в первую очередь – от той самой лапши). И мятых, растерзанных японских журналов. В углу, за пределами круга света, отбрасываемого галогенной лампой с коническим абажуром, мерцают и подмигивают голографические этикетки пустых пенопластовых плошек из-под еды, их там целая башня. Стол, образующий вторую, повыше, полку, выпилен из куска какого-то вторичного материала, сильно смахивающего на спрессованные обрезки коробок из-под фруктовых соков. На столе стоит компьютер, безликий черный куб. И еще одна узкая полка из того же прессованного картонного крошева, на ней – голубая микроволновка, цельные, еще в упаковке, пенопластовые ложки и батарея крошечных стальных баночек кофе.

Одна из таких баночек была уже разогрета в микроволновке и открыта; Кья осторожно пригубила крепкий, обжигающе горячий, обильно приправленный сливками и сахаром кофе. Она сидела бок о бок с Масахико на жесткой, буграстой кровати, опираясь

спиной о сложенную в несколько раз пуховку. Здесь пахло кофе, лапшой и чуть-чуть – мальчиком, хотя при всем этом бардаке в комнате Масахико производил впечатление чистюли. Да Кья и вообще привыкла считать всех японцев чистюлями. Они же только и делают, что моются. От этих мыслей ей очень захотелось под душ.

– Классная штука, мне нравится.

Масахико снова провел пальцем по алюминиевому ребру. Войдя в комнату, он первым делом смел со стола весь хлам – карандаши и одноразовые ложки, непонятные куски металла и пластика – и водрузил «Сэндбендерс» прямо перед своим компьютером.

– А как ты его запускаешь? – спросила Кья, указывая кофейной баночкой на черный куб.

Короткая японская фраза. По граням куба поползли пульсирующие, нежных тонов световые червяки. Еще одна фраза, и куб потух.

Стены комнаты от пола до потолка были во много слоев залеплены плакатами и афишами, рисунками и графическими распечатками. Над компьютером висело нечто вроде большого платка, квадратный кусок шелковистой ткани с какой-то то ли картой, то ли диаграммой, исполненной в красном, черном и желтом цветах. Сотни угловатых пятен (комнат? кварталов?) теснились вокруг центрального элемента – неровного густо-черного вертикального прямоугольника.

– Крепость, – сказал Масахико, заметив направление ее взгляда. – А это моя комната. – Он перегнулся над столом и ткнул пальцем в одно из пятнышек. – Восьмой уровень.

– А там у вас что? – Кья указала на середину диаграммы.

– Черная дыра. В оригинале это было нечто вроде вентиляционной шахты. А ведь в Токио тоже есть черная дыра. Ты еще не видела?

– Нет, – качнула головой Кья.

– Дворец. Ночью с какого-нибудь высотного здания императорский дворец выглядит как черная дыра. Как-то раз я заметил там пламя факела.

– А что было с ним во время землетрясения?

– Ну, этого никому никогда не покажут. А теперь там все, как раньше. Нас в этом заверили. – Масахико улыбнулся, но только уголками рта.

– А Мицуко, куда она пошла?

– Да кто ее знает.

– Она сказала хоть, когда вернется?

– Нет.

Кья подумала о Хироми Огава и тут же вспомнила, что кто-то запугивал Келси. Хироми? Но тут же еще это самое неизвестно что, лежащее сейчас наверху, в сумке. Мэриэлис, это надо ж, как она вопила тогда, в кабинете Эдди. Нет, скорее всего, Сона Роса права.

– Ты знаешь тут такой клуб «Виски Клон»?

– Нет.

– А «Обезьяний бой»?

Масахико вскинул глаза и покачал головой.

– Ты, наверное, не очень много чтобы гуляешь?

– Да нет, гуляю. – Короткая улыбка. – По Крепости.

– Я хочу сходить в этот клуб, «Обезьяний бой», только он мог сменить название. Это где-то в Синдзюку. Есть такая станция метро, я на ней садилась.

– В такое время все клубы закрыты.

– Ничего. Ты только покажи мне, где это. Назад я и сама доберусь.

– Не могу. Мне нужно вернуться в Крепость. Уйма дел. Найди адрес этого клуба, и я объясню твоему компьютеру, как туда добраться.

Оно, конечно, «Сэндбендерс» нашел бы дорогу куда угодно, но ей совсем не хотелось идти одной. И Масахико годился в провожатые куда лучше, чем Мицуко с ее беззаветной преданностью этому ихнему отделению. Что же касается клуба, Кья не столько даже хотела попасть туда, сколько уйти отсюда. Куда угодно. Сона Роса не на шутку встревожила ее своим рассказом. Кто-то знает, что она здесь. И что теперь делать с этой штукой в сумке?

– Он тебе понравился, верно? – спросила Кья, указывая на «Сэндбендерс».

– Да, – кивнул Масахико.

– А софт еще лучше. У меня там есть эмулятор для установки виртуального «Сэндбендерса» в любую операционную систему, хоть бы и в твою. Отвези меня в «Обезьяний бой» и бери скачивай.

Глядя на шагавшего рядом Масахико, Кья не могла отделаться от впечатления, что ему на улице вроде как неуютно. А может, даже не на улице, а вообще под открытым небом. Перед выходом он сменил серые треники на черные – и такие же мешковатые – хлопчатобумажные брюки, схваченные в щиколотках черными нейлоновыми резинками, а бумажные шлепанцы – на грубые черные ботинки. Черная куртка осталась та же, но теперь ее дополнила черная кепка. Масахико сильно надвинул кепку вперед, так что короткий козырек навис прямо

над глазами.

– А ты всегда жил здесь? – спросила Кья. – В смысле, в этом районе?

– Я живу в Крепости, – пожал плечами Масахико.

– Мицуко так мне и говорила. Это вроде как мультиюзерный домен?

– Крепость не похожа ни на что.

– Ты дай мне потом адрес, ладно? Я тоже посмотрю этот ваш город.

Тротуар перекинулся через бетонный желоб, по которому текла мутно-серая вода. Кья вспомнила Венецию. Когда-то и здесь была настоящая речка, наверное.

– У него нет адреса, – сказал Масахико.

– Чего? – удивилась Кья. – Так не бывает.

Масахико смолчал.

Кья снова начала думать о том, что она увидела, вскрыв желто-голубой пластиковый мешок. Странная какая-то штука. Плоская, прямоугольная, темно-серая. Какой-нибудь из этих хитрых пластиков, в которых есть металл. На одном конце – ровные ряды маленьких дырочек, на другом – фигурные выступы, металлические и пластиковые, но тут пластик какой-то другой. И никак вроде не открывается, швов не видно. Без маркировки. Не бренчит, когда потрясешь. Стоило бы проверить по справочнику «На что похожи вещи», но где там в такой спешке. Масахико остался внизу переодеваться и должен был прийти с минуты на минуту, так что слава еще богу, что хватило времени вспороть мешок швейцарским армейским ножом (нумерованный экземпляр из сувенирной серии в честь «Ло/Рез», собственность Мицуко) и посмотреть, что там внутри. Ну и что же теперь с этой штукой делать? Кья торопливо огляделась, но Мицуко развела в своей комнате такую чистоту, что плюнуть некуда, не то что вещь заныкать.

Тем временем на лестнице послышались шаги Масахико, и она без дальнейших размышлений засунула непонятное устройство назад в сумку. Где оно и пребывало, на пару с «Сэндбендерсом», сумка же в настоящий момент висела у нее на плече. Глупость? Вполне возможно. Но так уж оно вышло, и ничего тут не поделаешь.

Билеты в метро купила Кья, по полученной от Келси карточке.

19. Арли

Лэйни распрощался с Блэкуэллом, захлопнул дверцу машины и вошел в гостиницу. Там его ждал факс от Райделла. Факс, отосланный из «Счастливого дракона», круглосуточной лавки на Сансет-бульваре, разительно контрастировал с роскошной, благородно-сероватой бумагой фирменного бланка, на которой его распечатали. Улыбающийся дракончик с дымом из ноздрей расположился прямо под рельефно оттиснутым серебряным Логотипом гостиницы, «колпаком злого эльфа» в терминологии Лэйни. Колпак там или не колпак, но декораторы гостиницы влюбились в эту загогулину с такой страстью, что построили на ее основе все оформление фойе. В номера она, правда, не просочилась – к крайней радости Лэйни.

Райделл написал текст фломастером, поразительно аккуратными печатными буквами.

Факс был адресован К. ЛЭЙНИ, ПОСТОЯЛЬЦУ, и К. Лэйни, постоялец, прочитал его уже в лифте.

Я ДУМАЮ, ОНИ ЗНАЮТ, ГДЕ ТЫ НАХОДИШЬСЯ. ОНА И ДНЕВНОЙ ПОРТЬЕ ПИЛИ В ФОЙЕ КОФЕ И ВСЕ ПОГЛЯДЫВАЛИ НА МЕНЯ. ОН ЗАПРОСТО МОГ ПРОВЕРИТЬ СПИСОК ИСХОДЯЩИХ ЗВОНКОВ. ГЛУПОСТЬ Я СМОРОЗИЛ, НЕ НУЖНО БЫЛО ТЕБЕ ЗВОНИТЬ С ЭТОГО АППАРАТА. ИЗВИНИ. КАК БЫ ТАМ НИ БЫЛО, ПОТОМ ОНА И ДРУГИЕ БЫСТРЕНЬКО ОТСЮДА СЪЕХАЛИ, ОСТАВИЛИ ТОЛЬКО ПАРУ ТЕХНИКОВ СОБИРАТЬ ХОЗЯЙСТВО. ОДИН ТЕХНИК СКАЗАЛ ЧИНГИЗУ ИЗ ГАРАЖА, ЧТО ЧАСТЬ ИХ КОМАНДЫ УЖЕ ЛЕТИТ В ЯПОНИЮ, И ОН РАДОВАЛСЯ, ЧТО НЕ ПОПАЛ В ЭТУ ЧАСТЬ. ПОГЛЯДЫВАЙ ПО СТОРОНАМ, О'КЕЙ? РАЙДЕЛЛ.

– О'кей, – сказал Лэйни. Однажды ночью, когда не спалось, он махнул на все Райделловы предупреждения и прогулялся до «Счастливого дракона». И ничего вроде бы страшного, если не считать страхолюдных бионических проституток, маячивших чуть не на каждом углу. Некие безвестные живописцы украсили одну из стен «Счастливого дракона» мемориальной фреской в честь Дж. Д. Шейпли, а персоналу достало здравого смысла ее не трогать, что послужило еще большей культурной интеграции круглосуточного магазинчика в повседневную – и тоже круглосуточную – жизнь Стрипа. В «Драконе» можно было купить буррито, лотерейный билет, батарейки, тесты на самые различные заболевания. Отсюда можно было отправить

электронную почту, голосовую почту или факс. Лэйни пришло в голову, что ведь этот магазин – единственный на мили вокруг, где продается что-то действительно нужное, все остальные торговали такими вещами, что и не придумаешь, кому бы и зачем могли они понадобиться.

В коридоре, по пути к своему номеру, он прочитал факс еще раз и только потом вложил карточку-ключ в щель замка.

Посреди безукоризненно застеленной кровати стояла неглубокая корзиночка с какими-то незнакомыми вещами. По ближайшем рассмотрении оказалось, что это его собственные трусы и носки, выстиранные, выглаженные и разложенные по бумажным конвертикам со все тем же тисненым эльфийским колпаком. Когда Лэйни открыл узкую дверцу зеркального шкафа, вспыхнувшая внутри лампочка осветила аккуратно развешенные по плечикам рубашки – в том числе и те, синие, над которыми измывалась Кэти Торранс. Все они выглядели как новенькие. «Шаг строчки», – сказал Лэйни, тронув в меру накрахмаленный манжет. И взглянул на вдвое сложенный факс. И снова подумал про Кэти Торранс, коршуном несущуюся из Лос-Анджелеса в Токио. По его голову. Лэйни неожиданно осознал, что не может представить ее спящей. Он никогда не видел, как Кэти спит, и был странным образом уверен, что она делает это неохотно, по досадной необходимости. Вот и сейчас, в парадоксальной тишине сверхзвукового полета, она не спит, смотрит на экран своего компьютера либо в серую пустоту окна.

Думая о нем.

Мягкий мелодичный звон заставил Лэйни подпрыгнуть. Он повернулся к самовольно ожившему телевизору и увидел на экране эмблему Би-би-си. Второй видеофильм про Реза.

К тому времени как в дверь позвонили, фильм уже вовсю разогнался. Рез в потертой и вылинявшей военной форме без знаков различия пробирался по узенькой тропе сквозь какие-то джунгли. Попутно он намурлыкивал некую мелодию, пробуя ее и так и сяк, смещая тона и акценты. Его голая грудь лоснилась от пота, а когда рубашка распахивалась пошире, мелькала татуировка из ицзиновых гексаграмм. В его руке была бамбуковая палка, он расчищал ею путь, отшвыривая свисающие сверху лианы. У Лэйни было сильное подозрение, что вот эта едва нащупанная, еще лишенная слов мелодия превратилась позднее во всемирно известную, издававшуюся миллиардными тиражами балладу, но он никак не мог сообразить – в какую именно. В дверь снова позвонили.

Он встал, пересек комнату и нажал кнопку переговорного

устройства.

– Да?

– Хелло!

Голос женский.

Лэйни тронул пальцем маленький, вмонтированный в дверной косяк экранчик и увидел женщину. Брюнетку. С челкой. Блэкуэллову техничку. Он нажал кнопку замка, а затем распахнул дверь.

– Ямадзаки решил, что нам с вами нужно побеседовать, – сказала женщина.

Она успела переодеться в черный костюм с узкой юбкой и черные чулки.

– А чего ж вы фургон-то не покупаете? – поинтересовался Лэйни, пропуская ее в комнату.

– Уже купила. – Нежданная гостья прикрыла за собой дверь. – Если уж эта контора решила швырять деньги, она будет швырять деньги. Как правило – не туда, куда надо. – Она взглянула на экран, на Реза, который все еще продирался сквозь джунгли, отмахиваясь от комаров и шлифуя свежесочиненную мелодию. – Домашнее задание?

– Ямадзаки.

– Арли Маккрей. – Брюнетка открыла маленькую черную сумочку и протянула Лэйни визитку. Имя, фамилия, четыре телефонных номера, два адреса, оба электронные. – А у вас есть визитка, мистер Лэйни?

– Колин. Нет. Нету меня визитки.

– Обратитесь к портье, он вам мигом сварганит. Здесь у каждого есть визитка.

– Правда? – Лэйни положил карточку в карман рубашки. – А почему же Блэкуэлл не дал мне свою? И Ямадзаки тоже.

– У каждого за пределами конторы «Ло/Рез». Непременный предмет туалета, как носки.

– Носки у меня есть. – Лэйни указал на бельевую корзинку. – Есть желание посмотреть английский документальный фильм о «Ло/Рез»?

– Нет.

– Не хочется вырубать. Он же узнает.

– Можно убавить громкость. Вручную. – Арли подошла к телевизору и прикрутила ручку.

– Специалистка, – восхитился Лэйни.

– Вооруженная фургоном. И горой оборудования, от которого ни на грош толку.

Она села в одно из двух кресел и закинула ногу на ногу.

– Не ваша вина. – Лэйни сел во второе кресло. – Вы

обеспечили мне доступ к данным. Вот только не те это данные, с какими я могу работать.

– Ямадзаки рассказал мне, что за штуки вы вроде бы как умеете делать. Я ему не поверила.

– Не поверили так не поверили, – пожал плечами Лэйни. – Ничем не могу помочь.

На внутренней стороне ее левой икры белели три нарочито примитивных оттиска улыбающегося солнца.

– Они прямо вытканы. Каталонская мода.

– Надеюсь, – сказал Лэйни, – вы не попросите меня объяснить, за что эти люди мне платят. За какую такую планируемую работу. Я и сам этого не знаю.

– Не беспокойтесь. Я здесь последняя спица в колеснице. – Арли поменяла ноги. На правой икре солнечных дисков не было. – Лично мне платят сейчас за то, чтобы я определила, что можем мы дать вам из того, что позволит вам сделать то, что вы, как предполагается, можете сделать.

Лэйни взглянул на экран. Теперь шли кадры, снятые на каком-то концерте. Рез приплясывал и беззвучно пел в радиомикрофон.

– Вы ведь видели уже этот фильм, верно? Все эти «сино-кельтские» заморочки в интервью, неужели он это всерьез?

– Вы с ним еще не встречались?

– Нет.

– Трудное это дело, определить, что у Реза всерьез, а что нет.

– Но как может существовать этот самый «сино-кельтский» мистицизм, если у китайцев и кельтов нет общей истории?

– Дело в том, что Рез наполовину китаец, наполовину ирландец. И если есть хоть что-то, к чему он относится с полной серьезностью…

– Да?

– …то это Рез.

Поющего в микрофон Реза сменил на экране Ло со своей гитарой. Крупный план пальцев, бешено бегающих по черному блестящему грифу. Чуть раньше почтенный британский гитарист, облаченный в восхитительный твидовый костюм, вещал, как они ну никак не ожидали, что из недр тайваньской попсы явится миру новый Хендрикс. Так они же вроде и первого никак не ожидали.

– Я уже слышала, как это с вами все случилось, – сказала Арли Маккрей. – Ямадзаки меня просветил. Но не до конца.

Лэйни прикрыл глаза.

– Передача так и не пошла в эфир. «Без Тормозов» забросили этот проект. Почему?

Он взял за обычай завтракать на берегу небольшого овального пруда, за невзрачными дощатыми домиками – позднейшим добавлением к «Шато», как сказал Райделл. Блаженные минуты, когда он принадлежал самому себе, заканчивались с появлением Раиса Дэниелза, что происходило, как правило, где-то поближе к концу большого, на три чашки, кофейника, перед яичницей с беконом.

Дэниелз подходил к его столику «легким, пружинистым шагом», иначе, пожалуй, и не скажешь. Лэйни был склонен связать эту козликовую резвость с употреблением наркотиков, чему не имелось ровно никаких доказательств. Более того, Дэниелз вообще не был замечен в пристрастии к каким бы то ни было излишествам, если не считать бессчетного множества чашек декофеинизированного эспрессо с завитками лимонной цедры. Он предпочитал мягкие, крупной вязки костюмы и рубашки без воротничка.

Этим утром Дэниелз был не один, и Лэйни сразу заметил, что шагает он скучно, без настроения, что во всем его облике чувствуется какая-то горестная обида, даже всегдашние черные очечки казались сейчас тисками, болезненно сжимающими исстрадавшуюся голову. Его спутником был седовласый господин в темно-коричневом, консервативного покроя костюме, обветренный и загорелый, с внушительным рубильником, выпирающим из огромных, Чуть не в пол-лица, солнечных очков. На ногах этого колоритного персонажа были черные, аллигаторовой кожи сапоги «увези меня на ранчо», в руках – видавший виды портфель из дубленой, потемневшей от времени кожи; порванная когда-то ручка портфеля была аккуратно замотана проволокой типа той, какой на плантациях увязывают кипы хлопка.

– Лэйни, – возгласил, подойдя к столику, Райс Дэниелз, – это Аарон Персли.

– Да ты не вставай, сынок, – сказал Персли, хотя Лэйни и в мыслях не имел вставать. – Вон же, там этот парень несет тебе завтрак.

Со стороны дощатых домиков шел один из монголов-официантов с подносом. Персли сел на белый, из гнутых металлических трубок стул и раскрыл свой заслуженный портфель. Официант подал Лэйни яичницу. Лэйни подписал счет, добавив пятнадцать процентов чаевых. Персли перебирал содержимое своего портфеля. На каждой его руке было по шесть колец, некоторые – с бирюзой. Лэйни никогда еще не видел, чтобы человек носил при себе столько бумажных документов.

– Вы адвокат, – сказал Лэйни. – По телевизору.

– И во плоти, сынок, и во плоти.

Персли регулярно появлялся в программе «Копы влипли», а до того прославился, защищая всяких знаменитостей. Дэниелз так и не сел, он стоял за спиной Персли в не характерной для себя позе, уныло ссутулившись и засунув руки в карманы.

– А вот и оно, – возвестил Персли, доставая из портфеля несколько листов голубоватой бумаги. – Да ты ешь, сынок, а то остынет.

– Вы бы сели, – посоветовал Лэйни Дэниелзу. Дэниелз страдальчески поморщился.

– Ну так вот, – сказал Персли, – здесь написано, что в возрасте от двенадцати до семнадцати лет ты воспитывался в Гейнсвиллском федеральном детском приюте.

– Да, – кивнул Лэйни, не отрывая глаз от яичницы.

– И в этот период времени ты неоднократно принимал участие в испытании медицинских препаратов? Ты был подопытным?

– Да, – ответил Лэйни. Яичница стала какой-то ненастоящей, вроде картинки в журнале.

– Ты делал это абсолютно добровольно?

– Там давали вознаграждение.

– Одним словом – добровольно. Ты принимал когда-нибудь этот самый «пять эс-би»?

– Мы не знали, что там они нам вводят, – сказал Лэйни. – Иногда это были просто пустышки.

– «Пять эс-би» никак не спутаешь с никакой пустышкой, да ты, сынок, и сам это, наверно, знаешь.

Что вполне соответствовало истине. Но Лэйни молчал.

– Ну так как же? – Персли снял черные очки. Глаза у него были голубые и холодные, оправленные в паутину тончайших морщин.

– Может, и принимал, – сказал Лэйни.

– Вот то-то и оно. – Персли хлопнул себя пачкой бумаг по бедру. – Почти наверняка так оно и было. А знаешь ли ты, как это вещество воздействовало с течением времени на большую часть подопытных?

Дэниелз выпростал голову из очков и начал мять пальцами переносицу. Глаза его были закрыты.

– Субъекты мужского пола превращаются в маниакальных убийц, они выбирают себе какую-нибудь конкретную жертву, а затем начинают ее выслеживать. – Персли водрузил очки на прежнее место и запихнул синие бумажки в портфель. – Симптомы проявляются далеко не сразу, бывает, что и через много лет. А жертвами становятся, как правило, политики,

телевизионные знаменитости и прочее в этом роде. Потому-то эта отрава и стала теперь одним из самых запрещенных веществ в любой, какую ни возьми, стране. Наркотик, вызывающий неудержимое желание выслеживать и убивать политиков, уж его-то политики запретили в первую очередь.

– Ко мне все это не относится, – сказал Лэйни. – Я не такой, как эти ваши маньяки.

– Да какая разница? – вмешался Дэниелз. – Стоит «Слитскану» указать на малейшую тень такой возможности, и весь наш материал пойдет псу под хвост.

– Понимаешь, сынок, – вздохнул Персли, – они непременно заявят, что ты избрал этот род занятий вполне целенаправленно, руководствуясь неуемной страстью шпионить за знаменитыми людьми. Ведь ты же не рассказывал им про эти эксперименты, верно?

– Нет, – сказал Лэйни, – не рассказал.

– Вот то-то и оно, Они скажут, что наняли тебя как прекрасного, высококвалифицированного работника, но твоя квалификация оказалась малость чересчур высокой.

– Она не была звездой, – сказал Лэйни. – Так что я не понимаю…

– Зато он – звезда, – оборвал его Райс Дэниелз. – И они скажут, что вы охотились за ним. И что вообще это была ваша идея. Они будут рвать на себе волосы, что не смогли вовремя вас раскусить. Будут говорить о новых процедурах проверки количественных аналитиков, процедурах, исключающих повторение этой трагической ошибки. И никто, Лэйни, абсолютно никто не будет смотреть нашу программу.

– Вот такая, в общем, картина. – Персли щелкнул замком портфеля и встал. – А что, сынок, это правда настоящий бекон, со свиньи?

– Да вроде да, – пожал плечами Лэйни. – И они так говорят.

– Чтоб я так жил! – восхитился Персли. – Вот что значит хороший голливудский отель. Ну, счастливо оставаться, сынок. – Он протянул Лэйни руку. – Было очень приятно познакомиться.

Дэниелз не стал утруждать себя никакими прощаниями. А два дня спустя, когда Лэйни получил распечатку гостиничного счета, он обнаружил, что отнесение всех расходов на его собственное имя началось с большого кофейника кофе, яичницы с беконом и пятнадцатипроцентных чаевых.

– А они это знают? – спросила Арли Маккрей. – Блэкуэлл знает?

– Нет, – качнул головой Лэйни. – Эту часть – нет.

На прикроватной тумбочке белела бумажка, сложенный пополам факс Райделла. Эту часть они тоже не знали.

– А что было потом? Что вы сделали?

– Тут еще выяснилось, что я плачу и за часть адвокатов, которых они мне понанимали. Я не знал, что мне делать, просто сидел и сидел у этого пруда. В приятной такой расслабленности. Не строил никаких планов, не думал ни о чем конкретном. Вам знакомо такое состояние?

– Возможно.

– А потом я услышал про эту работу, от одного из гостиничных охранников.

Арли медленно покачала головой из стороны в сторону.

– Что? – спросил Лэйни.

– Да так. В этой вашей истории примерно столько же смысла, как и во всем остальном. Может статься, что вы вполне прилично встроитесь.

– Встроюсь? Во что?

Арли взглянула на свои часы. Стальной корпус, черный циферблат, черный нейлоновый ремешок.

– Ужин в восемь, но Рез непременно задержится, у него это в обычаях. Давайте прогуляемся и пропустим по коктейлю. Я попробую рассказать вам все, что я об этом знаю.

– Ну, если вам так хочется…

– Они мне за это платят. – Она распутала ноги и встала. – И это, пожалуй, будет куда труднее, чем таскать тяжелые электронные блоки взад-назад по эскалаторам.

20. «Обезьяний бой»

Серый трепет за окнами бесшумно летящего поезда, не заурядное мелькание бетонных стен, а словно вибрирует там некая мелкодисперсная материя, вибрирует на разрыв, на подкритической частоте, за миг до пришествия нового порядка вещей.

Кья и Масахико сидели между стайкой школьниц в клетчатых юбочках и неопределенного возраста бизнесменом, который с головой ушел в толстый японский комикс. Груди женщины, украшавшей бумажную обложку, были замотаны бечевкой в два тугих конических клубка, соски выпирали наружу, как глаза затравленной жертвы из старого мультика. Издательский художник уделил куда больше внимания точному изображению бечевки, как она там намотана и завязана, чем самим грудям. По лицу женщины струился пот, она в ужасе отшатывалась от чего-то (кого-то?), оставшегося за краем картинки.

Масахико расстегнул две верхние пуговицы черного френча и достал из внутреннего кармана тонкую черную пластинку размером примерно шесть на шесть дюймов. Узкие, бледные пальцы мальчика погладили пластинку слева направо, и на ней вспыхнул узор из тонких, словно унизанных разноцветными бусинками линий. Вот так же точно выглядела лицевая, управляющая грань его компьютера, только там, в затененном подвале, линии казались куда ярче, чем здесь, при ярком свете.

Масахико вгляделся в дисплей, погладил его еще раз, пробежался глазами по изменившемуся узору и помрачнел.

– Кто-то проявляет интерес к моему адресу. И к сестричкиному тоже.

– К ресторанному?

– К нашим юзерским адресам.

– А какой конкретно интерес?

– Не знаю. И мы ведь с ней никак не связаны.

– Разве что через меня.

– Расскажи мне про «Сэндбендерс». – Масахико спрятал дисплей в карман и застегнул френч.

– Все это началось с одной женщины, конструктора интерфейсов, – начала Кья, с радостью переходя на безопасную тему. – Ее муж был ювелиром, он умер потом от разжижения нервов, тогда еще не умели с этим бороться. Так вот, он был убежденным зеленым и дико ненавидел потребительскую электронику, и даже не ее, а как ее делают. Берут пару литров чипов и плат и засовывают все это в пластиковый корпус. Он

говорил, что корпуса эти дребедень, грошовая приманка для глаза, чтобы полегче продать содержимое, и что они неизбежно оказываются потом на свалке, где им и место, можно бы, конечно, переработать, только никто этим обычно не занимается. А поэтому он брал ее, жены своей, технику, корпуса выкидывал, а функциональную начинку вставлял в другие, которые делал сам в своей мастерской, он тогда еще был здоровый. Делал, скажем, для мини-дискового плейера футляр из бронзы, инкрустированный черным деревом, управляющие поверхности вытачивал из мамонтовых бивней, бирюзы, горного хрусталя. Получалось, конечно же, тяжелее, но все равно было много людей, кому такое нравилось, ну вроде как чтобы их музыка или там память; и что еще, чтобы все это было в чем-то таком ощутимом, что берешь в руки и чувствуешь, что оно здесь. И все эти материалы, их и трогать было приятно – металл, полированный камень. А если у тебя такой футляр, то потом, когда производитель выпускает новую модель, электроника там совершеннее или что, ты просто вытаскиваешь из футляра старую начинку и вставляешь новую, и получается, что у тебя вещь вроде та же самая, только работать стала лучше.

Масахико сидел с закрытыми глазами и время от времени чуть кивал головой, а может, это просто поезд покачивало.

– И вот оказалось, что некоторым людям нравится и это, очень нравится. Он начал получать заказы на изготовление таких штук. Среди самых первых была клавиатура, где все клавиши были вырезаны из пластинок слоновой кости от старого рояля, а цифры на них и буквы инкрустированы серебром. Но потом он заболел…

Масахико открыл глаза, и Кья увидела, что он не просто слушает, а слушает с напряженным вниманием.

– И вот, когда он умер, жена его, софтверный конструктор, стала обо всем этом думать, и ей захотелось продолжить то, что он делал, только в большем масштабе. Она продала акции всех компаний, на которые прежде работала, купила участок земли в Орегоне, на побережье, и…

Поезд остановился у платформы Синдзюку, все встали и направились к дверям; бизнесмен захлопнул свой комикс с перевязанными сиськами, сунул его подмышку и тоже встал.

Кья стояла закинув голову и таращилась на самое странное здание, какое вообще может быть. Оно имело форму, как когда-то рисовали роботов, схематическое подобие человека с туловищем из цветного, красного, желтого и синего, кирпича. Ноги и вознесенные кверху руки были сделаны из прозрачного пластика

на стальном каркасе, по ним проходили лестницы, эскалаторы и плавно изгибающиеся пандусы, из прямоугольного рта вылетали время от времени клубы белого дыма. И все это – на фоне серого, гнетущего неба.

– «Тецудзин-билдинг», – сказал Масахико, не поднимая глаз от рябящего цветными закорючками дисплея. – Нам не туда.

– А что это такое?

– Осакский институт механических игрушек. А этот твой клуб там.

Он указал налево, мимо фаст-фудового заведения со странноватым названием «Калифорнийский райх» и еще более странной вывеской: стальная, сильно стилизованная пальма на фоне перекореженного креста. Как-то раз на уроке европейской истории трое придурков разрисовали себе такими крестами руки, так историчка тогда вообще в осадок выпала, но вот пальм они никаких не рисовали, эта Кья помнила точно. А потом двое из них сцепились насчет того, куда нужно загибать концы этих крестов, когда рисуешь, направо или налево, и один шарахнул другого электрошоком. Эти гопники всю дорогу с такими ходят, делают их себе из одноразовых фотоаппаратов со вспышкой, и историчке пришлось вызывать полицию.

– Дом Миллиона Мокрых Листьев, девятый этаж, – сказал Масахико, пробираясь сквозь запрудившую тротуар толпу. Кья следовала за ним, размышляя, сколько надо времени, чтобы прошел джет-лаг, и как вообще отличить его от самой обычной усталости.

Но сильнее усталости, сильнее последствий джет-лага было то, что проходило в школьном курсе основ гражданственности под названием «культурный шок». Куда ни посмотришь, все в этом городе было не так, до того не так, что не столько уже вызывало интерес, сколько угнетало. Кья ощущала, что ее глаза словно устали подмечать все бесчисленные отклонения от привычного порядка вещей: деревце на тротуаре, заключенное в нечто вроде плетеного чехла, пронзительно-зеленый цвет таксофона, серьезного вида девушка в круглых очках и сером хлопчатобумажном свитере с надписью «Free Vagina».[23]

Первое время она старалась вникать, запоминать все эти вещи в бессознательной надежде, что со временем они как-нибудь там переварятся и подвергнутся осмыслению, но несообразности шли таким сплошным, нескончаемым потоком, что вскоре большая их часть стала проскакивать мимо перегруженного сознания – примерно так же, как льется мимо узкого бутылочного горлышка вода, если пустить слишком сильную струю. В то же самое время у нее было такое чувство, что если вот сейчас взять и

прищуриться – ну, не просто прищуриться, а неким специальным, правильным образом, – то все это, что вокруг, превратится в Сиэтл, в какую-нибудь из центральных улиц. А рядом будет мама. Ностальгия, так это называется. И каждый раз, когда она шагала левой ногой, ремень сумки болезненно врезался в плечо.

Масахико свернул за угол.

В Токио, похоже, не было проулков – проулков в привычном смысле, узких боковых улочек, где стоят мусорные баки и нет никаких магазинов. Здесь были маленькие улицы на задах больших и совсем уже крошечные на задах маленьких, но там, на этих улочках, могло быть абсолютно все что угодно: будка сапожника, дорогущая с виду парикмахерская, кондитерский магазин, газетный киоск, где Кья заметила знакомую обложку с замотанными сиськами.

Еще один поворот, и они снова вышли на какую-то улицу, которая уж точно не была проулком, во всяком случае, машины по ней ездили. Одна из этих машин свернула в узкий просвет между зданиями и исчезла. Кья ощутила неприятный холодок. А что, если это как раз и есть клуб этого Эдди, «Виски Клон»? Он же где-то здесь, в этих местах, в Синдзюку. И что такое Синдзюку – квартал или целый городской район? Что, если Эдди и Мэриэлис ее разыскивают?

Они миновали просвет, куда въехала машина. Там было нечто вроде заправочной станции.

– Так куда мы идем? – спросила Кья.

– Миллион Мокрых Листьев, – сказал Масахико, указывая вверх.

Высокое узкое здание, по всей его высоте из углов торчат квадратные щиты с какими-то надписями и логотипами. Примерно такие же, как и все остальные. То, в котором Эдди, было, пожалуй, побольше.

– А как туда попасть?

Они вошли в нечто вроде вестибюля, большое помещение с уймой крошечных магазинчиков по стенам. Слишком много света, зеркал, товаров, в глазах – сплошная рябь. В тесную кабинку лифта, где пахло застоявшимся дымом. Масахико сказал что-то по-японски, и двери закрылись. Коротенькая песня лифта под аккомпанемент нежной, позвякивающей музыки. Лицо Масахико раздраженно нахмурилось.

На девятом этаже лифт остановился и распахнул двери. Кья оказалась носом к носу с плотным, густо припорошенным пылью мужиком.

– Если ты из журнала, – сказал мужик, вытирая лицо стянутым с головы хайратником, – то зря торопилась. Зайди

денька через три.

Кья не могла разобрать, японец он или нет, среднего возраста или старше. Его карие, кошмарно воспаленные глаза прятались под тяжелыми дугами надбровий, в черных, гладко зачесанных назад волосах проглядывала седина.

За спиной мужика что-то грохало и скрежетало, время от времени слышались суматошные крики. Еще один, такой же пыльный мужик толкал оранжевую пластиковую тележку, плотно забитую грязными, кое-как свернутыми проводами и красными с золотом обломками пластика. Заскрипела и рухнула на пол секция подвесного потолка. Новый всплеск криков.

– Я ищу «Обезьяний бой», – сказала Кья.

– А вот тут наоборот, опоздала ты малость. – На мужике был черный бумажный комбинезон, сквозь дырки на локтях проглядывали голубоватые кружки и стрелы какой-то татуировки под примитив. Он протер тыльной стороной ладони глаза и прищурился. – Так ты что, от этого лондонского журнала?

– Нет, – ответила Кья.

– Нет, – согласился мужик. – Они бы прислали кого постарше. Так откуда ж… – Треск, грохот, крики. На этот раз секция потолка упала чуть поближе. – Так откуда ж ты тогда?

– Сиэтл.

– И вы что, слышали про «Обезьяний бой» в этом своем Сиэтле?

– Да…

– Это надо ж такое – в Сиэтле… – Пыльный мужик улыбнулся, но не слишком весело. – А ты что, милочка, и сама как-нибудь с клубами связана?

– Меня зовут Кья Маккензи.

– А меня Дзюн. Хозяин, дизайнер, ди-джей, все сразу. Но ты, милочка, малость опоздала. Прости уж, пожалуйста. Мой «Обезьяний бой» – вернее, то, что от него осталось, – вывозят сейчас на этих вот телегах. Прямиком на свалку. Разбитая мечта – такой же мусор, как и все прочие битые, ломаные вещи. А ведь как тут было здорово все эти три месяца. Ты слышала про нашу шаолинскую тематику – всю эту штуку с монахами-воинами? – Он горько вздохнул. – Это было божественно. От начала до конца. Уже после трех первых ночей окинавские бартендеры выбрили себе головы и нарядились в шафранные балахоны. Я, в ди-джейской кабине, превзошел самого себя. В этом было некое прозрение, ты понимаешь? И это вполне нормально, такова уж природа текучего мира.[24] Торгуя водой (а чем мы еще занимаемся?), поневоле становишься философом. А как зовут твоего друга? Мне нравятся его волосы.

– Это Масахико Мимура, – сказала Кья.

– Люблю этот черный опрощенный стиль, – прицокнул языком Дзюн. – Такая себе богемная биполярность, Мисима и Дитрих в одном флаконе.

Масахико нахмурился.

– А куда же вы теперь? – спросила Кья. – Теперь, когда «Обезьяний бой» закрылся?

– Куда? – Дзюн как-то сразу поскучнел. – Мало ли на свете клубов. Но дизайна мне не дадут. Скажут, что я продался. Ну продался, ну и что. Все равно я сохраняю руководство, приличное жалование, квартиру, но вот концепция… – Он отрешенно пожал плечами и снова натянул на голову хайратник.

– Вы были здесь в ту ночь, когда Рез прилюдно заявил, что хочет жениться на идору?

Лоб Дзюна сошелся морщинами, хайратник пополз вверх.

– Мне пришлось подписать определенное соглашение, – сказал он. – Ты точно не от журнала?

– Точно.

– Не приди он сюда тем вечером, мы бы крутились себе и крутились. Да и вообще такие, как он, совсем не по нашей части. Вот была у нас Мария Пас, сразу после того, как она разбежалась со своим бойфрендом, этим пиаровским чудищем, так репортеров налетело, как мух на говно. Она же здесь самый топ, ты это знаешь? А когда заходил Синий Ахмед из «Крутого Корана», пресса считай что и не заметила. Ну, правда, что касается Реза и его компании, тут уж с прессой проблемы не было. Прислал сюда своего гувернера, здоровенного мужика с рожей, словно на ней мясо рубили. Тот прямо ко мне и говорит, что Рез прослышал про наше заведение и думает забежать с небольшой компанией, и не могли бы мы организовать столик, чтобы вроде как приватно… Правду говоря, я даже сразу не врубился – какой такой Рез? Потом-то, конечно, в мозгах щелкнуло, и я сказал: да, с преогромным. Мы поставили столик подальше от сцены и даже одолжили у ребят из заведения сверху красный шнурок на столбиках.

– И он пришел? Рез?

– Как штык. Через час – вот он, пожалуйста. Улыбался, руки жал, расписывался, на чем ни попросят, хотя, в общем, его не то чтобы рвали на части. С ним четыре женщины и два мужика, это не считая того гувернера. Очень приличный черный костюм. Йодзи. Малость помятый. Рез, в смысле. Был, похоже, где-то на ужине, ну и принял на грудь. Много смеялся, ну ты понимаешь. – Дзюн повернулся и что-то сказал одному из подсобников, парню в обувке на манер черных кожаных носков с отдельным большим

пальцем.

Кья пыталась представить себе Реза за столиком, вместе с кучей других людей, за красным шнурком на столбиках, а на заднем плане – японскую тусовку, занятую чем уж там занимается японская тусовка в таком клубе. Пляшет? Да и вообще – что это был за клуб, этот «Обезьяний бой»?

– А потом наш мальчонка встает, в туалет ему надо. Громила этот тоже хочет встать, но мальчонка машет ему, чтоб сидел. За столиком хохочут, все, кроме громилы, а у громилы рожа кислая. Две телки тоже встают, вроде как они его проводят, но он и им машет остаться, и снова хохот. А народ, кроме тех, за его столиком, на него особенно и не смотрит. Я как раз собирался минут через пять в кабину с подборкой в конец суровой североафриканщины, так присматривался к народу, чтобы быть в струе, знать, когда это лучше вбросить. Так вот, он прошел через весь зал, и его заметили разве что один-двое, да и те не остановились, продолжали плясать.

Да что же это был за клуб, где даже Реза не замечали?

– И я вот, значит, думаю о своей подборке, в какой давать последовательности, и вдруг он прямо передо мной. Улыбается как не могу. Глаза какие-то непонятные. Хотя я не стал бы вот так божиться, что это из-за чего-то там такого, что он сделал в туалете, – ну ты понимаешь, про что я.

Кья кивнула, хотя напрочь не понимала, про что он.

– А не буду ли я возражать, спросил он, положив мне руку на плечо, если он скажет всей нашей публике несколько слов. И что он давно уже обдумывает одну вещь, а теперь как раз принял решение и хочет поделиться своей радостью с людьми. Тут рядом с нами материализовался его гувернер и захотел узнать, что, какие-нибудь трудности? Да никаких трудностей, сказал Рез и сжал мое плечо, вроде как заговорщицки, а просто он хочет сказать публике пару слов.

Кья взглянула на плечи Дзюна, прикидывая, какое из них было тогда сжато Резовой рукой.

– Ну, так он, в общем, и сделал, – подытожил Дзюн.

– Но что же он все-таки сказал? – спросила Кья.

– Да ничего он, милочка, хорошего не сказал, грузил что ни попадя. Эволюция, технология чувств, необходимость для человечества найти красоту в новом, нарождающемся порядке вещей, какая-то там софтверная игрушечная девка и его собственная жгучая потребность сойтись с ней поближе. Хрень. Собачья. – Дзюн приподнял хайратник повыше, но уже через мгновение тот снова сполз ему на лоб. – И вот, из-за того, что он это сделал, раззявил пасть в моем клубе, Ло дробь трижды

долбанный Рез купил этот долбаный клуб. А заодно и меня самого, я дал подписку, что не буду говорить ни с кем из вас ни о чем из этого. А теперь, милочка, с твоего разрешения и с разрешения твоего очаровательного друга я хоть немного поработаю.

21. Стоялец

На ближнем к гостинице перекрестке толпа прохожих равнодушно обтекала тощую, неестественно высокую фигуру с рекламными щитами на груди и спине. По щитам непрерывно бежали столбики иероглифов. Время от времени сэндвичмен покачивался и судорожно переступал ходулями, его лицо пряталось под остроконечным капюшоном белого бумажного плаща и противогазной маской.

– Что это? – спросил Лэйни.

– Где? – Шагавшая впереди Арли обернулась и проследила за направлением его взгляда. – «Новая логика». Секта такая. Они считают, что, как только суммарная масса нервной ткани рода человеческого достигнет некоей критической величины, наступит конец света.

На грудном щитке сэндвичмена возникло длинное многозначное число.

– Вот эта, что ли, величина? – спросил Лэйни.

– Нет, это их текущая оценка нервной массы на настоящий момент.

На Арли был короткий черный плащ. Пока она ходила за этим плащом к себе в номер, Лэйни поменял белье, носки и рубашку. Рубашку он выбрал синюю, малайзийскую и застегнул ее до самого верха, размышляя при этом, все ли сотрудники «Ло/Рез», приехавшие сейчас в Токио, остановились в этой гостинице или не все.

Проходя мимо сэндвичмена, Лэйни увидел сквозь стекло противогаза его глаза. Суровые и спокойные. А ходули у него были суставчатые, из какого-то легкого сплава, точно такие, с помощью которых работяги устанавливают подвесные потолки.

– А что это будет за конец света? Война? Потоп?

– Новый порядок вещей. Подробнее они не рассказывают. Рез тоже было начал ими интересоваться. Пытался получить аудиенцию у их основателя.

– Ну и?

– По нулям. Основатель сказал, что Рез зарабатывает на манипуляциях с нервной тканью своих слушателей, и это делает его неприкасаемым.

– Рез сильно расстроился?

– Да нет вроде бы. Если верить Блэкуэллу, это даже подняло ему настроение.

– А так он что, чаще не в настроении? – Лэйни отшагнул в сторону, пропуская парня, катившего навстречу им велосипед.

– Я бы просто сказала, что Реза волнуют совсем не те проблемы, которые волнуют других людей, большую их часть.

Рядом с ними полз, чуть не заезжая на тротуар, темно-зеленый мини-вэн с гнутыми зеркальными стенами и номерными платами, светящимися и подмигивающими, как консоль игрового автомата.

– Мне кажется, за нами следят, – встревожился Лэйни.

– Надеюсь. Вообще-то я хотела другой, такого таракана с блестящими усами, чтобы поребрик нащупывать, но из-за спешки пришлось ограничиться номерными знаками в «специальном исполнении». Он сам за тобой ходит всюду, как собачка. А припарковаться в этих краях – задачка потруднее, чем все то, что хочет от тебя Блэкуэлл.

Узкая крутая лестница вниз, стены сплошь заляпаны розовыми комками, неприятно похожими на воспаленные гланды. Лэйни резко остановился, но тут же заметил вывеску, надпись, выложенную сотнями разноцветных продолговатых лепешечек: LE CHICLE. Вопреки обещанию Арли, сюда фургончик не поехал.

«Жевательная резинка, – подумал Лэйни. – Тематический бар. А я уже не очень и удивляюсь, привык». И все же стены из жеваной жвачки вызывали у него легкую тошноту; спускаясь вслед за Арли, он старался держаться от них подальше.

Спускаясь в серое и мучнисто-розовое, на этот раз – представляющие продукт нежеваный – огромные, во всю стену бруски, увешанные рекламами и вывесками его неоспоримой родины. Жесть с набивной печатью и древний, в рамки вставленный картон с искусной, как в музее, подсветкой. Кумиры и идолы жвачки. И главный из них – Базука Джо,[25] личность для Лэйни неизвестная.

– Часто сюда заглядываете? – спросил Лэйни, пристраиваясь на круглую табуретку с пухлым сиденьем какого-то совсем уж кошмарного жвачно-розового цвета. Поверхность стойки была сплошь облеплена обертками от жвачки.

– Да, – кивнула Арли, – но просто потому, что это заведение не пользуется особой популярностью. К тому же здесь не курят, большая для Японии редкость.

– А что такое «Блэк Блэк»? – Он указал на вставленный в рамку плакат с изображением старинного автомобиля, несущегося сквозь еле намеченный городской пейзаж. Под надписью «Блэк Блэк» чернели иероглифы, выполненные в некоем японском варианте «ар деко».[26]

– Жвачка. Ее все еще выпускают. Очень популярная у водителей такси. Из-за кофеина.

– Кофеин? В жвачке?

– А бодрящую жвачку с никотином не пробовали? Здесь продают.

– Я уж лучше возьму пива.

Когда официантка в некоем серебристом, исчезающе малом подобии шортов и пушистом, оглушительно розовом лифчике приняла у них заказ, Арли открыла свою сумочку, достала ноутбук и быстро пробежалась по клавиатуре.

– Здесь линейные топографии части структур, с которыми вы сегодня знакомились. – Она передала ноутбук Лэйни. – В формате «Риалтри семь-два».

Лэйни бегло просмотрел несколько картинок. Сплошь какие-то абстрактные, стереометрические построения.

– Я этого не понимаю.

Арли налила себе сакэ.

– Вы действительно получили подготовку в «Дейтамерике»?

– Меня натаскивали какие-то французы. Страстные любители тенниса.

– Мы получили «Риалтри» в «Дейтамерике». Их лучший инструмент количественного анализа. – Она закрыла ноутбук и спрятала его в сумочку.

Лэйни налил себе пива, отхлебнул и отставил стакан.

– А вам ничего не говорит название TIDAL?

– TIDAL?

– Аббревиатура. Наверное.

– Нет. – Арли взяла фарфоровую чашечку и подула на сакэ, как ребенок – на горячий чай.

– Это тоже их инструмент, а может – предварительная разработка. Очень сомнительно, чтобы готовый продукт уже вышел на рынок. Вот тогда-то, работая по проекту TIDAL, я и научился искать узловые точки.

– О'кей, – кивнула Арли. – Но что это такое, эти ваши узловые точки?

– Это примерно как высматривать корабли и верблюдов в рисунке облаков. – Лэйни взглянул на узкий ободок пены, прилипший к стенкам стакана. – Только тут ты видишь реальные вещи.

– Верблюды? – Арли поставила чашечку. – Ямадзаки заверял, что вы не сумасшедший.

– Это не сумасшествие, просто я как-то там по-особому обрабатываю широкополосные сигналы. Нечто, связанное с распознаванием образов.

– И на основе всего этого, что вы мне рассказываете, слитскановцы взяли вас на работу?

– Они взяли меня на работу, когда я продемонстрировал им,

что узловые точки работают. С данными, которые вы мне сегодня предоставили, такого сделать не могу.

– Почему?

– А вы попробуйте выпить на пару с банком. Он не личность. Он не пьет. Его никуда не пригласишь, никуда не посадишь. – Лэйни отхлебнул пива, чуть подумал и допил стакан до конца. – Рез не порождает нужных мне структур, потому что никогда ничего не делает сам, только через посредников. Это все равно что выискивать в годовом отчете какой-нибудь корпорации привычки и пристрастия председателя совета директоров. Их там нет. Файлы, которые вы мне предоставили утром, ничуть не информативнее этих картинок в вашем ноутбуке. Знакомясь с каким-нибудь конкретным разделом, я не ощущаю, как эти вот данные связаны со всеми остальными. Мне нужна взаимосвязанность. – Он побарабанил пальцами по залитым в пластик оберткам от жвачки. – Где-то там в Ирландии. Дом с видом на море. Пустой, ни души. Записи о снабжении: зубная паста, крем для бритья…

– Я была там, – сказала Арли. – Он купил это поместье у одного пожилого музыканта. Ирландца. Очень живописное. Чем-то похоже на Италию.

– Как вы думаете, он повезет туда эту свою идору, когда они с ней окрутятся?

– Никто не понимает, что же, собственно, имел он в виду, говоря, что хочет на ней «жениться».

– Потом квартира в Стокгольме. Огромная. В каждой комнате по огромной изразцовой печке.

– Этой я не знаю. У него же масса квартир и домов по всему миру, часть этого жилья держится в большом секрете. Поместье на юге Франции, особняк в Лондоне, квартиры в Нью-Йорке, Париже, Барселоне… Когда разразился этот скандал с идору, я как раз работала в каталонском офисе, доводила до ума их хозяйство, а заодно и то, что в Испании. А теперь вот торчу здесь, с самого того времени.

– Но вы его знаете? Знали его прежде?

– Рез, мистер Лэйни, это пуп мира, в котором я работаю. Пуп можно видеть, но знать…

– А как насчет Ло?

– Спокойный. Очень. Умный. Очень. – Арли хмуро взглянула на чашку с сакэ. – Я не думаю, чтобы эта история так уж волновала Ло. Сдается, он и всю-то их карьеру воспринимает как некий забавный казус, выверт судьбы, не имеющий ни причин, ни последствий.

– Всю? И даже то, что его партнер решил жениться на некоей

виртуальной особе?

– Ло рассказал мне как-то одну историю из своей прошлой жизни. Дело было в Гонконге, он нанялся там помогать уличному торговцу супом. У торговца была тележка с котлом, суп варили прямо здесь же, на улице. Он говорит, что их тележка была в деле уже более полувека, и главный секрет супового бизнеса состоял в том, чтобы никогда не мыть котел. Они варили суп все время, без малейшего перерыва. По сути дела, они пятьдесят лет подряд продавали один и тот же рыбный суп, один и тот же и не один и тот же, потому что они постоянно добавляли туда какие-то новые ингредиенты, те, что удавалось достать. Он сказал, что воспринимает свою музыкальную карьеру как нечто подобное и это ему нравится. Ну а Блэкуэлл говорит, что если бы Рез был таким же, как Ло, то он, Блэкуэлл, и по сю пору сидел бы за решеткой.

– Почему?

– Блэкуэлл тянул девятилетний срок в австралийской тюрьме максимально строгого режима, и тут вдруг Резу вздумалось посетить как раз эту тюрьму. Дать концерт для заключенных. Сольник. Ло и остальные отказались, считая эту затею слишком опасной, их предупредили, что тамошняя публика вполне способна взбунтоваться и взять заезжих филантропов в заложники. Администрация тюрьмы отказалась брать на себя ответственность за возможные последствия и потребовала от Реза расписку, что его предупредили. Рез дал им эту расписку. Все его охранники тут же уволились. Он пошел в тюрьму с двумя гитарами, беспроводным микрофоном и минимальным комплектом усилительной аппаратуры. Во время концерта вспыхнул бунт. Судя по всему, заводилами были итальянцы, арестованные и осужденные в Мельбурне. Пятеро из них затащили Реза в тюремную прачечную – глухое, без окон, помещение, где было легче организовать оборону. Они сказали Резу, что убьют его, если он не сможет договориться с администрацией об их освобождении. Грозились отрезать ему как минимум один палец, чтобы поотчетливее показать серьезность своих намерений. Или что-нибудь из более интимных частей тела, хотя вполне возможно, что тут они просто хотели напугать его посильнее. Напугали. – Арли подозвала пушистую официантку и заказала еще сакэ. – Блэкуэлл, который был крайне раздражен срывом понравившегося ему концерта, появился в прачечной минут через сорок после того, как Реза взяли в заложники. Ни Рез, ни итальянцы не видели, как он туда вошел, для итальянцев это стало полной неожиданностью. – Официантка поставила перед Арли чашечку, забрала пустую и отошла. – Он

убил троих из этой компании, томагавком. Проломил им головы, как рассказывает Рез. Одному, другому, третьему. Спокойно, без всякой суеты.

– Томагавк?

– Нечто вроде узкого топорика с острым шипом на обухе. Страшное оружие, если в умелых руках. Блэкуэлл настолько уважает томагавк, что даже им клянется. Остальные двое успели убежать. Но потом, когда бунт был подавлен и стали разбираться, оказалось, что и они как-то там погибли. Лично я думаю, что их убил либо Блэкуэлл, либо его дружки, чтобы Рез остался единственным очевидцем убийства тех троих. Ну а потом Блэкуэлл отвел Реза к баррикаде, возведенной тюремщиками посреди прогулочного двора, и сдал им с рук на руки. – Арли отхлебнула из чашечки. – Резовы юристы взяли дело Блэкуэлла, накопали каких-то мелких процедурных нарушений, и через три месяца приговор был отменен, а нового обвинения в этом самом тройном убийстве ему так и не предъявили. С тех пор они неразлучны.

– А за что он сидел, Блэкуэлл?

– Убийство. Вы знаете, что такое стоялец?

– Нет.

– Это чисто австралийская реалия. Я склонна думать, что такое явление и не могло бы возникнуть нигде, кроме культуры, основы которой были заложены каторжниками, хотя мои австралийские друзья напрочь с этим не согласны. Стоялец – это волк-одиночка, хищник, охотящийся на других преступников, достаточно богатых, а зачастую и крайне опасных. Он ловит их, а затем «стоит» над ними.

– Что это значит?

– Пытками вымогает у них деньги. И ведь ему приходится иметь дело с весьма серьезными мужиками, у которых есть охрана, бдительно следящая, чтобы ничего подобного не случилось…

– Пытками?

– Есть еще родственный термин, «педикюрщик», только педикюр тут проводится весьма радикальный, под корень пальца. Ну а узнав у них все необходимое, он их убивает.

Блэкуэлл возник рядом с ними неожиданно и бесшумно, огромная фигура в черном клеенчатом плаще на фоне выгоревших американских реклам и настенного многоцветия жвачки. Его изрезанный скальп надежно скрывался под тульей черной клеенчатой шляпы.

– Арли, дорогая, да никак ты поминаешь некое имя всуе?

Но на лице его играла улыбка.

– Я тут знакомила мистера Лэйни с ранними периодами вашего жизненного пути. Мы только что добрались до салона красоты, а вы пришли и все испортили.

– Ничего страшного. Обед сдвинут на попозже, по просьбе Роззера. Я вас подброшу. Место встречи тоже поменялось. Надеюсь, вы не будете сильно возражать.

– И что это такое за место? – Арли отхлебнула сакэ, словно и не собиралась никуда идти.

– «Западный мир».

– Ну вот, – вздохнула она. – А я-то надела парадные туфли.

22. Гоми-бой

Теперь в поезде не то что сесть, протолкнуться было трудно, и правила зрительного контакта тоже вроде изменились, хотя Кья и не могла понять – как именно. Ее сумка с «Сэндбендерсом» плотно притиснулась к спине Масахико, который снова работал со своим дисплеем, держа его перед глазами примерно так же, как пассажиры переполненной утренней электрички – газету, сложенную квадратиком на нужной статье.

Назад в ресторан ихнего отца, а потом – неизвестно что. Она сделала то, чего никак не хотела Хироми. И не узнала ничего нового, кроме того, что есть на свете люди, считающие Реза треплом и занудой. Ну и что же дальше? Она все-таки использовала полученную от Келси карточку, чтобы заплатить за метро в одну сторону, а теперь и в другую. А ведь Сона предупреждала, что ее ищут, что они могут проследить за использованием карточки. А нельзя ли как-нибудь ее обналичить? Хорошо бы, но вряд ли.

Все шло наперекосяк, совсем не так, как она представляла себе это в Сиэтле, но кто же мог ожидать, что на пути встретится такая вот Мэриэлис. Или Эдди, или даже Хироми.

Масахико смотрел на дисплей с таким лицом, словно увидел какую-то мерзость, хотя там были все те же крючки-закорючки.

И еще эта штука, которую подсунула Мэриэлис. Прямо здесь, в сумке. Нужно было оставить в комнате Мицуко, а не таскать при себе. Или вообще выкинуть. Ну да, вот так выкинешь, а потом появится Эдди или Мэриэлис, и что тогда делать, что говорить? А вдруг там какие-нибудь наркотики?

В Сингапуре за такое вешают прямо на площади. Отцу публичные казни не нравятся, из-за них он ее к себе и не приглашает, ну, может, не только из-за них, но отчасти. Там же все это показывают по телевизору, так что трудно не увидеть, а он не хочет, чтобы она смотрела на такое. А Сингапур – это далеко от Токио? Ей хотелось мотнуть вот так сразу туда, доехать до отцовской квартиры с закрытыми глазами, и сразу выдернуть телевизор из розетки, и не включать его больше, а просто быть там с ним и запахом его лосьона для бритья, и прижаться щекой к его колючей шерстяной рубашке, только ведь в Сингапуре таких, конечно, не носят, потому что там жарко. Ну ладно, она просто закроет глаза и будет слушать, как он рассказывает про свою работу, про Спрос и Предложение, которые снуют, подобно невидимым драконам, по биржевым площадкам всего мира, сшибая чешуйки прибыли для таких, как отец, брокеров…

Масахико резко повернулся, чуть не сорвав сумку с ее плеча; поезд тормозил у какой-то – совсем незнакомой – платформы. Женщина с желтым магазинным мешком сказала что-то по-японски. Масахико схватил Кья за запястье и потащил к открывшимся дверям.

– Так нам же не здесь…

– Пошли! Пошли!

Почти бегом из вагона на платформу. И пахнет здесь тоже не так – чем-то едким, химическим. И стены не такие вроде чистые. Треснувшая плитка кафельного потолка.

– В чем дело? Зачем мы сошли?

Молча и не останавливаясь, Масахико утащил ее в угол между кафельной стеной и гигантским торговым автоматом.

– В ресторане тебя ждут. – Он взглянул на свою руку и мгновенно, чуть ли не испуганно отпустил запястье Кья.

– Откуда ты знаешь?

– Крепость. Сперва, час назад, они просто наводили справки.

– Кто?

– Русские.

– Русские?

– После землетрясения здесь появилось много комбинатских. Налаживают отношения с гуми.

– А кто такие гуми?

– Мафия, если по-вашему. Якудза. У моего отца договор с местным гуми. Если держишь ресторан, без этого никак. Представители этих гуми говорили с отцом про тебя.

– Так что же, у вас там в квартале вся мафия русская?

За головой Масахико, на боковой стенке торгового автомата – анимированный логотип чего-то, называемого «Эппл Ширз».

– Нет. Франчайз от Ямагучи-гуми. Отец знает этих людей. Они сказали отцу, что тобой интересуются русские, и это плохо. Они не могут гарантировать такую, как всегда, безопасность. Русские ненадежны.

– Я не знаю никаких таких русских, – твердо сказала Кья.

– Нам нужно идти.

– Куда?

Масахико повел ее в дальний конец платформы, битком забитой людьми и мокрой от сотен сложенных зонтиков, к эскалатору.

– Когда Крепость заметила, что к нашим адресам, моему и сестричкиному, проявляется внимание, одному из друзей поручили забрать мой компьютер…

– Зачем?

– Потому что на мне лежит определенная ответственность.

Перед Крепостью. Распределенная обработка.

– Так у тебя что, MUD в твоем компьютере?

– Крепость нигде не находится, – сказал Масахико, ступая на эскалатор. – Так что теперь мой компьютер у друга. И он знает про людей, которые тебя подстерегают.

Гоми-бой,[27] так звали этого друга.

Его одежду составляли замызганная хлопчатобумажная фуфайка с закатанными манжетами и необъятные, как бегемотье брюхо, штаны от армейской робы, не сваливавшиеся с его тщедушного тела только благодаря флюоресцентно-оранжевым, трехдюймовой ширины подтяжкам. Ботинки у него были розовые, точь-в-точь такие, как носят маленькие дети, только на несколько размеров больше. В данный момент он сидел на угловатом алюминиевом стуле, и младенческие ботинки болтались в воздухе, чуть-чуть не доставая до пола. Его шевелюра была словно вылеплена из какой-то вязкой массы, сплошь тугие, клейко поблескивающие завитки и ямки. Вот так же точно изображали прическу Дж. Д. Шейпли авторы этих стенных росписей на площади Пионеров; Кья знала из школьных уроков, что это как-то там связано со всей этой Элвисовой историей, но не помнила, как именно.

Он разговаривал с Масахико по-японски; под неумолчный, как морской прибой, грохот игровой аркады. Кья хотела бы послушать, о чем они там, но для этого требовалось расстегнуть сумку, найти там наушники и включить «Сэндбендерс». А как же такое сделаешь, когда этот Гоми-бой и рад, похоже, что она их не понимает.

Он пил из банки что-то, именуемое «Покари свит», и курил сигарету. В воздухе стелились слои голубоватого дыма. В Сиэтле за такое сразу бы арестовали, потому что рак. И сигарета, похоже, фабричного производства – аккуратный белый цилиндрик с коричневым кончиком, чтобы брать в рот. Такие можно увидеть в старых фильмах, да и то изредка, в тех, до которых не добрались еще с цифровой цензурой, а так в Сиэтле торгуют из-под полы грубыми, кустарными или можно купить маленький мешочек табачной отравы вместе с квадратиками тонкой бумаги и крутить сигареты самостоятельно. Придурки в их школе так и делали.

Дождь как шел, так и шел. Сквозь иссеченное струями воды окно Кья видела на другой стороне улицы другую аркаду, из этих, с автоматами, где катятся серебряные шарики. Дождь, неон и серебряные шары сливались в единое марево, и Кья думала, о чем там говорят Масахико с Гоми-боем.

Компьютер Масахико, запакованный теперь в клетчатую

пластиковую сумку с розовыми международными знаками биологической опасности, стоял на столике, рядом с банкой «Покари свит». Что это такое – покари? Ей представилась дикая свинья, вся в щетине, с торчащими клыками, вроде как показывают по каналу «Природа».

Гоми-бой пососал сигарету, и на ее конце вспыхнул красный огонек, вроде светодиода. Затем он выпустил изо рта облачко дыма, прищурился и что-то сказал. Масахико пожал плечами. Перед ним стояла разогретая в микроволновке баночка эспрессо. Кья взяла себе коку лайт. В Токио и присесть-то нигде нельзя, если не купишь себе какой-нибудь еды-питья, а питье купить быстрее, чем еду. Да и стоит дешевле. Правда, сейчас Кья не платила, платил Гоми-бой, потому что они с Масахико не хотели, чтобы она пользовалась этой карточкой.

Гоми-бой что-то сказал и посмотрел на Кья.

– Он хочет с тобой поговорить, – сказал Масахико.

Кья наклонилась, расстегнула сумку, нашла наушники, отдала один из них Гоми-бою, прицепила другой себе на ухо, еще раз нагнулась и включила «Сэндбендерса».

– Я из Крепости, – сказал Гоми-бой, надевая наушник. – Ты знаешь, что это такое?

– Ну да, это у вас такой MUD. Мультиюзерный домен.

– Не в том смысле, как ты думаешь, но примерно так. Зачем ты приехала в Токио?

– Собрать информацию насчет намерений Реза жениться на этой идору Рэи Тоэи.

Гоми-бой кивнул. Все отаку относились к информации крайне серьезно, и он понимал, что такое быть фэном.

– У тебя были какие-нибудь дела с Комбайном? – Кья понимала, что он сказал «Комбинат», а это переводник так исковеркал. Комбинат, мафиозное правительство России.

– Нет.

– И ты оказалась у Масахико потому, что?..

– Мицуко – социальный секретарь токийского отделения нашего Ло-Резовского общества.

– Сколько раз ты выходила в сеть? Из ресторана, в смысле.

– Три раза. – Костюм от Силке-Мари Колб. Встреча с японскими девочками. Сона Роса. – Я заплатила за декоративный софтвер, мы с Мицуко участвовали во встрече. Я связалась с домашними.

– Ты оплатила софт по своей карте?

– Да.

Кья перевела взгляд с Гоми-боя на Масахико. Между ними и за ними – дождь. За дождем, на той стороне улицы, за стеклом,

нескончаемый грохочущий поток серебряных шаров. Напряженно ссутуленные спины игроков, управляющих движением металла. По лицу Масахико ничего не поймешь.

– Компьютер Масахико поддерживает определенные аспекты Крепости, – сказал Гоми-бой. – На случай возникновения критических обстоятельств имелись заранее составленные планы перемещения его в безопасное место. Когда выяснилось, что юзерские адреса Масахико и его сестры стали предметом неожиданного внимания, мне поручили забрать его машину. Мы с ним часто обмениваемся железом. Я торгую подержанным оборудованием, чем и объясняется мое прозвище Гоми-бой. У меня есть ключи от комнаты Масахико. Его отец знает, что мне позволено заходить туда в любое время. Его отец не имеет ничего против. Я пришел и забрал компьютер. Рядом есть небольшая муниципальная рекреационная площадка. Оттуда виден вход в ресторан. Заметив «Оклендских овербомберов», я перешел улицу и заговорил с ними.

– Заметив чего?

– Скейтбордовая команда. Они назвали себя по калифорнийскому футбольному клубу. Я спросил их, не замечали ли они в последние часы какой-либо необычной активности. Они сказали мне, что видели очень большой автомобиль около часа назад…

– «Грейсленд».

– «Дайхацу грейсленд». Насколько я знаю, здесь они встречаются реже, чем в Америке.

Кья кивнула, с трудом удерживая на месте желудок, порывавшийся выскочить наружу вместе со всем своим содержимым.

Гоми-бой протянул в сторону руку с сильно укоротившейся сигаретой и раздавил ее тлеющий кончик в маленькой хромированной чашечке, прикрепленной к боковой стороне игровой консоли. Кья не очень понимала, для чего в действительности предназначена эта чашечка и почему Гоми-бой так сделал, но, с другой стороны, должен же он как-нибудь потушить сигарету, иначе она обожгла бы ему пальцы.

– «Грейсленд» свернул к ресторану и припарковался. Из него вышли два человека…

– Как они выглядели?

– Представители гуми.

– Японцы?

– Да. Они прошли в ресторан. «Грейсленд» ждал их. Через пятнадцать минут они вернулись, сели в «грейсленд» и уехали. Затем из ресторана вышел отец Масахико. Некоторое время он

глядел по сторонам, внимательно изучая улицу. Затем он вынул из кармана телефон и с кем-то поговорил. Затем вернулся в ресторан. Я не хотел задерживаться на рекреационной площадке с такой вещью, – Гоми-бой скользнул взглядом по клетчатой сумке, – как компьютер Масахико. Я сказал лидеру «Овербомберов», что поменяю его телефон на другой, лучший, если он задержится на площадке и будет звонить мне при любых новых случаях необычной активности. «Овербомберы» все равно ничего не делают, и он согласился. Я ушел. Он позвонил через двадцать минут и доложил о появлении серого хондовского минивэна. За рулем сидел японец, но трое пассажиров были иностранцами. Он думает, что они русские.

– Почему?

– Потому что они очень крупные и одеты в манере, которая ассоциируется у него с Комбайном. Они все еще там.

– Откуда ты знаешь?

– Если они уедут, он обязательно мне позвонит. Он хочет получить новый телефон.

– А здесь можно подключиться к сети? Я сейчас же свяжусь с «Эйр Магеллан» и поменяю билет. Я хочу вернуться домой! – (И оставить Мэриэлисовый пакет прямо вот в этой, за спиной Гоми-боя, мусорной урне.)

– Тебе нельзя подключаться, – сказал Масахико. – Нельзя пользоваться этой карточкой. А то они тебя найдут.

– Так что же мне тогда делать? – спросила Кья и удивилась собственному голосу, он звучал как чей-то чужой. – Я же просто хочу домой!

– Дай-ка мне взглянуть на эту карточку, – попросил Гоми-бой.

Карточка лежала в кармане парки, вместе с паспортом и обратным билетом, Кья достала ее и протянула Гоми-бою. Гоми-бой расстегнул один из карманов своих необъятных штанов и вытащил оттуда маленький прямоугольный приборчик, замотанный серебристым, грязным по краям скотчем, с прорезью во всю его ширину и круглым глазком. Проведя карточкой поперек прорези, он отложил ее и на несколько секунд прильнул к глазку.

– Обналичить ее нельзя. Зато проследить крайне просто.

– Моя подруга почти уверена, что они и так уже знают номер.

Гоми-бой начал постукивать ребром карточки по краю своей банки.

– Тут есть одно место, где ты можешь воспользоваться ей без всякого риска, – сказал он. Стук-стук. – Откуда Масахико может войти в Крепость. – Стук-стук. – Откуда ты сможешь позвонить домой.

– Где это?
– «Гостиница любви». – Стук. – Ты знаешь, что это такое?
– Нет, – сказала Кья.
Стук.

23. Здесь, в «Западном мире»

Из пупырчато-розовой глотки жвачного бара LE CHICLE под роняющее первые капли небо. Ходульный апостол «Новой логики» все еще топтался на боевом посту, серый вечер словно прибавил яркости его светящимся плакатам. Пока Блэкуэлл придерживал для Арли дверцу мини-лимузина, Лэйни смотрел на меняющиеся строчки цифр и жалел, что так никогда и не узнает, насколько возросла совокупная масса людской нервной ткани за то время, пока они прохлаждались в баре.

Забираясь в машину вторым, вслед за Арли, он снова заметил на внутренней стороне ее ноги эти три каталонских солнца, уменьшающихся по размеру сверху вниз. Блэкуэлл захлопнул за ними левую заднюю дверцу, а затем открыл переднюю водительскую, если по-нормальному, и перелил себя на сиденье, как невозможную, в сотни футов весом, каплю ртути. Машина качнулась и осела на амортизаторах, страдальчески принимая почти непосильный груз.

Поля черной клеенчатой шляпы Блэкуэлла были сзади приспущены. Сильно. Но не так сильно, чтобы полностью скрыть сеть тонких красных рубцов на его затылке.

Водитель – судя по его затылку – был тот же самый, который отвозил их в Акихабару. Наверное. Он резко ввел машину в зеркально обращенный трафик. Быстро разошедшийся дождь бежал потоками и собирался в лужи, расшвыривая отраженный свет неоновых вывесок по тротуару и мостовой.

Сидя с Арли Маккрей бок о бок, Лэйни чувствовал запах ее духов, и ему от этого хотелось, чтобы не было рядом никакого Блэкуэлла, и чтобы ехали они в какое-нибудь другое место, а не в это, куда уж там они едут сейчас, чтобы было это в каком-нибудь другом городе, и чтобы многое из того, что случилось с ним за последние семь месяцев, не случилось совсем, а если бы и случилось, то как-нибудь иначе, чем случилось в действительности, а может, и не за семь месяцев, а начиная с «Дейтамерики» и этих французских теннисистов, но чем дальше он забирался, тем сложнее все становилось и многовариантнее. И тоскливее.

– Я не уверена, что вам там понравится, – сказала Арли.

– Почему?

– Да вы, кажется, не из таких.

– Почему вы так решили?

– Ну не знаю, может, я ошибаюсь. Есть уйма людей, которым там нравится. Мне кажется, что вы воспримете это как чрезмерно

сложную и затянутую шутку…

– А что это, собственно, за заведение?

– Клуб. Ресторан. Место с атмосферой. Заявись мы туда одни, без Блэкуэлла, нас бы вообще не пустили. Даже не признали бы, что там что-то такое есть.

Лэйни вспомнил японский ресторан в Брентвуде, куда водила его Кэти Торранс. Не японский японский, а просто принадлежавший японцам. Ресторан на тему некоей обобщенно-воображаемой восточноевропейской страны. Декорированный предметами народного искусства этой страны, а все, кто там работал, были одеты либо во всякое такое национальное, либо в серые тюремные робы и громадные, грубые, черные башмаки. У всех мужчин были прически с высоко подбритыми висками, а у всех женщин – две косы, уложенные на манер кругов сыра. Ему подали груду разнообразных, микроскопически крохотных колбасок с гарниром из чего-то вроде маринованной капусты, и вкус все это имело совершенно неопределенный, но, может, так оно и было задумано. А потом они вернулись в ее квартиру, оформленную на манер слитскановской «Клетки», только «в роск. перепл. с цв. литографиями». Здесь тоже результаты оказались сильно ниже среднего, и Лэйни порой подозревал, что это удвоило ее злость потом, когда он переметнулся к «Бестормозным».

– Лэйни?

– Прости, пожалуйста… А это заведение – Резу оно нравится?

Мимо непролазного леса черных зонтиков, ждущих на перекрестке зеленого света.

– Я бы сказала, что он любит предаваться там скорбным раздумьям.

«Западный мир» занимал два верхних этажа административного корпуса, который устоял при землетрясении, но не то чтобы совсем. Ямадзаки мог бы сказать (а возможно, и сказал), что он символизирует собой ответ на травму позднейшей реконструкции. В первые же дни (кое-кто говорит – часы) после обрушившегося на Токио бедствия в помещениях таймшерной фирмы, промышлявшей долями членства в гольф-клубах, самозародился импровизированный диско-бар. Спасатели признали здание аварийным и заколотили все его двери, однако окна первого этажа и рухнувшие кое-где перекрытия оставляли достаточное количество лазеек. Смело преодолев одиннадцать пролетов умеренно растресканной бетонной лестницы, вы получали возможность воочию узреть «Западный мир», крайне необычную (и, по мнению некоторых, не только неизбежную, но и

неким таинственным образом жизненно важную) реакцию на, не убоимся двусмысленности, потрясения, только что (по тому времени) унесшее жизни восьмидесяти шести тысяч обитателей мегаполиса (но пощадившего остальные тридцать шесть с хвостиком миллионов, что давало некоторые основания для оптимизма). Бельгийский журналист, тщившийся описать эту неописуемую сцену, уподобил ее чему-то среднему между затянувшимися поминками, нескончаемым разгульным торжеством в честь явления на свет дюжины юных, неслыханных до катастрофы субкультур, спекулянтскими кафе в оккупированном Париже и танцевальной вечеринкой, преломленной через сознание Гойи (с дополнительным непреложным требованием, чтобы тот Гойя был японцем и без продыху смолил метамфетамин, каковой, наряду с нескончаемыми потоками алкоголя, являлся основной специализацией раннего «Западного мира»).

Немногие уцелевшие окна были наглухо закрашены черной битумной краской, чтобы не лезли в глаза окружающие развалины; все было, так говорит бельгиец, словно сам город породил в муках и судорогах этот крошечный мирок, где можно было забыть обо всех ужасах мира большого. К тому времени как реконструкция набрала полные обороты, «Западный мир» успел уже стать важной вехой в духовной истории Токио, общеизвестным секретом, местной легендой.

Но теперь, как объяснила Арли на середине первого из вышеупоминавшихся одиннадцати пролетов, все это стало чистой коммерцией; аварийное здание должны были уже десять раз снести, и если этого не происходит, то лишь благодаря дорогому нелицензированному клубу, который, если можно так выразиться, остался его единственным обитателем. Если он и на самом деле остается нелицензированным, в чем у Арли были большие сомнения.

– Здесь публика дотошная и аккуратная, – сказала она, аккуратно переступая со ступеньки на ступеньку, – а в таких делах и подавно. То, что в этом здании функционирует «Западный мир», известно всем и каждому. Скорее всего, где-то там на каком-то там уровне было достигнуто тайное соглашение, чтобы этот клуб был вроде как бы нелицензированным. Потому что это нравится клиентам и они за это платят.

– А кому принадлежит само здание? – спросил Лэйни, глядя на всплывавшего впереди Блэкуэлла, на его руки в черных широких рукавах плаща, похожие на одевшие траур окорока.

– Если верить слухам, то одной из двух команд, которые все никак не поделят нашу гостиницу.

– Мафия?

– Местный аналог, но аналог весьма приблизительный. Если прежде, до толчка, структура прав на местную недвижимость была всего лишь предельно запутанной, то теперь она перешла в категорию чистой мистики.

Единственным освещением лестницы были развешенные кое-где петли тусклого биолюминесцентного провода. Проходя под одной из них, Лэйни заметил под ногами окаменевшие потеки чего-то зеленовато-желтого.

– А что это на ступеньках? – спросил он.

– Моча.

– Моча?

– Связанная, отвердевшая, биологически нейтральная моча.

Лэйни растерянно смолк. Моча? До верха было далеко, а его ноги начинали уже побаливать.

– Землетрясение, – сказала Арли. – Канализация вышла из строя. Люди стали мочиться прямо на лестнице. Послушать очевидцев, так это был полный кошмар. Впрочем, теперь кое-кто из них чуть ли не тоскует по тем временам.

– А почему она затвердела?

– У них тут есть такой хитрый продукт, порошок. Похожий с виду на стиральный. Какие-то там ферменты. Очень удобно для мамаш с малолетними детьми. Ребенок захотел пи-пи, а туалет далеко, он делает свое пи-пи в бумажную чашку или там пакет из-под сока, ты высыпаешь туда содержимое маленького изящного пакетика, секунда – и все затвердело. В твоей бумажной чашке образовался кусок чего-то вроде чуть зеленоватого янтаря. Биологически нейтральный. Абсолютно гигиеничный, без всякого запаха и – надо думать – вкуса. Закинь его в урну и прогуливай дитятко дальше.

Проходя под очередной петлей, Лэйни заметил миниатюрные сталактиты, свисавшие с краев ступеньки.

– Так они, значит, применяли эту штуку…

– Все время. Широчайшим образом. В какой-то момент им пришлось срубать наслоения.

– И это что же, так и продолжается?

– Конечно, нет. Но «Грот», эта вот лестница, сохранен в первозданном виде.

Еще один пролет. Еще одна петля призрачного подводного света.

– А что они делали с… твердыми? – спросил Лэйни.

– Не знаю. Да и не очень хочу узнать.

Тяжело дыша, с гудящими от усталости ногами, Лэйни вошел

в голубой свет, бессильно увязавший в непроглядной черноте стен, в смутное пространство, лишь слегка организованное позолоченными стояками несущих конструкций здания. После химией остановленных мочепадов «Грота» «Западный мир» выглядел тускло и убого. Заурядная контора, выпотрошенная, а затем кое-как обставленная невзрачной разнокалиберной мебелью. В глубине помещения, прямо напротив входа темнеет что-то громоздкое, неуклюжее. Танк? Лэйни недоуменно сморгнул. Ну да, танк. Американский и жуть какой старый.

– Как они его сюда затащили? – спросил он у Арли, отдавшей кому-то свой плащ. – И почему пол не проваливается?

– Это эпоксидка, – улыбнулась Арли. – Мембранная скульптура. Игрушка для отаку, они клеят такие модели из набора деталей.

Блэкуэлл тоже расстался со своим плащом, явив миру одеяние, напоминавшее пиджак, но пиджак не совсем обычный, сотканный из чуть потускневшей алюминиевой нити. Он прокладывал путь сквозь лабиринт низких столиков и диванчиков со все той же целеустремленностью и изумительной легкостью, почти физически увлекая за собой Лэйни и Арли.

– Да это же «Шерман», – радостно вспомнил Лэйни, бравший когда-то в гейнсвиллской библиотеке си-ди-ром по истории бронетанковой техники.

Арли молчала, название знаменитого танка было для нее пустым звуком. Ну так она же, небось, в жизни не пользовалась си-ди-ромом, а в приюте, там поневоле знакомишься с безнадежно устаревшими носителями.

Глядя по сторонам и вспоминая слова Арли, что теперь «Западный мир» совсем не тот, что прежде, Лэйни поражался, какая ж тогда публика собиралась здесь вначале, когда улица внизу была погребена под шестифутовым слоем битого стекла.

В людях, которые сидели здесь сейчас, хмуро сутулились над своими стаканами, резко ощущалась необычная, не похожая ни на что виденное Лэйни в Токио отдельность, неслиянность с окружающим, как у капелек масла на поверхности воды. Долгий зрительный контакт с кем-либо из них мог привести к очень интересным, а может – и очень опасным последствиям. Если проанализировать совокупную нервную ткань, содержащуюся в этом зале, в ней непременно обнаружатся крайне необычные примеси. А может, здешняя клиентура проходит предварительный отбор по некоему сочетанию пристальности взгляда и низкой подвижности лицевых мышц?

– Лэйни, – сказал Блэкуэлл, роняя на плечо Лэйни ладонь и разворачивая его под взгляд двух зеленых миндалевидных глаз, –

это Рез. Рез, Колин Лэйни. Он работает вместе с Арли.

– Добро пожаловать в «Западный мир», – улыбнулся Рез. – Добрый вечер, мисс Маккрей.

Лэйни снова заметил явление, знакомое ему по встречам со знаменитостями в «Слитскане», – зыбкое мерцание образа между опосредованным, предзаданным представлением и воспринимаемой реальностью. И каждый раз это мерцание, перемежение образов становилось с секунды на секунду все быстрее и быстрее, пока они не сливались в некое целое, твое новое представление об этом человеке. (Там, в «Слитскане», кто-то говорил ему, что научно доказано существование в мозгу некоей области, специально ответственной за узнавание знаменитостей. Треп? Может, треп, а может, и правда.)

Но это все были ручные знаменитости, те, которых Кэти уже выдрессировала. Договорилась (в обычном кабинете, ни в коем случае не в «Клетке») о режиссировании различных граней их многогранной общественной жизни, на тех или иных условиях. А этот парень не был ручным, он был слишком крупен и своеобразен для подобных игр, чем и заслужил яростную ненависть Кэти.

Рез приобнял Арли за плечи и повел ее в чуть затененный конец зала, за пустотелую тушу «Шермана», что-то говоря на ходу.

– Добрый вечер, мистер Лэйни, – сказал Ямадзаки и несколько раз сморгнул; зеленая в клеточку спортивная куртка болталась на его узких плечах, как на вешалке.

– Ямадзаки.

– Вы уже познакомились с Резом? Хорошо, очень хорошо. Столик приготовлен, чтобы поужинать. – Словно спасаясь от удушья, Ямадзаки растянул указательными пальцами широкий, свободно болтавшийся на его шее воротник дешевой бежевой рубашки. – Насколько я понимаю, первая попытка идентифицировать узловые точки не увенчалась успехом.

Он вежливо сглотнул.

– Я не могу понять человека по материалам, структурированным, как бухгалтерский отчет. Его там попросту нет.

Рез и Арли уже исчезли за танком.

– Идемте и мы, – сказал Ямадзаки и добавил, понизив голос почти до шепота: – Нечто экстраординарное. Она здесь. Она ужинает с Резом. Рэи Тоэи.

Идору.

24. Отель «Дай» [28]

В крошечном такси вместе с Масахико и Гоми-боем, Масахико спереди, на водительском, если по-нормальному, месте, Гоми-бой сзади, рядом с ней. У Гоми-боя было так много карманов и так много вещей в каждом кармане, что ему стоило большого труда устроиться более-менее удобно. Кья в жизни не видела такой маленькой машины, а уж такси – так и подавно. Колени Масахико почти упирались в подбородок. На шофере были белые перчатки и шапка с козырьком, вроде тех, какие носят шоферы такси в фильмах сороковых годов. На всех подголовниках были белоснежные, накрахмаленные кружевные салфетки, прищепленные специальными прищепками.

Кья рассудила, что машина такая маленькая потому, что платить будет Гоми-бой, наличными, у него их не густо, сам говорил.

После недолгого подъема они вывернули из дождя на этот старомодный, но все равно дико красивый многоуровневый экспресс-вей, и мимо понеслись средние этажи застроенного высотками района, может, даже того же Синдзюку, потому что вдали на мгновение показалось здание-робот, под другим углом, но все равно узнаваемое, а затем – она так никогда и не поняла, было это в действительности или только показалось, – мелькнуло окно, точно такое же, как и все остальные, а за ним голый человек, сидящий со скрещенными ногами на конторском столе, и рот его был раскрыт до предела, словно в беззвучном крике.

Время от времени в общей массе темных, едва различимых за пеленой дождя зданий попадались другие, необычные, залитые светом, как аттракционы тематического парка «Ниссан Каунти» в телевизионной рекламе, на каждом из них сверкала огромная вывеска: ОТЕЛЬ «ЦАРЬ МИДАС» с многоцветно мерцающей короной и скипетром, ВОДОПАД СВОБОДЫ БАНФ [29] с голубыми горами и золотым водопадом. Еще штук шесть таких, в быстрой последовательности, а затем Гоми-бой сказал несколько слов по-японски. Черный легковой козырек водителя согласно кивнул.

Крошечная машинка свернула направо и покатилась, притормаживая, вниз, по плавному изгибу эстакады. В бездушном, бессмысленно ярком свете натриевых прожекторов Кья увидела пустой перекресток, заросли бледной, буйно взлохмаченной травы на узких крутых обочинах. Ни одной машины, словно они здесь и вообще никогда не ездят. Это безликое, никакое место могло бы находиться на окраинах Сиэтла, на окраинах чего угодно, и она на мгновение задохнулась

от острого желания вернуться домой, быть дома.

Искоса взглянув на соседку, Гоми-бой занялся раскопками в некоем, очень внутреннем кармане. Расстегнув подтяжки, он запустил руку в штаны чуть не по плечо и извлек солидную пачку денег, перетянутую широкой, черной резинкой. Кья с интересом наблюдала, как пальцы Гоми-боя оттянули резинку и отделили три купюры. Побольше размером, чем американские, а на той, что сверху, изображен логотип компании, название которой она узнала чуть ли не в грудном возрасте. Гоми-бой сунул три купюры в рукав фуфайки и начал пристраивать пачку на прежнее место.

– Скоро и там, – сказал он, застегивая подтяжки.

– Скоро и где?

Крутой поворот направо, остановка. Приехали. Откуда-то сверху сочится бледный дрожащий свет, на черном, с масляными пятнами бетоне нарисованы две параллельные белые стрелки, вперед и назад. Та, что вперед, указывает прямо на квадратный проем в гладкой белой стене. В проеме сплошная, до самого низа, завеса из полосок блестящего нежно-розового пластика; глядя на них, Кья вспомнила ленточки серпантина на школьных танцульках, хотя те, конечно же, были узенькие, а эти – чуть не в две ладони шириной. Гоми-бой отдал три купюры шоферу и теперь ждал сдачу.

В нетерпении размять затекшие ноги Кья потянулась к углубленной в дверцу ручке – и была, как тут же выяснилось, сильно неправа.

– Не трогай, – сказал Масахико, торопливо хватая ее за руку. – Замком управляет водитель. Если ты откроешь сама, механизм сломается. Очень дорогой механизм.

Шофер отсчитал наконец сдачу. Кья думала, что теперь Гоми-бой даст ему на чай, но фига с два. Шофер потянулся рукой куда-то вниз, сделал там что-то, и дверца, которую пыталась открыть Кья, открылась сама собой.

Кья вышла под дождь, волоча за собой сумку, взглянула вверх, на источник странного света. Вывеска, а на ней здание, похожее на свадебный торт, и надпись: ОТЕЛЬ «ДАЙ», каждая из белых газосветных букв обведена цепочкой крошечных, шустро подмигивающих лампочек. Масахико уже стоял рядом и нетерпеливо подталкивал ее к проему в белой стене. Сзади донесся звук отъезжающей машины.

– Пошли.

Чуть пригнувшись, Гоми-бой нырнул сквозь розовую завесу.

В полумрак почти пустой парковочной площадки, где сиротливо жались две маленькие машины, серая и темно-зеленая,

с номерами, прикрытыми черным матовым пластиком. И стеклянная двустворчатая дверь, бесшумно разъехавшаяся перед Гоми-боем.

Короткая японская фраза, сказанная бесплотным, ниоткуда идущим голосом. Ответ Гоми-боя.

– Дай ему свою карточку, – сказал Масахико.

Кья достала из кармана парки карточку и протянула ее Гоми-бою, который, судя по интонациям, задавал голосу вопрос за вопросом. Кья огляделась по сторонам. Бледно-голубое, розовое, светло-серое. Тесное помещение, оформленное под вестибюль гостиницы, но только под, присесть даже негде. На стенных экранах часто сменяющиеся кадры – интерьеры каких-то странноватых комнат. Голос, раз за разом отвечающий на вопросы Гоми-боя.

– Он просит комнату с наилучшими возможностями выхода в сеть, – негромко объяснил Масахико.

В конце концов переговоры завершились каким-то соглашением. Гоми-бой вложил карточку в щель, расположенную над небольшой розовой чашей, типа фонтанчика для питья. Голос снова что-то сказал – похоже, поблагодарил. Открылся узенький лючок, в розовую чашу мягко скользнул ключ. Гоми-бой взял его и передал Масахико. Из щели высунулась карточка. Гоми-бой вытащил ее совсем и передал Кья. Затем он отдал Масахико клетчатую сумку с компьютером, повернулся и вышел через ту же, послушно распахнувшуюся дверь.

– А он что, не с нами?

– В номер пускают только двоих. А у него есть дела в другом месте. Нам сюда.

– А что это за такой отель? – поинтересовалась Кья, входя в автоматически распахнувшиеся двери лифта.

– Отель? – Масахико неловко откашлялся. – Это отель любви.

– Какой еще любви? – Лифт плавно пошел вверх.

– Ну, комнаты такие. Для секса. С поминутной тарификацией.

– А-а, – кивнула Кья, словно теперь ей все стало ясно.

Лифт выпустил их в узкий коридор со множеством дверей и тусклыми светополосами, вделанными в стены на высоте щиколотки. Масахико уверенно двинулся налево. Подошел к одной из дверей и открыл ее ключом из розовой чашки. Как только он переступил порог, в комнате вспыхнул свет.

– А ты уже бывал в таких местах? – Кья почувствовала, что краснеет, и смутилась из-за этого еще больше.

– Нет. – Масахико закрыл дверь, секунду поизучал замок и нажал две кнопки. – Но здешним клиентам иногда требуется выйти в сеть. У отеля хорошая система переадресовки,

проследить, что ты работал именно отсюда, почти невозможно. Ну и телефон, тоже очень надежная защита.

Кья огляделась по сторонам. Главное место в комнате занимала круглая кровать, обитая розовой пушистой материей, на манер той, из которой делают игрушечных зверей. Ковер на полу был белый как снег и лохматый – сочетание, живо напомнившее ей мерзейший сахарный батончик «Ринг-динг».

Треск расстегиваемой «липучки»; Кья обернулась и увидела, что Масахико снимает черные подтяжки. Затем он разулся (один из серых нитяных носков продран на большом пальце) и сунул ноги в белые бумажные сандалии. Кья взглянула на свои мокрые ботинки, не слишком уместные на пушистой белизне ковра, и решила сделать то же самое.

– А почему тут все так странно выглядит? – спросила она, наклоняясь, чтобы развязать шнурки.

Масахико безразлично пожал плечами, Кья заметила, что значок биологической опасности на клетчатой сумке был почти того же цвета, что искусственный мех кровати.

Заметив в углу открытую дверь, за которой угадывалась ванная, она прошла туда и закрылась на задвижку. В ту же самую секунду вспыхнул неяркий свет и зазвучало птичье пение. Ванная была немногим меньше спальни, с черными, блестящими стенами и кафельным полом в черно-белую шашечку. Кроме черной ванны (такой большой, что ее можно было считать миниатюрным плавательным бассейном), здесь имелось некое устройство, в котором смутно угадывался унитаз. Навороченный почище того, у Эдди в конторе. Оставив сумку с «Сэндбендерсом» у двери, Кья осторожно подошла к опасному устройству и начала его изучать. Черный пластик, черный фаянс и хромированный металл. Спинка и подлокотники, вроде как у парикмахерского кресла. На установленном рядом дисплее непрерывно, по циклу, меняются японские надписи с небольшими английскими включениями… (A) Удовольствие… (B) Суперудовольствие…

– Ага, – кивнула Кья.

Внимательнейшим образом осмотрев черное сиденье, она спустила трусы, присела, упираясь руками в колени, и помочилась, так и не войдя в соприкосновение со зловещей посудиной.

Ну а спускать, это мы оставим кому-нибудь другому, решила Кья, ополаскивая руки над раковиной, но в тот же момент от унитаза донесся шум бурно льющейся воды.

Рядом с раковиной лежал пакет из глянцевой розовой бумаги с надписью белыми загогулистыми буквами: «Туалетный наборчик для юных». Кья открыла пакет, для чего ей

потребовалось отлепить бантик из серебристой пластиковой ленточки, и заглянула внутрь. Уйма мелко расфасованной косметики, а еще презервативы, самые разные, штук десять – пятнадцать, и все упакованы на манер конфеток.

Чуть левее зеркала над раковиной висел черный лакированный шкафчик, единственный предмет в ванной, выглядевший по-японски, в смысле по-старо-японски. Кья открыла дверцу, вспыхнувшая внутри лампочка осветила три стеклянные полочки, на которых выстроились по росту пластиковые модели мужиковых членов, от самых больших до совсем маленьких, самых разных, порою диких расцветок, и все аккуратно завернуты в целлофан. Были там и другие, непонятные штуки: пупырчатые шарики, нечто вроде большой соски-пустышки, резиновые, надутые воздухом колечки с длинными упругими усиками. А посреди всего этого хозяйства стояла кукла с черными волосами, одетая в красивое кимоно из золотистой ткани и цветной бумаги. Кья хотела взять куклу, чтобы рассмотреть поближе, но кимоно и парик снялись с нее, как чехольчик, а на полке осталась еще одна пластиковая модель, только у этой были нарисованы глаза и губы. При попытке вернуть кимоно с париком на место все на полке попадало, и тогда она просто закрыла шкафчик. И еще раз вымыла руки.

А в спальне Масахико занимался делом, подключая извлеченный из клетчатой сумки компьютер к черной консоли, стоявшей на полке вместе с какими-то еще штуками. Кья поставила свою сумку на кровать. Раздался негромкий мелодичный звон, а затем меховая поверхность ожила, по ней покатились медленные концентрические волны, сходящиеся к сумке, приподнимая ее и опуская, поднимая и опуская…

– Ик, – сказала Кья и сдернула сумку на пол; кровать снова звякнула и начала успокаиваться.

Масахико мельком оглянулся и продолжил свое занятие.

Вопреки первому впечатлению в комнате все-таки было окно, прикрытое чем-то вроде раздвижной ширмы. Кья подергала защелки, державшие ширму на месте и в конце концов сдвинула ее в сторону. Окно выходило на парковочную площадку, обнесенную металлической сеткой, и низкое коричневатое строение со стенами из гофрированного пластика. На площадке стояли три грузовика, не слишком новые и даже не слишком чистые, в отличие от всех машин, которые она видела в Японии до этого. Серая (вроде бы) мокрая (уж это точно) кошка вылезла из-под одного грузовика и в два прыжка переместилась под другой. Дождь как шел, так и шел.

– Порядок, – сказал Масахико. – Теперь можно и в Крепость.

25. Идору

– Она здесь? Это в каком смысле? – спросил Лэйни, огибая корму «Шермана». На массивных стальных траках висели шматки закаменевшей грязи.

– Здесь мистер Куваяма, – прошептал Ямадзаки. – Ее доверенное лицо…

Группа людей за столиком. Двое мужчин и женщина. Идору.

Попробуй Лэйни заранее представить себе ее внешность, получилось бы нечто вроде профессионально выполненного микса из главной обоймы звезд современного японского телеэкрана. Обычная голливудская практика, приобретавшая при создании виртуальных персонажей силу непреложного закона: все их черты алгоритмически выводились из некоего человеческого среднего, надежно доказавшего свою популярность.

К Рэи Тоэи все это не относилось.

Ее длинные черные волосы свободно спадали по бледным обнаженным плечам. Бровей у нее не было, а белые, словно чем-то припудренные веки и ресницы резко контрастировали с огромными черными зрачками.

Их глаза встретились.

Весь мир куда-то поплыл. В самой структуре ее лица, в очертаниях подлежащих костей читались древние истории династической борьбы, бедствий и лишений, побегов от кошмара в кошмарную неизвестность и долгих бесприютных странствий. Он видел могильные камни на крутых склонах альпийских лугов, снег, заметающий наспех высеченные буквы. Белый пар из ноздрей низкорослых вьючных лошадок, бредущих след в след по неверному краю обрыва, видел тусклое серебро вьющейся внизу реки, слышал, как звенят в голубых, быстро сгущающихся сумерках привязанные к сбруе колокольчики.

Лэйни с трудом сдерживал дрожь, его рот наполнился едкой металлической горечью.

– Сядем сюда.

Арли. Держит его за локоть. Другой рукой указывает на два места за низеньким столиком.

– Что с тобой? – еле слышно спросила Арли. – Сними ботинки.

Блэкуэлл смотрит на идору, смотрит страдальчески, но затем это выражение исчезает, впитывается в густую сеть его шрамов.

Лэйни встает на колени, чтобы разуться, движения его неуверенные, как у пьяного или не совсем проснувшегося, он это чувствует, но не может ничего с этим поделать. На лице идору

вспыхивает улыбка.

– Лэйни?

Стол расположен над плоским, как большое корыто, углублением в полу. Лэйни садится на подушку, пристраивает ноги под столом, вцепляется в подушку руками.

– Что?

– Ну как ты там? О'кей?

– О'кей?

– Ты сейчас выглядел… ну… словно вдруг ослеп.

Тем временем Рез занимал свое место во главе стола; справа от него сидела идору, слева – Ло, гитарист, Лэйни сразу его узнал. С другой стороны от идору сидел импозантный пожилой господин в очках без оправы, с благородной сединой в зачесанных назад волосах. На нем был очень простой по покрою – и очень, очень дорогой – костюм из какой-то черной, чуть ворсистой материи и белая рубашка со стоячим воротничком. Когда этот господин повернулся к Рэи Тоэи, исходивший от ее лица свет – свет, Лэйни видел это совершенно ясно – блеснул на мгновение в больших, почти круглых стеклах его очков.

Шумный короткий вдох сидящей рядом Арли. Она тоже заметила.

Самая заурядная голограмма. Бесплотная тень, кем-то там созданная и анимированная. Пальцы Лэйни, намертво сжимавшие края подушки, облегченно расслабились.

Но затем он вспомнил припорошенные снегом надгробья, далекую реку, лохматых лошадок с колокольцами в сбруе.

Узловая точка.

Лэйни как-то спросил Жерара Делуврие, самого спокойного и покладистого из французов, работавших в свободное от тенниса время над проектом TIDAL, как это вышло, что именно его, Лэйни, избрали первым (и, как оказалось потом, единственным) получателем этой необычной способности? Подавая заявление о приеме на работу, он и в мыслях не имел никаких узловых точек, да и каким бы образом, если про них никогда ничего не писали. Он просто хотел получить место стажера в отделе ремонта и обслуживания оборудования.

Крепкий, с ровным, полученным в солярии загаром и ранней сединой в стриженных ежиком волосах, Делуврие откинулся в кресле рабочей станции и на минуту предался изучению своих профессиональных, на натуральном каучуке, теннисных туфель. Затем он взглянул в окно на тускло-рыжие прямоугольники зданий, безликий пейзаж, февральский снег.

– Неужели вы еще не заметили, что мы вас ничему не учим?

Мы наблюдаем. Это мы хотим у вас научиться.

Айова, исследовательский центр «Дейтамерики». Там был даже крытый корт с плохим, как утверждал Делуврие со товарищи, покрытием.

– Но почему именно я?

– Думаете, это благотворительность, забота о сиротах? – устало вздохнул Делуврие. – Островок тепла и сочувствия в кремниевых джунглях «Дейтамерики»? Нет, Лэйни. С вами что-то сделали. Я не исключаю, что нами до некоторой степени движет желание возместить это «что-то». Здесь подходит слово «возместить»?

– Нет.

– Будем считать, что вам повезло. Вы в нашей группе, вы занимаетесь важной работой. Зима не зима, а работа кипит. – Теперь он смотрел прямо на Лэйни. – Вы – наше единственное доказательство.

– Доказательство? Чего?

– Был один человек, слепой, который овладел искусством эхолокации. Прищелкивал языком, понимаете? – Делуврие закрыл глаза и пощелкал языком. – Как летучая мышь. Чистая фантастика. – Он снова открыл глаза. – Этот человек получал весьма подробную картину окружающей обстановки. Ездил на велосипеде по оживленным улицам и все время щелкал. Реальная, легко проверяемая способность. Но он не мог объяснить, как это делается, не мог передать свое умение другим… – Делуврие сцепил длинные загорелые пальцы и пощелкал суставами. – Будем надеяться, что с вами все будет иначе.

Не думай о красной корове. Красной? Или бурой? Лэйни не помнил. Не смотри на лицо идору. Она не человек, а бесплотная информация. Видимая верхушка айсберга, нет, антарктического ледника информации. Только взгляни на ее лицо, и опять все это начнется. В ней сосредоточен немыслимо огромный объем информации. Она воздействует на узловое зрение неким новым, беспрецедентным образом: индуцирует связное сюжетное повествование.

Можно смотреть на ее руки. Смотреть, как она ест.

Ужин был сложный, множество мелких блюд, подаваемых на отдельных прямоугольных тарелках. Каждый раз, когда официант подавал Рэи Тоэи новое блюдо (непременно в поле действия какой-то там штуки, которая проецировала ее образ), вокруг него мгновенно возникала безупречная голографическая копия, призрачная еда на призрачной тарелке.

И даже движение палочек в ее пальцах пробуждало

периферийные проблески узлового зрения. Потому что палочки эти тоже были информацией, хотя и гораздо менее концентрированной, чем черты ее лица, ее взгляд. И каждый раз, когда убиралась пустая тарелка, на ней мгновенно возникала нетронутая еда.

Когда появлялись эти проблески, Лэйни переключал все свое внимание на свою собственную тарелку, на свое неумелое обращение с палочками, на разговоры других участников застолья. Куваяма, тот господин в очках без оправы, отвечал Резу на какой-то его, Реза, вопрос.

– …построение организованной совокупности сложных конструктов. Так называемых «желающих машин». – (Зеленые глаза Реза горят напряженным вниманием.) – Не стоит понимать этот жаргонный термин сколько-нибудь буквально, – продолжал Куваяма, – и все же попробуйте заглянуть в недалекое будущее, где возникнут комплексы субъективных желаний. Исследования показали, что для описания сложного, ясно оформленного устремления лучше всего подходит модульная конструкция…

В его красивом, отлично поставленном голосе проскальзывали еле заметные следы акцента. Какого?

Рез улыбнулся и взглянул на идору. Лэйни – совершенно машинально – сделал то же самое.

И провалился в ее глаза. Он глядел на отвесный обрыв, сплошь состоящий из маленьких прямоугольных балконов, и все они – на разной высоте и глубине. Жар оранжевого заката, отраженный косым, со стальною рамой окном. Небо, расцвеченное, как бензиновое пятно в придорожной луже.

Он закрыл глаза, взглянул вниз, открыл их снова. Новая нетронутая тарелка.

– Вдумчиво ты ешь, – заметила Арли. – Нравится? Предельно сосредоточенный на работе палочками, он сумел поймать и донести до рта дюймовый кубик некоей субстанции, отдаленно напоминавшей омлет с кислой фруктовой приправой.

– Восхитительно. Только без фугу я как-нибудь уж лучше обойдусь. Рыба-собака с какими-то там жуткими нейротоксинами, слышала о таком лакомстве?

– Так ты уже ел фугу, – улыбнулась Арли. – С добавкой. Помнишь большую тарелку с сырой рыбой, уложенной, как лепестки хризантемы?

– Ты шутишь.

– Губы и язык слегка онемели? Вот оно и есть.

Лэйни пробежал кончиком языка по губам. Дразнится или правда? Сидевший слева Ямадзаки наклонился к его уху:

– К вашей проблеме с информацией по Резу можно подойти с

несколько неожиданной стороны. Вы слышали о глобальной активности фэнов «Ло/Рез»?

– О чем?

– Очень много поклонников, вернее – поклонниц. Они составляют подробные отчеты о каждом замеченном появлении на люди Реза, Ло и работающих с ними музыкантов, с массой подробностей, вплоть до наимельчайших.

Из сегодняшних видеофильмов Лэйни узнал, что «Ло/Рез» теоретически считались дуэтом, но реально группа включала по меньшей мере двоих «дополнительных участников», а как правило, и больше. И что Рез питал и питает стойкое отвращение к драм-машинам; Вилли («Слепой») Джуд, их теперешний барабанщик, работал с группой уже много лет. Весь вечер он то и дело поворачивал огромные черные очки в сторону идору, а теперь, похоже, почувствовал на себе взгляд Лэйни. Очки – видеокамеры, подключенные к нервам, – резко развернулись.

– Ну, вообще, – сказал Джуд, – это ж сдохнешь и не встанешь, как наш Роззер всю дорогу строит глазки здоровенной алюминиевой фляге.

– А ты ее не видишь?

– С этими голами, кореш, у меня, – он тронул пальцами очки, – чистый облом. Когда я думаю прогулять детишек в «Ниссан Каунти», сперва звоню им, чтобы поднастроили под мои гляделки. Потом я там все вижу. А с этой леди никак, то ли она на частоте какой-то дикой, то ли еще что. Мне только и видно, что проектор и эта вроде как, ну, аура называется, да? Вроде как, в смысле, сияние.

Японец, сидевший между Джудом и Куваямой (мистер Одзаки, вспомнил Лэйни), повернулся к барабанщику и сконфуженно забормотал, кланяясь на каждой фразе:

– Мы очень сожалеем. Мы глубочайше сожалеем. Требуется совсем небольшая поднастройка, но ее невозможно осуществить на ходу.

– Да чего там, – великодушно отмахнулся Джуд. – Тоже мне проблема. Я ж ее уже видел. Эти мои штуки, они принимают все музыкальные каналы. И этот клип, где она, считается, монгольская принцесса или что-то там вроде в горах…

Лэйни уронил одну из палочек.

– Самый свежий сингл, – сказал Одзаки.

– Во-во, – кивнул Джуд. – Классно сделано. Она там еще в золотой маске. Улетная хрень.

Он закинул себе в рот кусочек маки[30] и начал жевать.

26. Хак-Нам

Кья и Масахико сидели на белом ковре лицом к лицу, в комнате был всего один стул, да и тот какой-то хлипкий, с ножками из крученой проволоки и розовым, с блестками, пластиковым сиденьем в форме сердечка. Кья пристроила «Сэндбендерса» себе на колени и теперь вдевала пальцы в наперстки. Масахико поставил свой компьютер на пол, вернул на место его дисплей, а затем достал из выемки в задней стороне куба очень компактный комплект наперстков и пару черных овальных чашечек с тонкими оптическими выводами. Еще один оптический провод тянулся от его компьютера к разъему на задней стороне «Сэндбендерса».

– О'кей, – сказала Кья, надевая последний наперсток, – поехали. Мне тут надо связаться с одной…

– Ага. – Масахико взял черные чашечки и накрыл ими свои глаза. Чашечки так там и повисли, словно приклеенные, это выглядело даже как-то малость неприятно.

Кья последовала его примеру и натянула свои очки.

– А что мне теперь…

Что-то лежащее в центре мира рванулось сразу во всех взаимоисключающих направлениях. Ничего похожего на обычный выход в сеть. Несовместимость софта?

А затем возникло это. Здание – или биомасса – или обрыв, беспорядочно, без малейшего намека на регулярность, изрезанный бесчисленными складками. Лоскутное одеяло маленьких, вкривь и вкось посаженных балконов, окна, окошки и оконца, дробящие свет на тысячи тысяч тусклых серебристых квадратиков. Влево и вправо, сколько хватает взгляда. А по верхнему неровному гребню чернеет густая поросль перекрученных проводов, а еще дальше, за бесчисленными этими каракулями, расцветает небо. Похожее на бензиновое пятно в придорожной луже.

– Хак-Нам, – сказал где-то рядом Масахико.

– А что это такое?

– «Город тьмы». Средостенье мира.

Кья вспомнила платок в его комнате, головоломную схему чего-то хаотичного и компактного, крошечные неровные лоскуты черного, красного и желтого. А они уже плыли вперед, к узкому проходу.

– Это мультиюзерный домен, верно?

Нечто вроде большой перманентной версии сайта, где имела место быть та идиотская встреча с токийским отделением, или

тропического леса, нарисованного Соной и Келси. Но ведь MUD – это просто игрушка, место, где каждый может притворяться кем-то другим, разыгрывать придуманную для себя роль. Этим занимаются либо дети, либо очень одинокие люди.

– Нет, – сказал Масахико, – это не игрушка.

Они были уже внутри и неслись дальше, плавно ускоряясь в густой, барабанившей по оптическим нервам тесноте.

– Тайваньская улица.

Стены, сплошь покрытые бегущими надписями, призрачные двери, сменяющиеся, как карты тасуемой колоды.

А еще – фантомные фигуры, то и дело пролетающие мимо, и постоянное ощущение, что на тебя смотрят.

Фрактальная грязь, цифровая гниль, узкий проход, завешенный сверху дикими извивами каких-то чуть мерцающих линий.

– Приютский переулок.

Крутой поворот. Еще один, а затем они помчались все быстрее и быстрее вверх. Кья набрала в легкие побольше воздуха и крепко зажмурилась; под опущенными веками беззвучно вспыхивали радужные фейерверки, но невыносимое давление исчезло.

Когда вспышки потухли, она открыла глаза и увидела знакомую комнату Масахико. Только в куда более чистом варианте: без завалов грязной одежды, без пустых одноразовых плошек и прочего хлама. Она сидела на аккуратно застланной кровати, Масахико сидел рядом и напряженно смотрел на экран своего компьютера. Здесь же, на девственно-чистой поверхности стола, стоял и «Сэндбендерс». Проработка текстуры более чем приблизительная, все предметы слишком уж гладкие и блестящие. А как он себя-то нарисовал? Да тоже, в общем, без особых хитростей. Элементарное сканирование годичной примерно давности – вон волосы совсем короткие. А одет в ту же самую черную куртку.

И платок тоже висит на том же месте, только анимированный, красные, черные и желтые пятнышки слегка пульсируют. Кроме того, появилась извилистая зеленая линия, ведущая от края платка к одному из квадратиков, желтому, и от этого квадратика волнами разбегаются зеленые кольца.

Кья еще раз взглянула на Масахико, но тот так и сидел, вперившись в свой экран.

Негромкий звон. Она оглянулась на дверь (ну до чего же все-таки убого сделана текстура дерева) и увидела, как внизу протискивается в щель маленький белый прямоугольник. Не останавливая движения, прямоугольник пополз по полу прямо в

ее сторону и скрылся под кроватью. Кья посмотрела вниз, и вот он, пожалуйста, лезет уже вверх, по матрасу, с той же самой скоростью. Забравшись на кровать, нахальный прямоугольник выбрал такое место, чтобы было удобнее читать, что на нем написано, и замер. Шрифт вроде того, что в «Виски Клоне», а может, и не вроде, а совсем тот же самый, а написано: «Ку-клукс-клан. Коллекционные курьезы» – и еще всякие буквы и цифры, адрес, наверное, только странный какой-то.

Снова звякнуло; на этот раз из-под двери вырвалось серое, бешено вращающееся пятно. Плоское и многолапое, как тень краба или паука, оно мгновенно взлетело на кровать, накрыло белый прямоугольник, поглотило его и с той же стремительностью бросилось к двери.

– Теперь я свободен от обязанностей перед Крепостью, – сказал Масахико, отворачиваясь от компьютера.

– А что это были за штуки? – спросила Кья.

– Какие штуки?

– Вроде визитной карточки. Вылезла из-под двери. А потом другая, вроде краба, вырезанного из серой бумаги, накинулась на нее и сожрала.

– Рекламное объявление, – улыбнулся Масахико. – И подпрограмма с критическими соображениями.

– Эта серая штука ничего не критиковала, она просто сожрала белую.

– Скорее всего, человек, написавший подпрограмму, не любит рекламы как таковой. Это не редкость. Или не любит данного конкретного рекламодателя. Причины могут быть политическими, эстетическими, личными, да какими угодно.

Кья окинула взглядом крошечную комнату.

– А почему ты не сделал себе что-нибудь попросторнее? – спросила она и тут же смутилась, что, может, это потому, что он японец и им, японцам, так привычнее. А иначе с чего бы? Самое, если подумать, тесное виртуальное пространство, какое она в жизни видела, а ведь сделать что-нибудь попросторнее было бы совсем не дороже, если, конечно, не размахиваться, как Сона, на целую виртуальную страну.

– Сама суть Крепости связана с масштабом. Очень важный момент. Ведь масштаб, он и есть место, понимаешь? Население оригинала составляло тридцать три тысячи. Два и семь десятых гектара. До четырнадцати этажей.

Все это было не слишком понятно.

– Я выйду в сеть, ладно?

– Конечно, – сказал Масахико, указывая на «Сэндбендерса».

Она заранее приготовилась к этой фишке с двумя

направлениями одновременно, но в этот раз как-то обошлось. В стеклянном кофейном столике ходили кругами грубо оцифрованные рыбки. Кья посмотрела в окно на бутафорские деревья и подумала о Мумфалумфагусе, что давно что-то его не видно. Большой розовый динозавр с длинными дурацкими ресницами, она и говорить-то еще толком не умела, когда отец сделал эту игрушку.

Как там на столе в смысле почты? Ничего нового.

Можно позвонить отсюда. Поговорить с мамой. Ну да, конечно.

«Привет, мамочка, а я в Токио. В „отеле любви“. Тут за мной какие-то гоняются. Потому что одна тетка подложила мне в сумку одну штуку. Ну и, значит, что бы ты мне посоветовала?»

Тогда, может, Келси? В облицованной мрамором прихожей (ну вот зачем такое пижонство?) чей-то, не Келсин, голос сообщил, что в настоящий момент Келси ван Тройер нету дома. Кья удалилась, не оставив никаких сообщений. Потом она попробовала адрес Соны, но там у провайдера завис сервер. В Мексике такое сплошь и рядом, а особенно в Мехико-сити, где живет Сона. Оставалось одно: попытать счастья в ее тайной стране, там сервер другой, аризонский, и никогда не падает. Правда, Сона сильно не любила, чтобы люди шастали туда без приглашения, и не по злобе какой, а просто из опасения, что фирма, создавшая когда-то этот сайт, вспомнит о нем и узнает, что Сона прибрала его к рукам и полностью перестроила.

Кья спросила у «Сэндбендерса», откуда она сейчас работает, и он ответил, что из Хельсинки, так что переадресовочная система отеля работает, хоть это слава богу.

Во владениях Соны были вечерние сумерки. Чуть-чуть после заката, как и всегда. Кья осмотрела дно пересохшего бассейна на предмет Сониных ящериц, но их чего-то не было. А ведь обычно сидят там, ждут. Странно.

– Сона?

Она взглянула вверх, надеясь увидеть этих жутковатых кондоров не кондоров, огромных птиц, которых держала у себя Сона. Небо – просто закачаешься, но совершенно пустое. Первоначально именно небо было самым важным элементом этого сайта, фирма на него не поскупилась. Серьезное небо: глубокое и чистое, фантастического мексиканского цвета, вроде как бледная бирюза. Они приводили сюда клиентов, покупателей, демонстрировали им самолеты бизнес-класса, существовавшие еще только в чертежах. Здесь была тогда взлетно-посадочная полоса из белого бетона, но потом Сона сложила из нее каньон и разрисовала все по-своему. И весь этот местный колорит тоже был

от Соны – прогоревшие костры, и сухие бассейны, и обвалившиеся стены. Она включила сюда пейзажные файлы, а может, даже кое-что из настоящих пейзажей, знакомых ей по какому-нибудь уголку Мексики.

– Сона?

На ближнем склоне что-то загремело, словно камешки по жести.

Ерунда. Ящерица, наверное. А Соны здесь нет.

Треск, как сухой сучок сломался. Ближе.

– Не выдрючивайся. Сона!

И все же ее выход из сайта был похож на поспешное бегство.

Рыбки. Как плавали, так и плавают.

Жуть какая-то в этой Сониной стране, прямо мурашки по коже. Никаких вроде бы оснований, а все равно жуть. И даже теперь все равно жутко. Кья взглянула на дверь своей спальни и вдруг задумалась – что там, за ней? Вот если войти, что там будет? Кровать, постер «Ло Рез Скайлайн», виртуальный Ло, приветствующий ее в своей всегдашней беззаботной манере. А вдруг там что-нибудь другое? Затаилось и ждет. Вроде как там, когда со склона покатились камни. Или вот если взять и войти в еле намеченную дверь маминой спальни, что тогда? А вдруг там и вправду будет мамина спальня, только не мама будет в этой спальне, а что-то другое?

Ну да, конечно, серый волк в чепчике с оборочками. Чушь это все, и не надо нагонять на себя идиотские страхи. Кья взглянула на стопку альбомов «Ло/Рез», на литографированную жестяную коробку, на виртуальную Венецию. Пообщаться с Мьюзик-мастером? Какая ни на есть, а все же компания. Она открыла Венецию, пару секунд наблюдала, как разархивируется Пьяцца, как огромной, небывало сложной бумажной игрушкой разворачиваются и встают колонны и фасады, как повисает над ними предрассветное небо.

Отвернувшись от воды, где чернели гондолы, похожие на знаки древней, забытой и сгинувшей музыкальной нотации, Кья подняла палец и ринулась в каменный лабиринт; в голове ее крутилась неотвязная мысль, что вот же, когда-то это место было таким же чужим и непонятным, как Крепость со всеми его окнами и закоулками, а где-то в глубине сознания другая мысль, тревожная: это что же такое происходит?

И только на третьем мосту она заметила, что его, Мьюзик-мастера, почему-то нет.

– Эй!

Кья остановилась. За витринным стеклом – карнавальные маски. Старинные, настоящие. Черная кожа, пенисовидные носы,

пустые глазницы. Мутное зеркало, задрапированное вылинявшим крепом.

А может, сама же его и отключила? Проверила компьютер. Нет, не отключила.

Она закрыла глаза, досчитала до трех. Вспомнила отель «Дай», заставила себя ощутить ворсистую жесткость застланного ковром пола. Снова открыла глаза.

В конце узкой, мощенной булыжником улочки, там, где она выходила на крохотную, с фонтаном посередине площадь, маячила какая-то незнакомая фигура.

Кья сдернула очки, не позаботившись даже выключить Венецию.

Глаза Масахико прикрыты черными присосками, губы беззвучно шевелятся, пальцы в черных наперстках выводят в воздухе мелкую кружевную вязь, а за его спиной…

На лохматой розовой кровати сидела Мэриэлис. С незажженной сигаретой в губах. В ее правой руке был маленький, странноватой формы пистолет. Кья машинально отметила, как контрастируют красные, свеженаманикюренные ногти с жемчужно-серым пластиком рукоятки.

– Ну вот опять, – сказала Мэриэлис, не выпуская сигарету изо рта, и нажала курок. Из дула пистолета метнулся узкий язычок золотистого пламени. Мэриэлис прикурила, выпустила облако дыма и вздохнула.

– Токио, он и есть Токио. Здесь всегда так.

27. Настоящая жизнь

В туалете, стоя у черного резинового писсуара, Лэйни краем глаза заметил русского, который причесывался перед зеркалом.

Во всяком случае, писсуар был похож на резиновый, с такими вроде как обвислыми краями. Интересно, а вот теперь, при работающей канализации, что бы они сказали человеку, пожелавшему внести свой скромный (скромный?) вклад в «Грот»? По пути сюда он обратил внимание на бар со стойкой из подсвеченной снизу плиты какого-то прозрачного мутно-зеленого камня; оставалось только надеяться, что плиту эту выпилили где-нибудь, ну, скажем, в горах, а не здесь же рядом, на лестнице.

Ужин уже закончился, и Лэйни чувствовал, что немного перебрал по части сакэ. Весь вечер они с Арли и Ямадзаки наблюдали за встречей Реза с этой новой, исправленной и улучшенной, версией идору – той, которая представлялась Вилли Джуду большой алюминиевой флягой. А Блэкуэллу приходилось понемногу осваиваться с ситуацией; судя по всему, он и в мыслях не имел ничего подобного, пока не услышал от Реза, что вот она, здесь.

Арли разговаривала в основном с Ло, в основном о недвижимости. О всяких его владениях по всему миру. Тем временем Лэйни слушал, как Ямадзаки развивает свою мысль насчет попытать счастья с этим малолетковым фэн-клубом; может статься, в этом и вправду что-то есть, но сразу вот так не скажешь, надо попробовать. Блэкуэлл и двух слов никому не сказал, он пил не сакэ, а лагер и ел с такой истовой старательностью, словно хотел что-то такое закупорить, словно в системе охраны обнаружилась брешь, которую можно устранить, если набить в нее побольше сасими. Австралиец орудовал палочками с ловкостью циркового жонглера, он мог бы, пожалуй, засадить тебе такую палочку в глаз с расстояния в полсотни шагов. Но главным аттракционом этого цирка были Рез с идору и – в несколько меньшей степени – Куваяма, поддерживавший беседу с ними обоими. Другой японец, Одзаки, держался в стороне; надо думать, его пригласили просто на случай, если потребуется заменить в этой фляге батарейки. Вилли Джуд был весьма приветлив и общителен, только вот общался он преимущественно ни о чем.

Памятуя, что техники разносят сплетни, как мухи заразу, Лэйни пару раз попробовал закинуть удочку в этом направлении, однако поплавок даже не шелохнулся. Одзаки отвечал коротко и сугубо по существу. Поскольку Лэйни не мог смотреть на Рэи

Тоэи, не срываясь в узловое восприятие, ему пришлось ограничить намеченное на этот вечер подглядывание прочими доступными объектами, самым привлекательным из которых представлялась Арли. В очертаниях ее подбородка было нечто такое…

Лэйни застегнулся и пошел мыть руки. Раковина здесь была из того же черного дряблого материала, что и писсуар. Русский все еще причесывался. Конечно же, на этом мужике не было прямо вот так написано, что он русский, но уж больно примечательная экипировка: черные спецназовские ботинки с белой прострочкой, штаны с черными шелковыми лампасами и белый кожаный смокинг. Пусть даже и не русский, но наверняка нечто связанное с Комбинатом, этой мутантной комми-мафиозной заразой.

Русский чесал свои кудри столь самозабвенно, что поневоле приходила на ум муха, охорашивающаяся передними лапками. Мужик он был длинный и крепкий, и голова у него тоже была длинная, хотя и узкая, похожая по форме на винтовочную пулю концом вверх. Усердие русского казалось несколько избыточным, потому что причесывать ему было в общем-то нечего, особенно на острой макушке. Чего только не бывает, вяло удивился Лэйни, слыхавший от кого-то, что вся эта публика – большие энтузиасты по части имплантирования волос. Если верить Райделлу, здесь, в Токио, этих комбинатских что собак нерезаных, он видел про них документальный фильм, про то, какие они жестокие и что из-за этой их дикой, почти сюрреальной жестокости все остальные боятся с ними связываться. Потом Райделл начал рассказывать о двоих русских, сан-францисских вроде бы копах, с которыми он где-то там схлестнулся, но Лэйни нужно было на встречу с Райсом Дэниелзом и телевизионным гримером, и он так и не дослушал эту историю.

Лэйни оскалил зубы, проверяя, не застряла ли между ними какая-нибудь часть ужина.

Когда он выходил из туалета, русский все еще причесывался.

Ямадзаки стоял посреди зала, моргая и потерянно озираясь.

– Это здесь, рядом, – сказал Лэйни.

– Это?

– Сортир.

– Сортир?

– Туалет. Мужской.

– Но я ищу не туалет, а вас.

– Ну вот и нашли.

– Я обратил внимание, когда мы сидели за столом, что вы избегали смотреть на идору.

– Верно.

– Я рискнул предположить, что плотность потока информации была достаточна для перехода восприятия в узловую…

– Опять верно.

– Понятно, – кивнул Ямадзаки. – Однако с видеоклипами и даже с живым выступлением все будет иначе.

– С чего бы это? И вообще, чего нам здесь стоять? – Лэйни повернулся и пошел к столу.

– Частотная полоса. – Ямадзаки последовал за ним. – Сегодня нам продемонстрировали прототип широкополосной версии.

– А нам оплатят участие в бета-тестировании?

– Вы не могли бы, пожалуйста, описать в общих чертах свои узловые впечатления?

– Что-то вроде воспоминаний. Или отрывков из фильма. Но то, что сказал этот барабанщик, наводит на подозрение, что я попросту видел ее последний клип.

Сильный толчок в спину бросил Лэйни прямо на ближайший столик; он почувствовал, как вдребезги разлетелся под ним стакан, увидел на мгновение туго обтянутые серым колени какой-то женщины, услышал первые звуки ее нарастающего, как вой сирены, крика, а затем столик рухнул. Что-то – возможно, ее же нога – садануло его по голове.

Лэйни привстал на колени, держась за гудящую от боли голову, посмотрел по сторонам и живо вспомнил физический опыт, который делали в Гейнсвилле на уроке. Поверхностное натяжение. Припороши воду в стакане мелко размолотым перцем. Поднеси к поверхности воды кончик иголки, и перчинки мгновенно разбегутся по сторонам, словно живые и до смерти перепуганные. То же самое происходило сейчас и здесь, только в роли перчинок выступали клиенты «Западного мира», а иголка была явно нацелена на Резов столик.

Фалды белого кожаного смокинга… Но тут сорванный с места танк завертелся и двинулся в его сторону, огромный и невесомый, на плечах брызнувших врассыпную людей, а еще через мгновение свет потух.

В темноте крик толпы взмыл до такого невыносимого визга, что Лэйни заткнул уши, вернее – попытался заткнуть, потому что кто-то о него тут же споткнулся, и он упал на спину, инстинктивно сжавшись в тугой комок и прикрывая руками затылок.

– Вставай, вставай, – сказал где-то рядом Вилли Джуд. – А то по тебе ходить будут. Я тут все вижу. – Невидимая в темноте рука взяла его за запястье. – В инфракрасном.

– А в чем дело? – Лэйни позволил поднять себя на ноги. – Что тут происходит?

– Не имею ни малейшего, но надо делать ноги. Тут скоро такое начнется…

Словно в подтверждение его слов по ушам ударил чей-то дикий, болезненный вопль.

– Блэкуэлл. – Вилли схватил Лэйни за пряжку ремня и потащил за собой. – Один – ноль в его пользу.

Какое-то время Лэйни пытался ощупывать воздух, однако после того, как кто-то врезался в него, лоб в лоб, и что-то рявкнул по-японски, он прикрыл лицо согнутыми в локтях руками и покорно шел туда, куда тащил его барабанщик.

Еще несколько шагов, и крики переполошенных людей заметно стихли, стали звучать словно издалека.

– Где мы сейчас? – спросил Лэйни.

– Сюда…

Правая голень Лэйни болезненно ударилась о что-то твердое.

– Табуретка, – сказал Вилли. – Прости, пожалуйста.

Хруст стекла под ногами.

Проблеск света, тут же превратившийся в зеленую, повисшую в темноте петлю, еще несколько шагов, и Лэйни увидел «Грот». Рука Вилли Джуда отпустила его ремень.

– Здесь ты уже видишь, да? При этой биолюминесцентной хрени?

– Да, – кивнул Лэйни. – Спасибо.

– А мои очки ее не берут. Или нормальный свет, или инфракрасное от нагретых тел, а ступеньки холодные, я их не вижу. Отведи меня вниз.

Рука в руке, Лэйни и Вилли Джуд начали осторожно спускаться по лестнице. Три одетые в черное фигуры мелькнули мимо них и исчезли внизу, оставив на засаженных ступеньках черную лаковую туфельку с высоким каблуком; Лэйни отфутболил ее в пролет.

Этажом ниже, на темной лестничной площадке, их поджидала Арли с высоко занесенной бутылкой из-под шампанского. В призрачном биолюминесцентном свете помада на ее губах казалась темно-серой, а пятнышко крови в уголке рта – черным.

– Где ты был? – спросила она и медленно опустила бутылку.

– В туалете, – ухмыльнулся Лэйни.

– Ты пропустил весь спектакль.

– А что это было?

– Ну вот, пожалуйста, – сокрушенно вспомнила Арли, – я еще и плащ забыла.

– Двигайтесь, двигайтесь, – поторопил их Вилли.

Ступеньки, площадки, снова ступеньки, зеленоватые наросты постепенно исчезли, сменились гладким, безликим бетоном, а люди все сыпались и сыпались сверху, группами и поодиночке, перескакивая через две-три ступеньки. Саднящая боль в груди напоминала Лэйни о недавнем падении на столик, о громко хрустнувшем стакане. Он опасливо потрогал пострадавшее место. Да нет, вроде обошлось, ничего не разрезано.

– Комбинат, наверное, – сказала Арли. – Здоровенные мужики, кошмарно одетые, а морды, так вообще не приведи Господь. Не знаю уж, кто был им нужен, Рез или идору. Думали, наверное, что могут вот так вот заявиться туда и делать что угодно.

– А что им угодно?

– Не знаю. Но за двумя соседними столиками сидела сплошь охрана Куваямы, человек двенадцать. А Блэкуэлл, так тот, наверное, каждый день, отходя ко сну, просит Бога послать ему заварушку вроде этой. Я видела, как он сунул руку в карман, и сразу же свет потух.

– Ну да, – кивнул Вилли Джуд, – это он все выключил. Пульт какой-то дистанционный. Сам-то он видит в темноте получше, чем я с этими инфракрасными штуками. То ли глаза у него такие, то ли еще что.

– А ты-то как оттуда выбралась? – спросил Лэйни.

– Фонарик. В сумочке был.

– Лэйни-сан…

Пролетом выше Ямадзаки, левый рукав зеленого клетчатого пиджака полуоторван, в очках недостает одного стекла. Арли вынула из сумочки мобильник и негромко ругалась, пытаясь заставить его работать.

Ямадзаки догнал их на следующей площадке. Дальше они спускались все вместе, Лэйни все так же вел слепого барабанщика за руку.

Первый этаж. Входная дверь широко распахнута, все мрачные стражи «Западного мира» куда-то запропастились. Сиротливый полицейский в пластиковой накидке поверх плаща истерически бормочет в пристегнутый к лацкану микрофон. В процессе истерического бормотания он ходит тесными кругами, драматически жестикулируя белой дубинкой. Разноголосое улюлюканье нескольких сирен, мчащихся к «Западному миру» со всех четырех сторон света, сверху – рокот заходящего на посадку вертолета. Снизу вроде бы тихо.

Вилли Джуд отпустил руку Лэйни и отрегулировал свои очки на уровень уличного освещения.

– Где моя машина?

Арли опустила руку с заработавшим вроде бы телефоном.

– Слушай, Вилли, иди-ка ты лучше с нами. Сейчас здесь будет целая армия…

– Бесподобно, – сказал Рез; он вышел из «Западного мира», отряхивая темный пиджак от чего-то белого. – Настоящая, телесная жизнь. Мы столько сидим в виртуале, что начинаем ее потихоньку забывать. Вас ведь звать Лейнер?

Протянутая для пожатия рука.

– Лэйни, – поправил Лэйни, и тут же рядом с ними притормозил темно-зеленый мини-вэн.

28. Проблема доверия

Мэриэлис открыла изогнутый ящичек, вделанный в изголовье розовой кровати, и достала оттуда синее стеклянное блюдечко. На ней был черный костюм с большими, в стиле Ашли Модин Картер, золотыми розами на лацканах.

– Терпеть не могу эти забегаловки, – сказала она, пристраивая блюдечко на колене. – Есть уйма способов сделать секс безобразным, но тут и того хуже, просто смех и убожество. – Кроваво-красный ноготь скинул на блюдечко серый столбик сигаретного пепла. – Да и вообще, сколько тебе лет?

– Четырнадцать, – сказала Кья.

– Вот так я им и говорила. Четырнадцать, ну, может, пятнадцать, и думать нельзя, что такая малолетка меня окрутила. Это ж я окрутила тебя, верно? Все делалось по моей инициативе. Я сама придумала зарядить тебя. А они все равно не верят. Говорят, что ты вроде как агент, а я – дура набитая, что Рез нарочно подослал тебя в Си-Так, чтобы перехватить эту хрень. Говорят, что ты подстава, и только такая, как я, дура может думать, что ребенок на такое не способен. – Мэриэлис выпустила круглое облачко дыма и прищурилась. – А где она сейчас? – Взгляд вниз, на расстегнутую сумку, стоящую рядом с кроватью. – Здесь?

– Я совсем не хотела ее брать. Я и не знала, что она там.

– Да понимаю я, все понимаю, – вздохнула Мэриэлис. – Я так им сразу и сказала. Я не спешила снять ее с тебя, думала, в клубе будет удобнее.

– Я ничего в этом не понимаю, – сказала Кья. – И мне страшно.

– Иногда я провожу для Эдди всякую хрень. Мелкие услуги кому-то там еще, кто устроил ему клуб. Это незаконно, но, как бы это тебе сказать, не очень незаконно. Ничего жесткого. А на этот раз он решил приработать на стороне, связался с русскими, и мне это сразу не понравилось. Эта хрень меня попросту пугает. Она словно живая.

– Какая хрень?

– Эта. Ассемблеры, так их называют. Кья взглянула на свою сумку.

– Так эта штука в моей сумке – это нанотеховый ассемблер?

– Скорее это затравка, для начала. Нечто вроде яйца или маленького заводика. Включаешь ее в другую машину, которая их программирует, и они начинают мастерить себя из всего, что есть под рукой, а когда их наберется достаточно, они начинают

мастерить то, что уж там ты от них хотел. Есть какой-то вроде как закон, запрещающий продажу этих штук Комбинату, поэтому они готовы на все, лишь бы их достать. А Эдди, он придумал, как это сделать. Я встретила двух этих жутких немцев в си-таковском «Хайате». Они прилетели туда откуда-то, я так думаю, из Африки. – Мэриэлис раздавила окурок о голубое блюдце, отчего табачная вонь стала еще хуже. – Они не хотели давать мне эту штуку, говорили, что ожидали увидеть самого Эдди. Начались звонки туда-сюда. В конце концов их уломали. Мне полагалось закинуть ее в чемодан вместе с обычными шмотками, но я замандражировала. Начала налегать на лекарство от мандража.

Она бегло осмотрелась по сторонам, поставила блюдце с раздавленным окурком на прикроватную тумбочку и сделала что-то такое, отчего передняя стенка тумбочки откинулась. Это был холодильник, заставленный маленькими бутылочками. Мэриэлис наклонилась и начала изучать ассортимент, хитрая зажигалка соскользнула с кровати на белый ковер.

– А текилы нету, – пожаловалась Мэриэлис, доставая из холодильника квадратную бутылочку с рыбой на этикетке. – Ну вот кто бы, спрашивается, мог назвать водку «Возвращение лосося»? Только японцы, это для них нормальный ход. А сделать зажигалку в виде пистолета, – она скользнула глазами по упавшей зажигалке, – это уж точно только русские могут, это для них нормальный ход.

Кья заметила, что волосы Мэриэлис стали раза в два короче, лишились тех удлинений.

– В «Си-Таке», – сказала она, – когда брали пробы на ДНК, вы подсунули им удлинения…

Мэриэлис вскрыла бутылочку, залпом ее осушила и удовлетворенно передернулась. И только потом ответила.

– Все эти удлинения, – сказала она, – из моих родных волос. Отрастила их на стороне, пока сидела на ну вроде как диете, ты меня понимаешь? Эти, в аэропорту, они со своими анализами заодно секут людей, любящих поразвлечься. Некоторые развлекалки остаются в волосах на не знаю сколько времени. – Пустая бутылочка встала рядом с блюдцем-пепельницей. – А этот, – Красный ноготь ткнул в сторону Масахико, – он что сейчас делает?

– В сети работает, – сказала Кья; объяснять про Крепость было бы слишком долго, да и вообще ни к чему.

– Уж это-то я и сама вижу. Вы пришли сюда из-за того, что эти забегаловки переадресовывают, верно?

– Но ты меня все равно нашла.

– Хорошие связи в таксомоторной компании. Я решила, что

стоит попробовать. Но русские, они ведь тоже об этом подумают. Или уже подумали.

– Но как ты вошла? Тут же все заперто.

– Я, милочка, знаю в таких местах все ходы и выходы. Я вообще знаю больше, чем следовало бы.

Масахико снял с глаз черные чашечки, увидел Мэриэлис, взглянул на чашечки, а затем – на Кья.

– Это Мэриэлис, – сказала Кья.

Гоми-бой был аниме-шаржем на самого себя: огромные глаза, а прическа даже выше и загогулистее, чем в натуре.

– Кто пил водку? – вопросил он.

– Мэриэлис, – сказала Кья.

– Какая еще Мэриэлис?

– Она сейчас там, в этом номере.

– Это эквивалентно двадцати минутам в сети, – сказал Гоми-бой. – А как она попала в ваш номер? В отеле «Дай» такого не бывает.

– Долго объяснять, – ответила Кья.

Они снова были в комнате Масахико. Возвращение в Крепость прошло легко и быстро, без всякой беготни по лабиринтам, просто кликнули «возврат» и в секунду добрались. Мимо иконки, напоминавшей ей про незакрытую Венецию, но иконка мелькнула и сразу исчезла, так что не было времени среагировать. Возможно, там так устроено, что, если раз зашел, вернуться можно по-быстрому. Масахико сказал, что им нужно туда, и поскорее, потому что какие-то неприятности, а Мэриэлис сказала, что пожалуйста, она не возражает, и они ушли в сеть, хотя Кья была совсем не в восторге, что Мэриэлис остается в номере считай что одна.

– Этой карточки хватит еще на двадцать шесть минут в номере, – сказал Гоми-бой. – Если только твоя подружка не вдарит еще раз по водке. У тебя есть счет в Сиэтле?

– Нет, – мотнула головой Кья, – только у мамы…

– Туда мы уже заглянули, – сказал Масахико. – На съем этого номера плюс выходы в сеть кредита твоей матери никак не хватит. У твоего отца…

– Отца?

– …есть подотчетный счет в сингапурском коммерческом банке, где он работает…

– Откуда вы это знаете?

– Откуда? – Гоми-бой пожал плечами. – Крепость. Мы умеем узнавать. Наши люди много знают.

– Я не хочу, чтобы вы залезали в папин счет, – твердо сказала

Кья. – Это у него для работы.

– Осталось двадцать пять минут, – напомнил Масахико.

Кья сняла очки. Все вроде в порядке. Кроме одного. Мэриэлис вытаскивает из мини-холодильника очередной пластиковый пузырек.

– Не трогай!

Мэриэлис виновато взвизгнула и уронила бутылочку.

– Тогда, может, немножко рисовых крекеров?

– Ничего, – отрезала Кья. – Здесь все очень дорого. У нас кончаются деньги.

– О! – Мэриэлис вскинула глаза и несколько раз сморгнула. – Ведь и правда. А у меня так и вообще ничего нет. Эдди наверняка аннулировал мои карточки, а к тому же, попробуй я ими за что-нибудь заплатить, он тут же узнает, где мы.

– Мы вышли на подотчетный счет твоего отца, – сказал Масахико, не поворачиваясь и не снимая наглазников.

– Вот и чудненько, – разулыбалась Мэриэлис.

– Пусть они ее забирают, эту свою нанофиговину, – сказала Кья, торопливо сдергивая наперстки. – Я ее тебе верну, прямо сейчас, а ты отнесешь ее им, отдашь и скажешь, что это была просто ошибка.

Не вставая с пола, на четвереньках, она подобралась к расстегнутой сумке, покопалась в ней и протянула Мэриэлис растерзанный сверток. Между лохмотьями скотча и сине-желтого си-таковского дьюти-фри мешка проглядывали темно-серый пластик и ряды маленьких, аккуратных дырочек; наноассемблер (если это действительно наноассемблер) выглядел странновато, но вполне невинно, нечто вроде перцемолки работы какого-то шизанутого дизайнера.

– Вот, бери. Объясни им, что все в порядке. Что это просто недоразумение.

– Не надо, – отшатнулась Мэриэлис, – положи ее на место. Видишь ли, – она судорожно сглотнула, – проблема совсем не в том, недоразумение это или не недоразумение. Проблема в том, что и так и так они нас убьют, потому что мы знаем об этой штуке. А Эдди, он и слова им против не скажет. Потому что не может. А еще потому, что он вроде как сыт мной по горло, этот мелкий, неблагодарный, вонючий говнюк… – В ее голосе не было злобы, только тоска и усталость. – Так что на него рассчитывать не приходится.

– Счет вскрыт, – сказал Масахико. – Вернись к нам, пожалуйста. Тут у тебя гость.

29. Ее плохая сторона

В фургончике пахло резиной и разогретой электроникой. На месте снятых задних сидений чернели аппаратурные блоки, опутанные проводами и проложенные комками пузырьковой упаковки.

Рез сидел впереди, рядом с водителем, тем самым калифорнийским самураем из Акихабары. Лэйни пристроился на одном из блоков, между Арли и Ямадзаки; за их спинами с такими же примерно удобствами разместились Вилли Джуд и третий техник, рыжий. При каждом толчке Лэйни страдальчески морщился; боль в ушибленном о столик боку не только не утихала, но и становилась все сильнее. Уже здесь, в машине, он обнаружил на своем левом носке кровь, но так и не сумел разобраться, из какого она места, да и вообще – своя или чья-нибудь.

Арли прижимала к уху мобильник.

– Восьмой вариант, – сказала она, обращаясь, как видно, к водителю. Тот тронул клавишу дорожной карты, по экрану побежали кварталы Токио, нарезанные Координатными линиями на ровные квадратики. – Мы берем Реза с собой.

– Отвезите меня в «Империал», – сказал Рез.

– Приказ Блэкуэлла.

– Дай-ка я сам с ним поговорю. – Рез повернулся и взял у нее трубку.

При повороте налево, с узкой улочки на широкую, свет фар на мгновение выхватил людей, вразброд спешивших оказаться как можно дальше от «Западного мира»; никто из них не переходил на бег, все изображали из себя случайных прохожих, таких себе любителей поразмять ноги перед сном. Обе улицы были довольно невзрачными, плотно застроенными и – если не считать прикидывающихся ветошью пешеходов – совершенно пустынными.

– Кити, – сказал Рез, – я хочу вернуться в свой отель.

Справа и чуть впереди из-за домов вынырнула жестокая, ослепительная звезда полицейского вертолета, по белому бетону побежали угольно-черные тени. Рез слушал трубку. Мелькнула и исчезла позади всенощная лапшовая обжираловка, тусклая желтизна пластиковых полупрозрачных занавесок, суматошливое мелькание на экранчике маленького телевизора. Арли схватила Лэйни за колено и ткнула пальцем вперед, через плечо Реза. Справа на перекресток вылетели три белых броневика с пронзительно-голубыми мигалками на кургузых, угловатых

башнях; они пересекали улицу чуть не под самым носом минивэна и пропали из вида, беззвучные, как тени.

Рез снова повернулся и протянул Арли ее мобильник.

– Кити малость не в себе. Хочет, чтобы я пошел с вами и ждал его там.

– А он уже знает, что это такое было? – поинтересовалась Арли, забирая трубку.

– Любители автографов, – ухмыльнулся Рез и начал поворачиваться.

– А что случилось с идору? – спросил Лэйни.

– С идору? – уставился на него Рез. – А вот если бы вы умыкнули эту новую платформу – прекрасная, кстати, работа, – что бы это вам дало?

– Не знаю.

– Единственная реальность Рэи находится в плоскости непрерывного творчества, порождения. Не состояние, а процесс, бесконечно больший суммы всех ее «я», прошлых и будущих. Платформы тонут под ней, одна за другой, а она становится все сложнее, все осязаемее… – Зеленые миндалевидные глаза мечтательно затуманились.

Рез отвернулся. Арли осторожно прикладывала к рассеченному углу рта бумажный носовой платок.

– Лэйни-сан… – Ямадзаки, шепотом. Сует что-то в руку. Наглазники с проводом. – У нас тут база данных по глобальной активности фэнов…

Ребра ноют со страшной силой. Может, трещина? А кровь, это из ноги?

– Чуть попозже, ладно?

Номер Арли был вдвое больше номера Лэйни. В нем имелась даже миниатюрная гостиная, отделенная от спальни и ванной золочеными створчатыми дверьми. У четырех стульев, стоявших в гостиной, были очень высокие, очень узкие спинки с навершиями из матированной нержавейки в форме неизбежных эльфийских колпаков. На одном из этих поразительно неудобных стульев и сидел сейчас Лэйни, сидел, скрючившись от боли и нянькая пострадавший бок. Кровь оказалась все-таки его собственной, с ободранной лодыжки. У Арли в ванной нашлась вполне профессиональная аптечка скорой помощи, и он залепил ссадину микропоровым пластырем. С ребрами было сложнее; здесь, пожалуй, могло бы помочь что-нибудь вроде эластичной повязки, но в аптечке ничего на этот счет не нашлось.

Справа, на соседнем стуле, Ямадзаки воссоединял пиджак с рукавом при посредстве анодированных под золото булавок из

эльфийско-колпачного швейного набора. Такие наборы имелись в каждом номере каждой, наверное, гостиницы, но Лэйни никогда еще не видел, чтобы ими пользовались. Ямадзаки снял поврежденные очки и работал, чуть не прижимая пиджак к носу; в его фигуре было что-то мирное, почти старушечье. Еще правее сидел, молодецки распрямившись, огненновласый техник с весьма для такой масти уместной фамилией Шаннон; он читал глянцевый журнальчик, явно прихваченный из какой-то халявной раскладки.

Рез лежал на кровати, подоткнув под плечи все наличествующие подушки, а Вилли Джуд сидел у него в ногах, прочесывая с помощью своих гляделок телевизионный эфир. Судя по всему, разгром «Западного мира» не попал еще в выпуски новостей, хотя на одном из клубно-развлекательных каналов и проскользнуло нечто вроде намека.

Арли стояла у окна, прижимая к распухшей губе кубик льда, завернутый в белую тряпочку.

– А когда его ждать, хотя бы примерно? – спросил Рез.

– Понятия не имею, – сказала Арли. – Но Блэкуэлл весьма настойчиво просил, чтобы ты его дождался.

Рез обреченно вздохнул.

– Слушай, Рез, – сказал барабанщик, – ты бы не мешал людям о тебе заботиться. Это их работа.

Блэкуэлл велел Резу ждать его, неявно подразумевая, что ждать будут и все остальные. Лэйни ничуть в этом не сомневался, но все равно решил улизнуть в свой номер. Ничего они ему не сделают, в крайнем случае не выпустят. Оставалось только выбрать подходящий момент.

Долгожданный австралиец вошел в гостиную без стука, на ходу засовывая в карман нечто черное, и близко не похожее на стандартный гостиничный ключ. На его правой щеке нежно розовел косой крест из пластыря; та полоска, что подлиннее, начиналась у подбородка и почти достигала единственного уха.

– Привет, Кити, – ухмыльнулся Рез.

– Вот ты слинял без сопровождения, – сказал Блэкуэлл, – а совершенно зря. Эти русские, они ребята серьезные. И грубые. Было бы очень некстати, если бы они тебя повинтили. Совсем некстати. Тебе бы это не понравилось.

– А как там Куваяма и платформа?

– Платформа, говоришь? – Блэкуэлл подошел к кровати и почти навис над певцом. – Знаешь что, Рез, я видел тебя в обществе таких баб, что я бы с ними срать в одном поле не стал, ни самой темной ночью. Но так это были, по крайней мере, бабы. Люди. Ты слышишь, что я говорю?

– Слышу, Кити, прекрасно слышу. Я знаю, как ты к этому относишься. Но ты еще изменишь свою точку зрения. Такие уж, Кити, наступают времена. Новые времена. Новый мир.

– Я ничего такого не знаю. Мой папаша состоял в профсоюзе маляров и докеров, секция докеров. Когда я пошел по кривой дорожке, стал преступником, это разбило его сердце. Он умер как раз перед тем, как ты вытащил меня из секции «Б». Он бы очень порадовался, что я принял на себя ответственность. За тебя, Рез. За твою безопасность. А вот теперь я уже и не знаю. Может, он и не стал бы особо радоваться. Может, он сказал бы, что я подтираю сопли придурку с чрезмерно раздутым самомнением.

Рез спрыгнул на пол одним длинным, кошачьим движением и встал перед Блэкуэллом, положив руки на его огромные плечи.

– Но ведь ты только так говоришь, Кити, ты так не думаешь, верно? В Пентри же ты так не думал. Когда ты пришел за мной. И когда я вернулся за тобой – тоже не думал.

Блэкуэлл открыл было рот для ответа, но в этот самый момент встал Ямадзаки, чтобы надеть аварийно отремонтированный пиджак. До предела вывернув шею, японец близоруко прищурился на сверкающие золотом булавки – и вдруг почувствовал, что все на него смотрят. Он смущенно прокашлялся, несколько раз моргнул и сел.

В комнате повисла тишина.

– Не по делу, Роззер, – сказал наконец Блэкуэлл.

– Ну ладно. Перегнул я немного. Понимаю. – Рез улыбнулся и хлопнул охранника по плечу. – Так что все-таки с Куваямой? С платформой?

– У него была там своя бригада.

– А что наши веселые гости?

– Вот тут малость странно, – нахмурился Блэкуэлл. – Комбинатские, Рез. Говорят, что мы что-то там у них украли. Во всяком случае, тот, с кем я успел побеседовать, ничего больше не знал.

По лицу Реза скользнуло удивление, тут же, правда, исчезнувшее.

– Отвези меня в отель, – сказал он.

– Мы еще там прочесываем. Я свяжусь с ребятами… – Взгляд на огромные стальные часы. – Минут через двадцать.

Момент казался вполне подходящим.

– Я пойду приму горячий душ, – сказал Лэйни, направляясь мимо Блэкуэлла к двери. – В ребрах, похоже, трещина. – Будто не слышат. – Буду нужен, так свистните.

Он открыл дверь, вышел в коридор, закрыл ее за собой и поковылял в сторону (вроде бы) лифта.

Не вроде бы, а точно. Войдя в лифт, он привалился спиной к зеркальной стенке и тронул кнопку своего этажа.

Лифт сказал что-то ласковое и утешительное. По-японски.

Дверь закрылась. Лэйни закрыл глаза.

Мягкий толчок остановки, дверь открылась. Лэйни открыл глаза. Вышел, повернул не туда, куда надо, затем – туда, куда надо. Нащупывая в кармане бумажник, где лежит ключ. Вот, все на месте. Ванна, горячий душ, по мере приближения к номеру эти понятия становились все более абстрактными. Спать. Вот именно. Раздеться, лечь и вырубиться.

Он затолкнул ключ в паз. По нулям. Еще раз. Щелк.

Кэти Торранс сидит на его кровати. Улыбнулась. Указала на экран, на фигуры на нем. Одна из фигур – он сам, голый. С эрекцией, превосходящей все разумные пределы. Лицо девушки смутно знакомо, но никак не вспомнить. А уж такого, что на экране, он точно никогда и ни с кем не выделывал.

– Заходи, – сказала Кэти, – чувствуй себя как дома. На это стоит посмотреть.

– Это не я, – сказал Лэйни.

– Знаю. – Кэти явно наслаждалась ситуацией. – У него гораздо больше. Я прямо мечтаю посмотреть, как ты это будешь доказывать.

30. Этруск

Кья торопливо надела наперстки, гляделки, кивнула Масахико, и он вернул ее в свою комнату. Тот же самый мгновенный переход, мигающая иконка Венеции… Кроме Гоми-боя, там был еще кто-то, хотя сперва она его не увидела. Только этот стакан на столе, где его раньше не было, проработанный с куда большим разрешением, чем все остальное в комнате: грязный, захватанный жирными пальцами, со сколом у края, ко дну что-то присохло.

– Эта женщина… – начал Гоми-бой, но тут кто-то откашлялся. Странное, сухое дребезжание.

– Вы интересная юная особа, – сказал голос, не похожий ни на что, что Кья когда-либо слышала, потусторонний, приглушенный скрежет, который, пожалуй, можно было бы скомпилировать из библиотеки сухих, еле слышных, случайных звуков. Чтобы долгие гласные – из пения проводов на ветру, а согласные – из стука сухих листьев об оконное стекло. – Юная особа, – повторил голос, за чем последовало нечто совсем уж неописуемое, наверное – смех.

– Это Этруск, – сказал Масахико. – Этруск вскрыл для нас подотчетный счет твоего отца. Он весьма искусен.

Что-то там, на секунду. Вроде черепа. Над грязным стаканом. Кривая пренебрежительная улыбка.

– Пустое…

Презентация, вот и все. Вроде как Сона – на ней, как она себя рисует, никогда не сфокусируешься. В этом роде, но доведено до крайности. Уйма работы по звукам. И все равно, сказала себе Кья, мне это не нравится.

И повернулась к Масахико:

– Ты привел меня сюда, чтобы познакомить с ним?

– О, нет, – сказал этруск, о – многоголосый хорал. – Я просто хотел на вас взглянуть. – И та, вроде смеха, штука.

– Эта женщина, – повторил Гоми-бой. – Ты сама организовала встречу с ней? В отеле «Дай»?

– Нет, – качнула головой Кья. – Она проверила такси, так что ты совсем не такой хитрый, как хотел бы думать.

– Вот-вот. – Как два камешка, брошенные в мраморную чашу пересохшего фонтана. Кья всмотрелась в стакан. На его дне свернулась сороконожка, огромная, тошнотворно-бледная тварь. С крошечными, нежно-розовыми руками…

Стакан исчез.

– Прости, – сказал Масахико. – Он хотел на тебя посмотреть.

– Кто эта женщина в отеле «Дай»? – Мультяшковые глаза Гоми-боя светятся пониманием, но тон довольно жесткий.

– Мэриэлис, – ответила Кья. – Ее бойфренд стакнулся с этими русскими. Штука, за которой они охотятся, лежит там, в моей комнате.

– Какая штука?

– Мэриэлис говорит, это наноассемблер.

– Сомнительно, – поморщился Гоми-бой.

– Поди скажи это русским.

– Как бы там ни было, у тебя есть контрабанда, да? В том номере?

– У меня есть нечто, им нужное.

Гоми-бой страдальчески скривился и исчез.

– Куда он вдруг?

– Это меняет всю ситуацию, – сказал Масахико. – Ты не говорила, что таскаешь при себе контрабанду.

– Но вы же не спрашивали! Вы ни разу не спросили, почему они за мной гоняются!

– А с чего бы нам спрашивать? – пожал плечами Масахико. – Мы никак не думали, что им нужна именно ты. Другое дело – кто-нибудь вроде Этруска, его таланты могли бы вызвать у Комбината самый живой интерес. Многие люди слышали про Хак-Нам, но мало кто умеет туда войти. Мы действовали, чтобы защитить целостность города.

– Но ведь твой компьютер стоит сейчас в этом номере. Кто угодно может войти и взять его.

– Ничего страшного, – отмахнулся Масахико, – я уже не задействован в обработке материала. Мои обязанности перешли к кому-то другому. А Гоми-бой опасается возможных неприятностей. Владение контрабандой карается очень жестоко, а он к тому же торгует подержанным оборудованием, что делает его особо подозрительным – и уязвимым.

– Да что ты все о полиции, разве в ней сейчас дело! Я-то вообще считаю, что нам бы следовало вызвать полицию. Мэриэлис говорит, что эти русские, как только нас найдут, сразу убьют.

– Мы не можем вызвать полицию. Этруск взломал сингапурский счет твоего отца, это уголовное преступление.

– Знаешь, если выбирать между тем, чтобы меня убили или арестовали, я предпочту арест.

Масахико задумался.

– Пошли, – сказал он наконец. – Там тебя ждут.

– Сороконожка? – брезгливо поморщилась Кья. – Нет уж, увольте.

– Да не Этруск это, не Этруск. Пошли.

Из комнаты – в недра Хак-Нама, в бешеное мелькание странного, тесного мира, в головокружительное хитросплетение перекрученных лестниц и узких проходов…

– Так что же это все-таки такое? Общественный сайт? А чего тогда столько мельтешения? Зачем все эти секреты?

– Крепость в сети, но ей не принадлежит. Здесь нет никаких законов, только договоренности.

– И в сети, и не в сети? – переспросила Кья, взлетая по очередной (последней, как оказалось) лестнице. – Так не бывает.

– Распределенная обработка, – сказал Масахико.

– Сона!

Там, за хаотичным нагромождением крыш, поросших диким и странным…

– Ничего не трогай. Среди этих штук есть ловушки. Я сама к тебе приду.

Сона, в обычном своем виде, вся сплошь из набросков и обрывков, двинулась вперед.

Справа – вроде как старинный автомобиль, стоит, накренившись, в беспорядочном наносе случайных текстур; сквозь целехонькое, без единой трещины, лобовое стекло проросла рождественская елка, а дальше…

Судя по всему, обитатели Крепости использовали свои крыши в качестве свалки ненужного хлама, но это был хлам особого рода, словно увиденный во сне. Цифровые фантазии, отвергнутые их создателями, головокружительная мешанина форм и текстур. Некоторые из них шевелились.

А затем – какое-то движение в бензиновой луже неба. Те, что были у Соны, птицы?

– Я зашла на твой сайт, – сказала Кья. – Тебя там не было, а что-то…

– Знаю. А ты рассмотрела, что это такое?

Сона обогнула машину с елкой. На елочных игрушках прорезались черные глазницы, дружно следившие за каждым ее движением.

– Нет. Там ничего не было видно, только слышно.

– Я не знаю, что это такое. – Сегодня презентация Соны была даже более дерганой, чем обычно. – Я пришла сюда посоветоваться. Они сказали, что ты здесь и что ты навещала мой сайт.

– Так ты знала это место?

– Кто-то из них помогал мне в организации моего сайта. Сюда нельзя заявиться без разрешения. Мое имя внесено в список, но я все равно не могу пройти вниз, в город, сама, только с кем-нибудь

из них.

– Сона! Я тут влипла со страшной силой. Мы прячемся в каком-то кошмарном отеле, а теперь к нам прибилась и Мэриэлис…

– Это та сучка, которая окрутила тебя в ишаки, да? Где она сейчас?

– Да здесь, в нашем номере. Она говорит, что порвала со своим бойфрендом и что это его, эта самая нанохрень…

– Что-что?

– Она говорит, это что-то вроде наноассемблера. Дерганое изображение на мгновение сфокусировалось, густые брови Соны взметнулись вверх.

– Нанотехнология?

– Эта штука в твоей сумке? – вмешался Масахико.

– Да, и завернута в полиэтиленовый пакет.

– Секундочку. – Он испарился.

– Кто это? – спросила Сона.

– Масахико, брат Мицуко, у которой я остановилась. Он здесь живет.

– А куда он сейчас дернул?

– Вернулся в отель, из которого мы работаем.

– Это говно, в которое ты вляпалась, это вообще бред какой-то.

– Помоги мне, Сона, ну пожалуйста! Я уже не надеюсь вернуться домой!

– Я просканировал этот прибор. – В правой руке вновь возникшего Масахико тускло поблескивала серая коробочка. – Предположительная идентификация – первичный биомолекулярный программирующий модуль С-дробь-семь-А производства Родель ван Эрп. Это лабораторный прототип. Мы затрудняемся с точным определением его легального статуса, однако серийная модель, С-дробь-девять-Е, относится к нанотехнологии первого класса, запрещенной международным законом. Согласно японскому законодательству, незаконное владение любым устройством первого класса автоматически карается пожизненным заключением.

– Пожизненным? – тупо переспросила Кья.

– Так их же уравняли с ядерным, химическим и биологическим оружием. – Масахико словно извинялся за столь неприятную новость.

– Fuck your mother, – сказала Сона, вглядевшись в невзрачную коробочку; в ее голосе звучало глубочайшее уважение.

31. Как оно в жизни бывает

– Видишь, Лэйни, как оно в жизни бывает? Сколько веревочке ни виться, а конец найдется. От беды бежал, да в беду попал. Ты слыхал такие пословицы? Старые, избитые, но не кажется ли тебе, Лэйни, что это как раз и свидетельствует об их истинности? Поговори со мной, Лэйни.

Лэйни опустился в одно из миниатюрных кресел и вцепился обеими руками в пронзительно ноющий бок.

– Хреновенько ты выглядишь, Лэйни. Где ты был?

– В «Западном мире».

Он не хотел смотреть на то, что происходило на экране, и все равно не мог отвести глаз. Он знал, что этот, там, это не он. Они пририсовали его лицо кому-то другому. И лицо было точно его. Он вспомнил чье-то там древнее высказывание насчет зеркал, что они вроде как противоестественны и даже опасны.

– А теперь, значит, ты решил попытать счастья на востоке?

Она не поняла, подумал он, то есть она не знает, где он был сегодня вечером. Значит, там они за ним не следили.

– Это тот парень, – сказал он. – Хиллман этот. На котором ты меня проверяла при приеме на работу. Он снимался в порнофильмах.

– Тебе не кажется, что он с ней как-то слишком уж грубо обходится?

– Кто она, Кэти?

– А ты покопайся в памяти. Если ты сумел вспомнить Хиллмана…

Лэйни покачал головой.

– Думай, Лэйни, думай. Думай о том актере. Думай об Элис Ширз…

– Его дочь, – сказал Лэйни. Не спросил, а сказал.

– Нет, мне точно кажется, что все это слишком грубо, даже жестоко. На грани изнасилования, и даже за гранью. Думаю, нам хватит этого материала, чтобы возбудить дело об изнасиловании.

– Но она-то почему согласилась? Как вы ее заставили? А может, – он отвернулся от экрана и взглянул на Кэти, – это и вправду изнасилование?

– А ты, Лэйни, включи звук и послушай. Послушай, что ты там говоришь. Это прольет свет на побудительные мотивы…

– Нет, – почти испугался Лэйни. – Я не хочу это слушать.

– Ты, Лэйни, всю дорогу говоришь о ее отце. Бывает, конечно, всякая зацикленность, но чтобы вот так, безостановочно бормотать о нем в процессе жесткого, напряженного пропихона в

Роттердаме…

Вскакивая на ноги, Лэйни зацепился за кресло и чуть не упал. Где же тут это проклятое ручное управление? Ладно, хрен с ним, можно выдрать провода сзади. Один, другой… На третьем проводе экран погас.

– Поставил, значит, на «Ло/Рез», Лэйни? Рок-н-роллу захотелось? Вот уж никак не ожидала.

– Ты бы сказала, Кэти, прямо, что тебе от меня нужно?

Ослепительная улыбка. Точно такая же, как тогда, при приеме на работу.

– Можно, я буду называть вас Колин?

– Иди ты на хрен, Кэти.

Сухой, короткий смех.

– Похоже, Лэйни, что мы прошли полный круг.

– Это в каком же смысле?

– Можешь считать, что я интервьюирую тебя на предмет приема на работу.

– У меня есть работа.

– А мы, Лэйни, предлагаем тебе еще одну. Ну можешь же ты подхалтурить на стороне?

Лэйни вернулся к своему креслу. Сел, со всей возможной осторожностью. И задохнулся от боли.

– Что это тебя так корежит?

– Ребра. Больно. – Он кое-как нащупал более-менее приемлемую позу.

– Ты подрался? Это что там, кровь?

– Я поужинал в клубе.

– Это Токио, Лэйни. Здесь не дерутся в клубах.

– Так это действительно она, его дочка?

– Без всяких сомнений. И она с радостью расскажет в слитскановской программе всю правду. Как некий тип, по пятам преследовавший ее великого, любящего папочку, вовлек ее самое в мерзкие садистические игры. К слову, об этом самом папочке. Он с того времени сильно переменился. Теперь он наш.

– Но почему? Почему она это делает? Он ей, что ли, приказал?

– Почему? – Кэти смотрела на Лэйни почти с состраданием, словно опасаясь, не повредился ли он заодно и в уме. – А потому, что она тоже актриса. Молодая, ищущая известности. Шанс. Ты понимаешь, что это такое – шанс? – В ее взгляде вспыхнула надежда, что заторможенный мозг Лэйни хоть со скрипом, но сдвинется с места.

– Так что, это самое и будет ее шансом.

– Шанс, – поучительно сказала Кэти Торранс, – это шанс, это

шанс. И ты знаешь одну вещь? Я ведь стараюсь. Я очень стараюсь дать шанс не ей, а тебе. Вот сейчас, здесь я пытаюсь дать тебе шанс. И даже не первый, правда?

Пиликанье телефона.

– Поговори, а то ведь всполошатся, – сказала Кэти, подавая ему белую кедровую плашку.

– Да?

– База данных о деятельности фэн-клубов. – Ямадзаки. И чего ему не спится? – Вам нужно войти в нее прямо сейчас.

– Где вы находитесь?

– В гостиничном гараже. И машина наша здесь.

– Послушайте, я тут сильно не в форме. Нельзя это малость отложить?

– Отложить? – ужаснулся Ямадзаки.

Лэйни повернулся к Кэти Торранс. На ней было что-то черное и достаточно длинное, чтобы скрыть татуировку. А волосы вроде покороче.

– Я немного соберусь с духом, а потом сразу к вам. Не закрывайте, я быстро. – Он положил трубку, не дожидаясь ответа.

– О чем это вы?

– Сиацу.

– Врешь.

– Зачем ты пришла, Кэти? Что тебе нужно?

– Он. Мне нужен он. Я хочу получить внутреннюю информацию. Я хочу знать, что он делает. Я хочу знать, о чем он думает. Пытаясь взять кусок этого японского софта.

– Жениться.

– Не надо. – Она уже не улыбалась. – Не надо поправлять меня, Лэйни.

– Ты хочешь, чтобы я за ним шпионил.

– Проводил исследование.

– Не сри мне на мозги.

– Это же твоя профессия.

– Я узнаю что-нибудь для вас полезное, и вы тут же захотите, чтобы я его подставил.

Улыбка. Лэйни на мгновение показалось, что Кэти хочет ему подмигнуть.

– Ну, не будем забегать так далеко вперед.

– А что я получу?

– Жизнь. Жизнь без позорного клейма. Жизнь, в которой никто не будет считать тебя маньяком, зверски терзавшим смазливую дочурку объекта своей мании. Жизнь, в которой почти никто не будет знать об этом фармацевтическом кошмаре, дико и бесповоротно сдвинувшем твою психику. Неужели мало?

– А как же она? Дочка? Получится, что она делала все это с этим вашим Хиллманом за так, для чистого удовольствия?

– Тебе выбирать, Лэйни. Поработай на нас, добудь, что мне нужно, и мы скажем ей: извини, такая уж тебе непруха.

– Так просто? И она будет молчать? После того, что вы с ней сделали?

– Если она хочет сохранить хоть малейшую надежду на продолжение своей карьеры, – да.

В комнате повисло молчание.

– Это не я, – сказал Лэйни, морщась от нового всплеска боли. – Это морф. Если я докажу, что это морф, я смогу подать на вас в суд.

– Да неужто? И ты это осилишь? Суд ведь затянется на много лет. И совсем еще не факт, что ты его выиграешь. У нас, Лэйни, есть и деньги, и прекрасные юристы, и опыт обращения с такими проблемами. В дверь позвонили.

– Сиди, – сказала Кэти, – это ко мне.

Она встала, тронула кнопку охранного экрана, и Лэйни увидел через обтянутое черным плечо кусок какого-то мужского лица. Дверь открылась. В комнату вошел Райс Дэниелз, без, почему-то, своих вечных темных очков.

– Вот, Лэйни, – сказала Кэти, – Райс теперь тоже с нами. Если бы не его помощь, нам пришлось бы еще долго разбираться с твоей биографией.

– Так что там, Дэниелз? – спросил Лэйни. – Обломилась ваша бестормозная затея?

Дэниелз сверкнул полным комплектом безукоризненно белых зубов.

– Я уверен, Лэйни, что мы еще поработаем вместе. Надеюсь, у вас нет никаких претензий по нашему прошлому сотрудничеству.

– Да какие уж там претензии.

– Позвони мне. – Кэти протянула Лэйни белую карточку с аккуратно выведенным номером. – Завтра, до девяти. Оставь сообщение. Да или нет.

– Даешь мне шанс?

– Так интереснее. Я хочу, чтобы ты подумал. – Она поддела пальцем уголок воротника его рубашки. – Шаг строчки.

А затем повернулась и вышла. Дэниелз последовал ее примеру. Не прощаясь.

Лэйни сидел и смотрел на закрывающуюся за ними дверь. Может, долго, а может, и нет. Пока не запикал телефон.

Терпеливый Ямадзаки начинал проявлять нетерпение.

32. Без приглашения

– Мы должны атаковать.

Чтобы подчеркнуть последнее слово, Сона Роса превратилась в пылающий ацтекский череп. Все они, включая Гоми-боя, снова находились в комнате Масахико – месте куда более спокойном, чем гипнотический хаос крыш со всеми этими глазастыми елками.

– Атаковать? – Как и всегда, выпученные глаза Гоми-боя блестели весело, дурашливо, однако голос его дрожал, как натянутая струна. – И кого же ты думаешь атаковать?

– Нам нужно так или иначе перенести схватку на территорию противника, – сказала Сона Роса. – Бездействие – это смерть.

Из-под двери вынырнуло нечто вроде ярко-оранжевого подноса. Поднос заскользил через комнату, однако серая многолапая тень заглотила его так быстро, что Кья не успела ничего толком рассмотреть.

– Ты, – сказал Гоми-бой, глядя прямо на Сону Росу, – сидишь в своем Мехико-сити. И ничто из здесь происходящего не представляет для тебя опасности, ни физической, ни юридической!

– Физической? – Сона Роса мгновенно перешла в еще более яростную версию своего предыдущего представления. – Физического захотел, недоделок сучий? Да я замочу тебя на хрен, физически. Думаешь, не могу? Ошибаешься, ты же здесь живешь, не на Марсе. Вот свистну своих девочек, прилетим мы сюда и отрежем твои желтые яйца! Думаешь, не могу?

Еще в начале этой пламенной речи из ее кармана появился на свет расписанный драконами нож; теперь зловеще иззубренное лезвие дрожало в сантиметрах от мультяшковой физиономии Гоми-боя.

– Сона, пожалуйста! – взмолилась Кья. – Он же ничего плохого мне не делал, а только помогал! Не надо!

Сона фыркнула и сложила нож.

– Но ты это брось, катить на меня бочку, – сказала она уже более миролюбиво. – Моя подруга, она тут вляпалась в дерьмо по самые уши, а у меня самой, на моем сайте, завелась какая-то призрачная хрень.

– И у меня в «Сэндбендерсе» тоже, – подхватила Кья. – Я видела эту штуку в Венеции.

– Ты ее видела? – Клочки образов замелькали еще быстрее.

– Я видела что-то…

– Что? Что ты видела?

– Там кто-то был. В конце переулка, у фонтана. Вроде женщина, а может, и нет. Я испугалась и рванула оттуда. Оставила Венецию открытой…

– Дай-ка мне на нее взглянуть. – Сона Роса не глядя сунула нож в карман. – У себя на сайте я ее не вижу. И ящерки тоже не видят, дергаются туда-сюда, и все без толку. Птицы стали летать ниже, но даже они не могут ничего найти. Пошли, ты мне ее покажешь.

– Но Сона…

– Пошли! – повторила Сона. – Зуб даю, это тоже часть того дерьма, в которое ты вляпалась.

– Мамочки, – выдохнула Сона, не сводя глаз с собора. – Да кто же такое написал?

– Это такой город в Италии, когда-то он был отдельным государством. Банки всякие и кредиты, это они здесь изобрели. А это, – Кья указала рукой, – собор Святого Марка. Можно переключиться на модуль, где показано, что тут делается на Пасху, когда Папа выносит все эти кости и прочее, оправленные в золото куски святых угодников.

– Святых? – Сона Роса истово перекрестилась. – Вроде как у нас, в Мексике. А это тот самый город, где вода подходит к самым дверям и улицы не улицы, а каналы, вода?

– Я думаю, очень многое из этого теперь вообще под водой, – вздохнула Кья.

– А почему тут темно?

– Это я так устроила. – Кья обшаривала глазами все затененные уголки площади. – А эта Крепость, Сона, что же она все-таки такое?

– Они говорят, что все началось с общего килл-файла. Ты знаешь, что такое килл-файл?

– Нет.

– Очень древнее понятие. Способ уклоняться от нежелательной входящей корреспонденции. Килл-файл не пропускал эту корреспонденцию, она для тебя все равно что вообще не существовала. Это было давно, когда сеть была совсем еще молодая.

Кья знала, что, когда родилась ее мать, сети вообще не было или там почти не было, хотя, как любили говорить школьные учителя, такое даже трудно себе представить.

– А как могла эта штука стать городом? И почему там все так стиснуто?

– Кто-то загорелся идеей вывернуть килл-файл наизнанку. Ну ты понимаешь, это не то, как в действительности все было, а как

это рассказывают: что люди, основавшие Хак-Нам, разозлились, потому что сперва в сети было очень свободно, можно было делать все, что ни захочешь, а потом пришли компании и правительства со своими соображениями, что тебе можно делать, а чего нельзя. Тогда эти люди, они нашли способ высвободить хоть что-то. Маленькую территорию, кусочек, клочок. Они сделали что-то вроде килл-файла на все, что им не нравилось, а сделавши, они вывернули его наизнанку. – Сона подкрепляла свой рассказ чем-то вроде магических пассов. – И они протолкнули его до предела, до другой стороны…

– Другой стороны чего?

– Так это же не то, как они это сделали, а как это рассказывают. Я не знаю, как там все делалось, а рассказывается это вот так. И они ушли туда, чтобы спрятаться от законов. Чтобы жить совсем без законов, как раньше, когда сеть была совсем молодая.

– Но почему они придали своему городу такой странный вид?

– А вот это я знаю, – сказала Сона. – Женщина, помогавшая мне строить мою страну, она мне все рассказала. Раньше, когда Гонконг не был еще китайским, рядом с аэропортом было такое место, Цзюлун, а когда-то совсем-совсем давно сделали какую-то ошибку, и это место, очень маленькое, но людей там жило много, оно принадлежало Китаю, а в результате вроде как вообще никому не принадлежало. Поэтому и законов не было. Беззаконное место. И туда стекалось все больше и больше людей, и они строили вверх, все выше и выше. Никаких правил, никаких законов, только огромное здание и живущие в нем люди. Полиция туда и носа не совала. Наркотики, проституция, азартные игры. Но тут же и нормальная человеческая жизнь. Мастерские, рестораны. Город. Без законов.

– И он все еще там?

– Нет. – Кья на мгновение подумала, что Сона Роса сейчас вздохнет. – Его снесли прямо перед тем, как отдать весь Гонконг китайцам. Снесли, залили бетоном и устроили парк. А эти люди, которые сделали эту дырку в сети, они собрали всю информацию. Историю, планы, снимки, рисунки. И отстроили город наново.

– Зачем?

– Спроси их самих. По-моему, они все тронутые. – Теперь взгляд Соны тоже блуждал по пустынной Пьяцце. – Зябко мне здесь как-то.

Кья хотела было поднять солнце, но в этот момент Сона указала куда-то направо.

– Кто это?

От каменной аркады, где располагались мелкие

ресторанчики, к ним шагал Мьюзик-мастер – или кто-то очень на него похожий, фигура в темном распахнутом пальто с подкладкой цвета полированного свинца.

– У меня есть виртуальный персонаж примерно такого вида, – сказала Кья, – но он, по идее, появляется, когда я выхожу на какой-нибудь мост. А в прошлый раз он и вообще куда-то подевался.

– Ты говорила, что видела кого-то, так это он?

– Нет, – качнула головой Кья.

Сона рывком выросла и ощетинилась жестким, колючим сиянием, окуталась смерчем радужной мошкары.

В дальней части площади пошел снег, быстро засыпавший брусчатку; темная фигура неуклонно приближалась, оставляя за собой четкую строчку следов.

Сона стала еще выше, ее сияние дрожало нарастающей угрозой, над рваными полотнищами возникло и стало разрастаться грозовое облако мерцающей тьмы, раздался звук, словно в поле электронной мухобойки попал особо сочный жук, совсем рядом мелькнули огромные крылья колумбийских кондоров, Сониных стражей, рожденных в информационном раю. Мелькнули и пропали. Сона выплюнула поток испанских проклятий, настолько цветистых, что автопереводчик ошеломленно заглох.

Мьюзик-мастер был уже совсем близко, все фасады за его спиной скрылись в кружении снега.

В руке Соны возник нож, тот же самый, но теперь он был размером с электропилу, иззубренный хребет жил мелкой напряженной дрожью. Золотые драконы с рукоятки вились вокруг смуглого, тесно сжатого кулака, гонялись за своими огненными хвостами сквозь миниатюрные облака китайских орнаментов.

– А вот теперь мы на тебя посмотрим, – зловеще процедила Сона.

Кья увидела, как пелена снега, поглотившая ее Венецию, резко съежилась и стала отступать, следуя цепочке следов, а на лице Мьюзик-мастера проступили черты Рэи Тоэи.

– Пожалуйста, – сказала идору.

33. Топология

Арли ждала Лэйни у лифта, на пятом, самом нижнем из парковочных уровней гостиницы; она успела уже переодеться в знакомую ему робу. Несмотря на распухшую, заклеенную пластырем губу, джинсы и короткая нейлоновая куртка придавали ей вид на зависть бодрый и компетентный.

– На тебя страшно смотреть, – сказала Арли.

Потолок здесь был низкий, обитый для уменьшения шума чем-то грязно-желтым, вроде войлока. Призрачный свет протянутых по потолку кусков биолюминесцентного провода, густая, сладковатая вонь бензинового выхлопа. Ряды за рядами мелких японских автомобильчиков, чистеньких, как посуда у хорошей хозяйки, влажно поблескивающих, как яркие обсосанные леденцы.

– Похоже, Ямадзаки считает это очень срочным, – сказал Лэйни.

– Да, – кивнула Арли. – Нужно сделать все прямо сейчас. Мы не знаем, сколько потребуется времени, чтобы обеспечить второй заход.

– Нужно так нужно. Сделаем.

– Тебе, с твоим таким видом, вообще не стоило бы ходить.

То ли в подтверждение, то ли в опровержение ее слов Лэйни пошел, заметно покачиваясь, вперед.

– Блэкуэлл отвез его в «Империал». Прочесывательная команда ничего не обнаружила. Нам сюда.

Они шли вдоль ровного строя хирургически чистых облицовочных решеток и бамперов. Зеленый мини-вэн стоял носом к стене, с настежь распахнутыми дверями; небольшой пятачок вокруг него был обнесен оранжевым пластиковым барьером и заставлен аппаратурными модулями. Шаннон, рыжий техник, возился с каким-то черно-красным кубом.

– Эспрессница. – Шаннон засунул руку внутрь кожуха и что-то там нашаривал. – Прокладка полетела.

– Садись, герой, сюда. – Арли указала на переднее пассажирское сиденье. – Оно откидывается.

– А вот этого лучше не надо, – сказал Лэйни, забираясь в машину. – Потом ты меня не разбудишь.

За спиной девушки появился Ямадзаки.

– Лэйни-сан, вы войдете в те же данные по «Ло/Рез», что и прежде, но теперь у вас будет параллельно доступ к базе данных по деятельности фэн-клубов. Глубина. Дополнительное измерение. Оно обеспечит необходимую вам степень

персонализации. Параллакс, так это называется?

– Взгляни, – сказала Арли, подавая ему очки. – А не получится, так и хрен с ним. – Ямадзаки поморщился и часто заморгал. – Так или не так, потом мы покажем тебя гостиничному коновалу.

Лэйни надел очки и откинулся затылком на подголовник.

Ничего. Он закрыл глаза. Услышал легкий щелчок включенного питания. Открыл глаза и увидел те же самые массивы данных, что и утром, в Акихабаре. Тоскливые, строго и однообразно упорядоченные. Безликие.

– А теперь фэн-клуб, – сказал голос Арли, и тут же тусклые, безжизненные массивы стали прозрачными, раскрылись в глубину умопомрачительными хитросплетениями.

– Тут что-то… – начал Лэйни, а затем он вновь оказался в той, с огромными кафельными печками, стокгольмской квартире. Но теперь это было жилище, а не просто скопище тысяч скрупулезно табулированных фактоидов. За узкими слюдяными окошками кованой печной дверцы плясали языки пламени.

Зажженные свечи. Дощатый пол – каждая половица шириной в мужские плечи – застелен старыми, мягких тонов коврами. Что-то неподконтрольное Лэйни переместило его в соседнюю комнату, мимо кожаного дивана с ворохом маленьких ковриков к узкому высокому окну. В просвете полураздвинутых гардин, за покрытым по краям изморозью стеклом – густая тьма и мерное падение больших, словно ножницами вырезанных снежинок.

– Что-нибудь получается?

Арли. Как с другого конца земли.

Лэйни не ответил, пассивно наблюдая, как его разворачивают и ведут по главному коридору; по пути он взглянул в высокое овальное зеркало и не увидел своего отражения. И сразу вспомнился приют, си-ди-ромы с «бродилками» – заколдованные замки, космический корабль, покинутый командой из-за кошмарной внеземной заразы… Клик туда, клик сюда. Он всегда остро ощущал, что так и не нашел некоего главного чуда, той вещи, которая оправдала бы все эти поиски. Потому что ее там и не было, решил он в конце концов, решил и утратил всякий интерес к этим играм.

Но здесь – клик в спальню – было главное чудо. Рэи Тоэи. Откинувшись на подушки, в белопенном море кружев тонкого хлопка.

– Вы были сегодня нашим гостем, – сказала идору. – Я не имела возможности побеседовать с вами. Очень жаль. И кончилось все плохо, вы были ранены.

Лэйни смотрел на нее в ожидании горных троп и

колокольчиков, но ничего такого не появилось, и тогда он вспомнил слова Ямадзаки насчет полосы пропускания.

Острый приступ боли в боку.

– Откуда вы это знаете? Что я был ранен?

– Предварительный доклад охранной службы «Ло/Рез». Техник Пол Шаннон утверждает, что вы, судя по вашему виду, пострадали в драке.

– Почему вы здесь?

(«Лэйни, – забеспокоилась Арли, – ты там как, в порядке?»)

– Моя находка, – сказала идору. – Восхитительная квартира, правда? Жаль, что он так ни разу и не бывал в ней по завершении реставрации – фактически никогда не бывал. Но вы-то ведь бывали, да? Думаю, потому я ее и нашла.

Ослепительная улыбка. Ослепительная красота, парящая в облаках белизны. Там, в «Западном мире», он так и не смог ее толком рассмотреть.

– Я входил в нее раньше, – сказал Лэйни. – Но тогда она смотрелась иначе.

– А теперь она… сформировалась, да? Стала гораздо лучше. Потому что один из реставраторов, перебиравших камины, делал снимки и подробные записи. Не для отчета, просто для себя и своих друзей, но в результате вы можете увидеть, что у них получилось. Эти данные попали в распоряжение фэн-клуба. – Она взглянула на единственный в комнате источник света – тонкую, с синими и кремовыми горизонтальными полосками восковую свечу в подсвечнике из полированной бронзы. Рядом с подсвечником на прикроватном столике лежали апельсин и книга. – Здесь я чувствую себя как-то ближе к нему.

– Лично я почувствую себя ближе к нему, если вы спровадите меня наружу.

– На улицу? Там же снег идет. И я совсем не уверена, что здесь есть улица.

– В общий массив данных. Пожалуйста, чтобы я мог вернуться к своей работе.

– Лэйни? – Арли тронула его за плечо. – С кем это ты разговариваешь?

– С идору.

– В узловом проявлении? – Ямадзаки.

– Нет. Она проникла сюда, в данные, не знаю уж как. Расположилась в модели его стокгольмской квартиры, говорит, что это я проложил ей путь. Потом я попросил ее вернуть меня сюда…

– Куда? – Арли.

– Туда, где я смогу что-нибудь видеть, – ответил Лэйни, глядя

на причудливо заросшие ущелья, на побеги и ветвления, сходные с «Риалтри 7.2» в ноутбуке Арли, но живые, без этой абстрактной сухости, сплошь покрытые мхом примечаний. – Ямадзаки был прав. Фэновский материал – это то, чего нам не хватало.

Из прошлого – голос Жерара Делуврие, убеждающий его не концентрировать внимание. То, что вы делаете, противоположно концентрации, но мы научим вас направлять эту не-концентрацию.

Отдаться течению. Влиться в поток подружек, лучших подружек и бывших подружек, отчетов о появлении Реза или Ло с той или иной женщиной в том или ином месте. Каждый отчет расцвечен в меру важности, придаваемой данному конкретному эпизоду данной конкретной наблюдательницей. И вот здесь – самое необычное, своеобразное. То, как вырисовываются эти двое. Нормальные во всех проявлениях люди, и – более того. Масса подробностей, зафиксированных с фанатичной, исчерпывающей точностью, и каждый раз они наклеены на пустой, схематичный каркас известности. Здесь Лэйни видел известность, и не как тонкую субстанцию из теоретических построений Кэти, а как некое парадоксальное качество, изначально присущее субстанции мира. Количество информации, собранной здесь поклонницами группы, многажды превышало все, созданное когда-либо самой этой группой.

– А вот мое любимое, – сказала где-то идору, и Лэйни увидел, как Рез поднимается на низенькую эстраду переполненного клуба. Господствующий цвет – красный, вроде арбузной мякоти, но куда насыщеннее, корейская психоделика.

– Это именно то, что мы с ним чувствуем.

Рез взял микрофон и начал говорить о новых образах бытия, о какой-то «алхимической свадьбе».

А где-то вдали – рука Арли на его плече, ее встревоженный голос:

– Лэйни? Извини, но ты нам срочно нужен. Здесь мистер Куваяма.

34. Казино

На улице, за пыльными жалюзи, хлещет дождь. Это сделала идору. Кья никогда не устраивала здесь дождь, но теперь ей вроде даже нравилось. Такая погода подходила Венеции. Делала ее похожей на Сиэтл.

Идору сказала, что это место, куда она их привела, это казино. Кья знала, что такое казино, видела их по телевизору, но там они были совсем другие: большие, многолюдные и сплошь в неоне. А здесь – несколько маленьких комнат, облупленные стены и старомодная мебель с золочеными ножками в виде львиных лап. Все проработано во фрактальной технике, так что вроде как даже чувствуешь, как тут пахнет – пылью и, пожалуй, парфюмерией. Духами. Кья почти не посещала эти модули, нутро Венеции, потому что в них было вроде как малость жутковато. Вот на улицах – там совсем другое ощущение.

Голова Соны, лежавшая на львинолапом столе, снова щелкнула, как лопнувшим жуком. Она, Сона, ужала свой образ до минимума: синий пылающий ацтекский череп размером с маленькое яблоко. Потому что Кья попросила ее заткнуться и убрать этот зубчатый тесак. Это привело ее в ярость, а может, даже обидело, но что еще было делать, если Кья хотела послушать, что там скажет идору, а Сона со всеми этими спектаклями, насчет сейчас убью всех и зарежу, не давала никому и слова сказать. И именно что спектакли это все, потому что в сети люди не могут причинить друг другу никакого вреда. Во всяком случае – физического. А с ней, с Соной, всегда эти заморочки – да я такая, да я сякая, да я всех вас сейчас. Келси и другие девочки сперва смеялись, но Сона реагировала настолько яростно – в словесной, естественно, форме, – что теперь они это делают только за ее спиной. Кья никогда не понимала, для какой такой радости Сона устраивает весь этот цирк, можно подумать, что у нее расщепление личности.

Так что теперь Сона ничего не говорила, только время от времени издавала этот звук раздавленного жука, чтобы Кья не забывала, что она все еще здесь и все еще злится.

А вот идору говорила, объясняла Кья старое венецианское значение слова «казино»,[31] что это не огромное, вроде гипермаркета, здание, где играют в азартные игры и смотрят всякие шоу, а скорее что-то вроде этих отелей любви. В смысле, что у людей были дома, где они жили, а были еще эти казино, маленькие тайные квартирки, рассеянные по всему городу, куда они приходили, чтобы побыть с другими людьми. Странно только,

что они мало заботились о своем уюте, во всяком случае, в этом казино уюта особого не замечалось, хотя идору и понаставила уйму зажженных свечей. Она сказала, что очень любит свечи.

У идору была теперь прическа Мьюзик-мастера, и это делало ее похожей на девушку, которая переоделась мальчиком. И ей, похоже, очень понравился его тренч, потому что она время от времени крутилась на каблуке – его каблуке, – чтобы полы развевались.

– Я увидела так много новых мест, – сказала она и улыбнулась, – так много новых людей и вещей.

– Я тоже, – начала Кья, – но только…

– Он сказал мне, что так и будет, но все равно я себе не представляла, что это такое. – (Круть-верть.) – Посмотрев на все это, я словно выросла… А вот как с тобой, когда ты путешествуешь, ты тоже такое чувствуешь?

Череп вспыхнул ярким голубым светом и издал резкий малопристойный звук.

– Сона! – прошипела Кья и торопливо повернулась к идору. – Я еще не слишком много путешествовала и не думаю, что мне это так уж нравится, а сюда мы пришли, чтобы посмотреть, что ты такое, потому что мы не знали, а ты появилась в моем софтвере, а может быть, и на Сонином сайте тоже, а это ее встревожило, потому что он у нее секретный.

– Это страна с очень красивым небом?

– Да, – кивнула Кья, – и туда вроде как нельзя проникнуть, если она сама тебя не пригласит.

– А я не знала, – смутилась идору. – Извините. Я думала, что могу идти куда угодно – кроме того места, откуда ты пришла.

– Сиэтл?

– Муравейник снов, окна, громоздящиеся к небу. Я вижу его, но не могу войти. Я знаю, что вы с ней пришли оттуда, но это «там» – его там нет!

– Крепость? – Ну конечно же, ведь сейчас они с Соной пришли именно оттуда. – Мы не там, мы только подключились оттуда. Сона сейчас в Мехико-сити, а я в этом отеле, понятно? И нам бы надо поскорее вернуться, потому что я не знаю, что там сейчас происходит…

Синий череп распух и стал Соной, мрачной и надутой.

– Наконец-то ты сказала хоть что-то осмысленное. И чего вообще разговаривать с этой штукой? Она ведь ничто, чуть усовершенствованная версия этой твоей игрушки, которую она украла и приспособила для своих целей. Теперь, посмотрев на нее, я прихожу к печальному выводу, что Рез и вправду сошел с ума, запутался в какой-то бредятине.

– И ничего он не сошел с ума, – возмутилась идору. – Мы это чувствуем, с ним вдвоем. Он говорил мне, что нас не поймут. Во всяком случае – сперва; что будет неприятие, враждебность. Но мы же не хотим ничего плохого, и он верит, что в конечном итоге от нашего с ним союза будет только польза.

– Слушай ты, синтетическая шлюха, – ощерилась Сона, – ты что, нас за дурочек держишь? Мы что, не видим, что ты делаешь? Ты ненастоящая! Ты даже меньше настоящая, чем эта имитация затонувшего города! Ты пустое место – и ты хочешь высосать из Реза все реальное. – Над ней опять разрасталась грозовая туча, дрожало колючее сияние. – Эта девушка, она пересекла океан, чтобы найти тебя и вывести на чистую воду, а теперь ее жизнь в опасности. А она даже не понимает, что это ты в этом виновата. Вот такая она у нас дура!

Идору перевела взгляд с Соны на Кья.

– Твоя жизнь?

– Может быть. – Кья зябко передернула плечами. – Я ничего точно не знаю. Мне страшно.

И идору исчезла, вытекла из Мьюзик-мастера, как краска, не имеющая названия. Мьюзик-мастер щурился на свет двадцати свечей, на лице его была полная растерянность.

– Извините, пожалуйста, – сказал он, – но о чем мы сейчас говорили?

– Ни о чем, – отмахнулась Кья, а затем очки были сняты с ее головы, вместе с Мьюзик-мастером, венецианским «казино» и Соной, а на пальцах, державших очки, жирно поблескивали золотые кольца, и каждое кольцо соединялось с золотым браслетом золотых часов тоненькой золотой цепочкой. И светлые, почти бесцветные глаза.

Эдди медленно улыбнулся.

Кья хотела закричать, но тут другая, не Эддина, ладонь, большая и белая, с металлическим запахом какого-то одеколона, закрыла ей рот и нос. И еще одна ладонь прижала сверху ее плечо, а Эдди уронил очки на белый мохнатый ковер и отступил.

Все еще глядя ей в глаза, все еще улыбаясь, он поднес палец к губам, сказал «т-с-с», а затем отвернулся и шагнул в сторону, и Кья увидела Масахико, черные присоски на его лице и беспрестанно шевелящиеся пальцы.

Эдди бесшумно приблизился к сидевшему на полу мальчику, вынул из кармана какую-то черную штуку, что-то с ней сделал и нагнулся. И тронул этой штукой его шею.

Масахико резко дернулся, выкинул ноги вперед, свалился набок и застыл, вытянувшись в струнку и чуть подрагивая. Его рот раскрылся, одна из присосок упала на пол, вторая, правая, так

и осталась на месте.

Эдди повернулся, взглянул на Кья и спросил:

– Где эта штука?

35. Испытательный стенд будущности

Шаннон протянул Лэйни высокую пенопластовую чашку, на дне которой плескалось с полдюйма очень горячего, очень черного кофе. За его спиной, по ту сторону оранжевого барьера, виднелся длинный белый «лендровер» с «кенгурятником» и зелеными стеклами. Рядом с машиной стоял Куваяма, высокая фигура в темно-сером костюме и тускло поблескивающих очках без оправы; одетый в черное водитель тактично держался чуть сзади.

– Что ему нужно? – спросил Лэйни, осторожно пробуя обжигающе горячий кофе. И сплюнул попавшую в рот гущу.

– Мы не знаем, – сказала Арли. – Но его направил сюда Рез.

– Рез?

– Он так говорит.

Рядом с Лэйни появился Ямадзаки. Очки на нем были целые, не иначе как запасные, но зато рукав так и держался на булавках; две из них успели уже расстегнуться.

– Мистер Куваяма – творец Рэи Тоэи в некотором смысле. Основатель и бессменный руководитель «Аспекта славы», корпорации, являющейся ее юридическим лицом. Инициатор и вдохновитель всего этого проекта. Он выразил желание пообщаться с вами.

– Мне казалось, что эта работа с комбинированными данными жуть какая срочная.

– Да, да, конечно, – закивал Ямадзаки. – Но все равно я думаю, что вам нужно сейчас поговорить с мистером Куваямой.

Он провел Лэйни мимо черных аппаратурных блоков за барьер и обменялся с Куваямой поклонами.

– Это мистер Колин Лэйни, наш специальный исследователь, – сказал Ямадзаки, а затем повернулся к Лэйни: – Митио Куваяма, исполнительный директор «Аспекта славы».

Глядя на Куваяму, никто бы и не предположил, что какой-то час назад он был в непроглядной тьме «Западного мира», в самой гуще визжащей, панически мечущейся толпы. И как он только оттуда выбрался, тем более что сидевшая рядом идору должна была сверкать, как рождественская елка? Лэйни чувствовал кровь в своем ботинке, пальцы левой ноги неприятно липли друг к другу. Интересно бы знать, насколько возросла совокупная масса человеческой нервной ткани с того времени, как Блэкуэлл увел их с Арли из жвачного бара? И какая часть этого прироста

приходится на его долю?

– Извините, – сказал он, – у меня нет визитной карточки.

– Это не имеет значения. – Куваяма говорил на безукоризненном, если не считать несколько странной акцентировки, английском. Рука для пожатия, уступка иноземным обычаям. – Я знаю, что вы очень заняты. Мы весьма признательны, что вы сочли возможным выделить нам время.

Множественное число заставило Лэйни покоситься на водителя, обутого в примерно такие же, как и Райделл из «Шато», ботинки – черные, эластичные, с высокой шнуровкой и рифлеными каучуковыми подошвами. Нет, не похоже, чтобы он был второй половиной этого «мы».

– А теперь, – Куваяма повернулся к Ямадзаки, – с вашего разрешения…

Ямадзаки коротко кивнул и ретировался на огороженную площадку, где Арли возилась с кофеваркой, не забывая поглядывать краем глаза на происходящее. Водитель распахнул перед Лэйни дверцу «лендровера»; Куваяма сел в машину сам, с другой стороны. Щелчок захлопнувшейся дверцы, и они остались один на один.

Между сиденьями, на подставке с обтянутыми фетром зажимами, располагалось нечто вроде большой серебряной фляги.

– Ямадзаки говорит, что во время обеда вы испытывали определенные трудности с частотой пропускания, – сказал Куваяма.

– Да, – кивнул Лэйни.

– Мы провели небольшую юстировку… – между ними появилась улыбающаяся идору; заранее подготовленная иллюзия обеспечила ее даже своим, отдельным сиденьем, которое втиснулось между двумя настоящими.

– Вам удалось найти то, ради чего вы покинули меня в Стокгольме, мистер Лэйни?

Лэйни посмотрел ей в глаза. Это какие ж нужны вычислительные мощности, чтобы создать нечто такое, что отвечает тебе взглядом на взгляд. В разговоре с Резом Куваяма упоминал «желающие машины», «комплексы субъективных желаний», «модульную конструкцию ясно оформленного устремления»…

– Нет, – сказал он, – но уже был на подходе…

– А что вы такое увидели во время нашего ужина, из-за чего не смогли потом смотреть на меня?

– Снег… – Лэйни с удивлением почувствовал, что краснеет. – Горы… Но теперь я понимаю, что это попросту был сделанный

вами клип.

– Клипы Рэи не «делаются», – вмешался Куваяма. – Во всяком случае, в общепринятом смысле этого слова. Они возникают из ее непрерывного общения с миром. Это, если вам угодно, ее фантазии.

– Вы ведь тоже фантазируете, да, мистер Лэйни? – поддержала его идору. – В этом ваш талант. Ямадзаки говорит, что это – как видеть лица в облаках. С тем отличием, что эти лица действительно существуют. Я не могу видеть лица в облаках, но Куваяма-сан обещает, что и это когда-нибудь придет. Здесь все дело в практике.

(Ямадзаки? Говорит?)

– Я и сам этого не понимаю, – сказал Лэйни. – Делаю, но не понимаю.

– Экстраординарный талант, – сказал Куваяма. – Мы считаем, что нам улыбнулась удача, огромная удача. И нам очень повезло с мистером Ямадзаки, который, даже будучи подчиненным Блэкуэлла, проявляет необыкновенную широту взглядов.

– Мистер Блэкуэлл не слишком одобряет отношение Реза с… – Лэйни кивком указал на идору. – Мистер Блэкуэлл может огорчиться, что я разговаривал с вами.

– Блэкуэлл любит Реза, хотя и по-своему, – сказала Рэи Тоэи. – Он тревожится. Но он не понимает того, что наш союз уже состоялся. Наше «бракосочетание» будет постепенным, нарастающим. Мы просто хотим развиваться вместе. Когда Блэкуэлл и остальные поймут, что наш союз благотворен для нас обоих, все будет хорошо. И вы, мистер Лэйни, можете нам в этом помочь.

– Я? Могу?

– Ямадзаки объяснил нам смысл вашей работы с архивом фэнов группы «Ло/Рез», – сказал Куваяма. – Но в этих архивах нет ничего – почти ничего – о Рэи. Мы предлагаем добавить к двум вашим слоям информации третий, касающийся ее, и тогда перед вами вырисуется картина их союза.

Информация о ней? Лэйни взглянул на идору. Но ведь она же сама – информация. Чудовищный объем информации, в обработке которой задействовано бог уж там знает сколько машин. И в то же самое время – тревога и надежда в ее глазах. Нечто, абсолютно неотличимое от тревоги и надежды.

– Вы согласитесь, мистер Лэйни? Вы нам поможете?

– Послушайте, – сказал Лэйни, – я же здесь ничем не распоряжаюсь. Я сделаю то, что скажет мне Ямадзаки. Захочет он взять на себя ответственность, ну и ради бога. Но я хотел бы, чтобы вы сказали мне одну вещь.

– Что вы желаете узнать? – Куваяма.

– Про что это все? – Вопрос удивил самого Лэйни, который не совсем понимал, что именно он собирался спросить.

Внимательные глаза Куваямы за круглыми стеклами очков.

– Это про будущность, мистер Лэйни.

– Будущность?

– Знаете ли вы, мистер Лэйни, что какую-нибудь сотню лет назад у нас не было слова «природа»? У нас не было и нет пессимистичного отношения к технике. Техника – одна из граней природного, единого. Нашими усилиями единое совершенствует себя. А популярная культура, – улыбнулся Куваяма, – это испытательный стенд нашей будущности.

Арли справилась с эспрессницей не в пример лучше Шаннона. В зеленом фургоне, сидя на корточках среди звонко хлопающих обрывков пузырьковой упаковки, Лэйни смотрел на Ямадзаки через край чашки с новой порцией кофе. – Не понимаю, Ямадзаки, о чем вы только думаете? Вы что, хотите, чтобы мы с вами носили ботинки на пару размеров меньше, или что? Блэкуэлла хлебом не корми, только дай прибить чьи-нибудь руки к столу, а вы тут стакнулись с идору и ее боссом.

Разговор был перенесен с площадки в мини-вэн по его настоянию, из соображений конфиденциальности.

– Стакнулся? – недоуменно сморгнул Ямадзаки. – Очевидно, вы считаете, что я вошел с ними в сговор, но это совершенно не в моих обычаях. Рез и Рэи Тоэи находятся теперь в почти постоянном контакте, а последние усовершенствования обеспечили ей очень большую степень свободы. Рез дал ей доступ ко всем данным, с которыми вы пытались работать. Не информируя об этом Блэкуэлла. А теперь она ознакомилась и с данными фэн-клуба. Их предложение кажется мне вполне продуктивным, оно может приблизить всю эту историю к развязке. Блэкуэлл окончательно уверился в наличии некоего заговора. Нападение на ночной клуб…

– А что это было такое?

– Я не знаю. Неудавшееся похищение? Попытка искалечить Реза? Украсть периферийные устройства идору? Поразительная топорность работы, но Блэкуэлл говорит, что это как раз и есть клеймо Комбината… Так говорят – «клеймо»?

– Не знаю.

– Или «тавро»?

– А вы не боитесь, что Блэкуэлл оттяпает нам за это пальцы? Хромать ведь будем, на две ноги каждый.

– Нет. Мы работаем на одну из подставных фирм «Ло/Реза»…

– «Парагон-Эйша»?

– …но сам-то Блэкуэлл работает на Товарищество Ло/Рез. Если Рез приказывает нам что-то сделать, мы должны ему подчиниться.

– Даже если Блэкуэлл думает, что это ставит под угрозу безопасность Реза?

Ямадзаки пожал плечами. Глядя в заднее окно мини-вэна, Лэйни видел, как Шаннон катит на тележке серый аппаратурный блок, выгруженный ими ранее из багажника «лендровера». Блок был большой, раза в два больше тех черных, которые у Арли.

Шаннон протолкнул тележку в просвет оранжевого барьера.

36. Мэриэлис

– Не кричать, пожалуйста, – сказал этот, зажимавший ей рот, и снял свою лапу с ее рта.

– Где эта вещь? – Бесцветные глаза Мэриэлисового Эдди.

– Там. – Кья указала на сумку, из которой торчал драный угол сине-желтого пластикового мешка. А потом увидела, что Мэриэлис лежит на мохнатой розовой кровати. Спит себе, прижав подушку к лицу, даже туфли свои на шпильках не сняла. А крошечный холодильник сплошь заставлен сверху маленькими пустыми бутылочками.

Эдди достал из кармана черную с золотом авторучку и подошел к сумке. Наклонился и осторожно, словно мину разминируя, отодвинул авторучкой край мешка. Всмотрелся.

– Здесь оно.

– Это там?

Вторая рука все еще давила на плечо Кья, не давая ей встать.

– Это оно, точно, – сказал Эдди.

– Оставайся сидящей.

Рука убралась. А мужик, который, наверное, все это время стоял на коленях у нее за спиной, встал, подошел к Эдди и тоже заглянул в сумку. Он был заметно выше, в темно-бежевом костюме и ковбойских сапогах со всякими прибамбасами. Ширококостное лицо, волосы посветлее, чем у Эдди, и большая багровая родинка на правой скуле.

– Каким образом ты уверен?

– Да господи, Евгений…

Мужик распрямился, посмотрел на Мэриэлис, снова нагнулся и отнял у нее подушку.

– Как твоя женщина спит на кровати этой комнаты, Эдди?

Эдди взглянул на Мэриэлис.

– Черт.

– Ты говоришь нам девочка и твоя женщина это «случайно». Ты говоришь нам они встретились на самолете это только случайно. Твоя женщина здесь это тоже случайно? Мы не любим такие случайно.

Эдди перевел взгляд с Мэриэлис на мужика (русский он, не иначе), а затем на Кья.

– Какого черта эта сука здесь делает? – Словно Кья в этом виновата.

– Она нашла нас, – сказала Кья. – Она сказала, что знает кого-то в таксишной фирме.

– Нет, – покачал головой русский, – мы знаем кого-то в

таксишной фирме. Это слишком много случайного.

– Но ведь теперь-то все в порядке, эта штука у нас, – вмешался Эдди. – Зачем усложнять ситуацию?

– Пожалуйста, разберись. – Русский потер правой рукой щеку, словно в надежде отшелушить родимое пятно. – Мы даем тебе изотоп. Ты хочешь узнать, есть изотоп, ты можешь тестировать. Ты даешь нам это. – Он пнул сумку острым носком сапога. – Как мы уверены?

– Евгений, – вздохнул Эдди, – ты должен знать, что подобные сделки неизбежно основываются на определенном доверии.

Русский задумался и упрямо покачал головой.

– Нет, основа не хорошая. Наши люди проследили эту девочку к большой рокерской команде. На что она работает, Эдди? Сегодня мы послали людей с ними поговорить, они бросились на нас, как долбаные волки. Одного из людей я еще недостаю.

– Да не работаю я на «Ло/Рез»! – взмолилась Кья. – Я просто состою в клубе. Мэриэлис подсунула эту штуку мне в сумку в самолете, когда я спала.

Масахико застонал, вздохнул и снова отключился.

– Очухался? Мало было? Добавить? – Эдди угрожающе поднял руку с парализатором.

– Эдди, – сказала Мэриэлис. – Ты неблагодарное говно.

Она сидела на краю кровати, сжимала свою зажигалку двумя руками и целилась из нее в Эдди.

Эдди окаменел. Как струя мочи, посыпанная хитрым японским порошком.

– Вот это основа, – сказал русский.

– Господи, Мэриэлис, – затараторил Эдди, – да где ты взяла этот ствол? Ты хоть представляешь себе, насколько это незаконно, здесь, в Японии?

– Сняла с одного русского мальчика. Выходные отверстия размером с грейпфрут… – Мэриэлис говорила вполне нормально, без всяких заплетаний языком, но вот в ее покрасневших, с набрякшими веками глазах было что-то определенно пьяное, устрашающе пьяное. – Ты думаешь, Эдди, что можешь так вот пользоваться людьми? Попользовался и выбросил?

Мэриэлис сковырнула левую туфлю носком правой, затем пальцами левой ноги – правую и встала. Чуть покачиваясь, однако зажигалка, которую она держала, точь-в-точь как копы в телевизоре, двумя плотно сцепленными, вытянутыми вперед руками, оставалась направленной прямо на Эдди.

В руке Эдди тускло поблескивал парализатор.

– Мэриэлис, – крикнула Кья, – скажи ему бросить эту черную

штуку.

– Урони на ковер, и без резких движений, – сказала Мэриэлис, явно наслаждаясь, что вот выпал и ей случай произнести эту тыщу раз по телевизору слышанную фразу, и произнести вполне серьезно, без шуток.

Эдди беспрекословно разжал пальцы.

– Теперь отбрось ногой в сторону.

Вторая половина той же фразы, подумала Кья.

Парализатор остановился в паре футов от ее коленки, рядом с так и подключенными к «Сэндбендерсу» гляделками. На черных слепых стеклах гляделок выделялись плоские квадратики простейших видеокамер; если она их активирует, то увидит с тараканьей точки зрения босые ступни Мэриэлис, ботинки Эдди, ковбойские сапоги этого Евгения и, может быть, щеку Масахико.

– Говно, – сказала Мэриэлис. – Говно неблагодарное. Убирайся в ванную.

Непрерывно удерживая Эдди и русского под прицелом зажигалки, она переместилась по широкой дуге, теперь открытая дверь ванной была прямо за их спинами.

– Я понимаю, что ты раздосадована…

– Говно. А говну, Эдди, место в сортире. Убирайся в ванную.

– Сейчас, сейчас.

Эдди вскинул перед собой раскрытые ладони, словно призывая ее к разуму и пониманию. И осторожно попятился. Русский последовал его примеру.

– Семь, – сказала Мэриэлис. – Семь трижды долбанных лет. Тогда, вначале, ты еще не был говном. С виду не был. Господи. Ты и все эти твои разговорчики по пижонскому мобильнику. Меня сейчас стошнит. Кто платил за эту долбаную квартиру? Кто покупал еду? А кто тебе, пижону сраному, покупал твои долбаные костюмы? Ты с твоим хитрым мобильником и твоим долбаным имиджем, и тебе ж, конечно, нужно иметь самый маленький мобильник, потому что член у тебя совсем не самый большой, уж это ты мне поверь.

Руки Мэриэлис начали трястись, теперь зажигалка казалась вдвойне опасной.

– Мэриэлис, – сказал Эдди, – ты должна понимать, что я прекрасно понимаю, чем я тебе обязан, сколько ты сделала для моего роста. Я не забываю об этом ни на секунду, ни на полсекунды, и никогда, поверь мне, лапочка, никогда не забуду, а все это, это просто небольшое недоразумение, случайный ухаб на нашем с тобой, лапочка, жизненном пути, и если ты только перестанешь махать этим долбаным пистолетом и успокоишься и мы с тобой выпьем, как разумные, культурные люди…

– Заткнись на хрен! – взвизгнула Мэриэлис, взвизгнула с такой пронзительной громкостью, что Кья всерьез испугалась за свои барабанные перепонки.

Рот Эдди захлопнулся почти со стуком.

– Семь трижды долбанных лет, – сказала Мэриэлис и повторила, как заклинание: – Семь трижды долбанных лет. Год за годом. И два из них здесь, Эдди, два из них здесь, мотаясь взад-назад, Эдди, и все это для тебя, и все для тебя. И всегда свет, здесь… – По щекам Мэриэлис покатились цветные от смытой косметики слезы. – Везде. Никогда не уснуть из-за этого света, как туман над городом… В ванную.

Мэриэлис шагнула вперед; Эдди и русский отшагнули назад.

Кья протянула руку и схватила парализатор, не совсем понимая – зачем. Спереди у него были два тупых металлических зуба, а сзади, сбоку, – красная рифленая кнопка. И поразительно легкий. В школе, у гопников, их самоделки из одноразовых фотокамер были куда тяжелее.

– И он всегда находит меня, этот свет, – пожаловалась Мэриэлис. – Всегда. И все равно, что я пью, сколько пью и чем догоняю. Он находит меня и будит. Взрывается из-под двери, как порох. И ничего с ним не сделаешь. Залезает в глаза. И вся эта яркость сыплется…

Эдди был уже наполовину в дверях, а русский за его спиной, совсем в ванной, и Кья это совсем не нравилось потому что рук его не было видно. Ванная почувствовала русского и защебетала птичьими голосами.

– И это ты затащил меня туда, Эдди. – Мэриэлис перестала жаловаться, она снова обвиняла. – В этот твой Синдзюку. Ты затащил меня, где этот свет всегда может меня достать, а я никогда не могу от него спрятаться.

А затем она нажала курок.

Эдди завопил как резаный, начисто заглушив щелчок зажигалки, которая даже и не зажглась.

Мэриэлис не растерялась, не запаниковала, а прицелилась получше и снова нажала курок.

Из черного короткого ствола выплеснулся язычок пламени; умолкнувший было Эдди яростно взревел вышиб зажигалку из рук Мэриэлис, схватил ее за горле и начал молотить кулаком по лицу, выкрикивая в такт ударам: «Сука!.. Сука… Сука!»

Ни о чем не думая, Кья вскочила на ноги – и тут же обнаружила, что они онемели от долгого сидения на полу и не слушаются. Тогда она превратила свой бросок в кувырок, перекувырнулась еще раз, увидела перед собор щиколотку Эдди, ткнула в нее парализатором и нажала красную кнопку.

Она не была уверена, что щиколотка – подходящее место и что разряд пройдет через носок, но все обошлось наилучшим образом. Может быть, потому, что Эдди отдавал предпочтение самым тонким носкам.

Однако разряд достал и Мэриэлис, так что они с Эдди дружно содрогнулись и упали друг другу в объятья.

Мгновение спустя Масахико вихрем пересек комнату, захлопнул дверь перед носом русского, схватился обеими руками за ручку, в прыжке упер одну ногу в дверь, а другую в стену и так повис.

– Беги, – пробормотал Масахико, изо всех сил напрягая руки и ноги, а затем его пальцы соскользнули с круглой хромированной ручки, и он приземлился задом на милосердно мягкий ковер.

Кья увидела, что ручка начинает поворачиваться, прижала к ней парализатор и нажала кнопку. А потом нажала еще, и еще, и еще…

37. Трудовая практика

Лэйни вернулся на переднее пассажирское сиденье зеленого фургончика и теперь ждал, пока Арли подключит серый Куваямов блок. За ветровым стеклом серела глухая бетонная стена. Бок малость отошел, но вот встреча с Куваямой и идору плюс последующее выяснение отношений с Ямадзаки окончательно его запутали. Если Рез и Рэи Тоэи решают все вместе и если Ямадзаки решил им подыгрывать, в какое положение ставит все это его? Трудно ожидать, чтобы Блэкуэлл так вот сразу взял и проникся идеей, как это мило и очаровательно, что Рез и Рэи соединят свои судьбы. С его точки зрения, Рез все еще пытался жениться на виртуальной девице, а это есть чушь, если не того хуже.

С другой стороны, Лэйни теперь понял, что идору куда сложнее и мощнее любого голливудского синтактера. Особенно если Куваяма не врет насчет ее фантазий, превращающихся потом в клипы. Все – крайне немногие – познания Лэйни об искусственном интеллекте были получены в «Слитскане» как побочный продукт исследования бестолковой личной жизни одного из ведущих специалистов по этому предмету, однако он твердо усвоил, что, по всеобщему мнению, настоящий ИИ так еще и не создан и что все последние разработки осуществляются в направлениях, и близко не лежащих с созданием программы, разыгрывающей из себя очаровательную юную особу.

Считалось, что, если истинный ИИ будет в конце концов построен, в нем, скорее всего, не будет ровно ничего внешне человеческого. Лэйни запомнился просмотр лекции, в которой этот самый специалист высказывал предположение, что ИИ может быть создан по чистой случайности, так что сами его создатели не сразу поймут, что же это такое у них получилось.

– Прости, что мы так долго возимся, – сказала Арли, залезая в фургончик с водительской стороны.

– Да понятно, вы же ничего такого не ожидали.

– И заморочка-то самая глупая, с оптическим разъемом. Кабель не присоединить. Они применяют другой стандарт, французский. – Арли обвила баранку руками и уткнула в них подбородок. – Вот так-то и получается, мы спокойно справимся с этими огромными объемами информации – и не имеем под рукой нужного переходника.

– А что же тогда?

– Шаннон побежал в свой номер, говорит, у него там есть. Не иначе как порнуху японскую смотрит. И еще. У него, у Шаннона, есть дружок в охране, и он говорит, что Блэкуэлл

«порасспрашивал» одного из мужиков, которые пытались сегодня захватить Реза.

– Так это что, это все-таки он был им нужен? Рез?

– Вроде так. Они комбинатские, и им сказали перед налетом, что Рез что-то такое у них украл.

– Украл? Что?

– Этот мужик не знает. – Арли прикрыла глаза.

– А что с ним теперь, с этим, которого допрашивал Блэкуэлл?

– Не знаю. – Она открыла глаза и села прямо. – И как-то сомневаюсь, что мы когда-нибудь это узнаем.

– Он что, и вправду такое может? Пытать людей, убивать?

Арли молчала.

– Как бы там ни было, – сказала она в конце концов, – заставляя нас думать, что это возможно, он получает серьезное преимущество. А в прошлой своей жизни он точно этим занимался. Ты знаешь, что меня больше всего в нем пугает?

– Что?

– Иногда я ловлю себя на том, что вроде и привыкла к нему.

Стук в дверцу с ее стороны. За окном – Шаннон с соединительной кишкой в руках.

– Скажи, когда будешь готов. – Арли открыла дверцу и выскользнула наружу.

Лэйни смотрел сквозь тонированное ветровое стекло на бетонную стену и вспоминал ступеньки у дверей гейнсвиллского муниципального суда, как он следил за чистотой на этих ступеньках вместе с еще двоими приютскими, Шакиллом и Кенни. Шакилл тоже участвовал в тестировании медицинских препаратов, а Келли вскоре перевели в другое место, куда-то около Денвера. Лэйни не знал их дальнейшей судьбы, но это Шакилл первым заметил, что, когда вкалывают настоящий препарат, во рту появляется такой металлический вкус, вроде как алюминий или еще что. От пла-це-бо, сказал Шакилл, нет привкуса.

И ведь точно. Ты всегда мог сказать, то тебе ввели или это.

Они трое проходили там «трудовую практику», пять или шесть дней убирали подношения, которые оставляли люди, ожидавшие суда. Считалось, что эти подношения могут быть источником заразы, а жертвователи всегда старались их получше спрятать, так что иногда и не найдешь, пока не завоняет или мухи не слетятся. Чаще всего куски курицы, перевязанные цветной ниткой. А однажды была, как определил тот же Шакилл, козлиная голова. Шакилл говорил, что все это оставляют распространители наркотиков, у них религия такая. Работать приходилось в зеленых резиновых перчатках с оранжевыми кевларовыми кончиками

пальцев, от этого на руках высыпала потница. А чтобы складывать подношения, было белое ведро с защелкивающейся крышкой и облезлыми наклейками биологической опасности. Шакилл хвастался, что знает имена некоторых из этих, для кого подношения, богов, но Лэйни ему не верил. Все эти имена, вроде как О'Ганн или Сэм Эдди, были, конечно же, чистой выдумкой, и даже он, Шакилл, сказал как-то, забрасывая в ведро белый комок слипшихся куриных перьев, что уж лучше бы они наняли себе лишнего адвоката. «Но их тоже можно понять – ждут суда, мандражируют, вот и хотят подстраховаться с другой стороны».

А в общем эта «трудовая практика» была вполне ничего, лучше, чем в фаст-фудовых заведениях, плохо только, что потом, в приюте, их каждый раз обыскивали на предмет наркотиков.

Он рассказал Ямадзаки и Блэкуэллу, как знал тогда заранее, что Элис Ширз собирается покончить с собой, и они наверняка решили, что он может видеть будущее. Но сам-то он знал, что не может. Это было бы все равно как если бы эти куриные потроха, подброшенные к ступенькам суда, изменяли решение судьи. То, что произойдет потом, вырастает из того, что происходит сейчас, а предсказывать будущие события… Лэйни твердо знал, что сам он этого не может, а опыт работы с узловыми точками наводил его на сильное подозрение, что и никто не может. Судя по всему, образование узловых точек было каждый раз связано с какими-то назревающими изменениями. Он просто умел выделять места, где достаточно маленького толчка, чтобы изменение действительно произошло. Малейшего толчка, вроде этой покупки лезвий для канцелярского ножа. Но если бы той ночью чуть пораньше произошло бы землетрясение и ее дом обвалился… Или она попросту потеряла бы эту пачку лезвий… А с другой стороны, если бы она купила себе «пятничный специальный» по карточке – что совершенно невозможно, потому что штука эта незаконная и купить ее можно только втихаря, – тогда любому было бы ясно, что она там замышляет… Арли открыла дверцу с его стороны.

– Ну как ты тут, в порядке?

– В полном, – сказал Лэйни и взял с коленей очки.

– Точно?

– Ладно, давай работать.

– Как знаешь. – Она тронула его за руку. – А потом мы тебя сразу к доктору, ладно?

– Спасибо, – сказал Лэйни, надевая очки, и тут же его рот наполнился знакомым привкусом…

Данные по «Ло/Рез», прозрачные и прихотливо переплетенные с архивом фэн-клуба, пополнились россыпью новых текстур, превращавшихся, если к ним присмотреться, в…

Шакилл, в приютском тренировочном костюме. Показывает ту козлиную голову. Вся шкура с головы ободрана, а еще в нее забиты гвозди, а потом Шакилл раздвинул ее челюсти, и оказалось, что языка там нет, а на его месте лежит пропитанная кровью бумажка с какой-то надписью. Имя прокурора, объяснил Шакилл, гордясь своей осведомленностью.

Лэйни закрыл глаза, но картина не исчезла.

Он открыл их и увидел идору, лицо, окаймленное мехом. Она смотрела на него. На ней была вышитая меховая шапка с ушами, очень кстати, потому что шел снег, а потом она уплощилась, слилась с текстурами, струившимися вниз, сквозь рифы информации, и он тоже отдался на волю этого течения и ощутил, как проходит через самое ядро, сердцевину, и вынырнул на другой стороне.

– Подожди… – сказал Лэйни и услышал свой голос с заметной задержкой.

– Перспектива, – сказала идору. – Параллакс Ямадзаки.

Что-то развернуло его, так что теперь он смотрел прямо на информацию, но под новым углом и словно с огромного расстояния. А вокруг нее… ничего – или, вернее, ничто.

Но всю эту информацию пронизывали две смутно параллельные структуры, похожие на «Риалтри» из ноутбука Арли, но бесконечно более сложные. Рез и идору. Они были изваяны во времени, структура Реза зарождалась на самом дальнем краю хлипким, тонким проростком, это были первые проблески его карьеры. Далее – рост, усложнение, превращение в нечто мощное и разветвленное… но затем она вновь начала уменьшаться, многие ветви иссохли и бессильно обвисли… Должно быть, подумал Лэйни, это и есть та точка, за которой Рез навлек на себя все нарастающую ненависть Кэти, стал человеком, чья слава определяется не тем, что он есть, а тем, чем был раньше, светом догоревшей звезды…

Структура идору появилась чуть позже, как нечто плавное, продуманное, несколько примитивное. Но дальше, в местах наибольшего сближения с Резом, она начала обретать определенную сложность. Или, подумал Лэйни, непредсказуемость. Нечто сугубо человеческое. Она училась.

И обе эти структуры, скульптуры во времени, были узловыми, и это их качество нарастало с приближением к «теперь», где они плотно сплетались…

Лэйни стоял рядом с идору. Он уже видел этот пляж в ирландском гостевом доме, когда просматривал снятую биноклем пленку. Грязно-зеленое, с россыпью белых барашков море, свежий ветер треплет и рвет уши ее меховой шапки. Лэйни не чувствовал

ветра, но слышал его вой, настолько громкий, что было трудно разговаривать.

– Так ты их видишь? – крикнула она.

– Что – вижу?

– Лица в облаках! Узловые точки! Я ничего не вижу! Покажи их мне!

Но затем она исчезла, а вместе с ней и море, и Лэйни снова смотрел на информацию, на оцифрованные истории Реза и Рэи Тоэи, которые сплетались на грани превращения в нечто иное. А если бы тогда, в Лос-Анджелесе, он попытался, могло бы так быть, что из узловой точки Элис Ширз выплыл бы канцелярский нож?

И он попытался.

Перед ним расстилалась белая пушистая равнина. Не снег. А вдали, на фоне ядовито-розового обрыва, величественно переступали исполинские, щедро разукрашенные коричневым по коричневому ковбойские сапоги. Равнина исчезла, на ее месте медленно вращался непонятный, неопределенных размеров предмет, отдаленно похожий на лос-анджелесский автобус, если с него снять колеса.

– Семнадцатый номер, – сказала идору. – Отель «Дай».

– Дай? – переспросил Лэйни. Автобус исчез, поехал догонять сапоги.

– Что такое «отель любви»?

– Как?

– Отель. Любви.

– Ну, наверное, это где люди занимаются любовью…

– А что такое «первичный биомолекулярный программирующий модуль С-дробь-семь-А производства Родель ван Эрп»?

– Представления не имею.

– Но вы же мне сейчас показывали! Это средоточие нашего союза, наше пересечение, то, из чего должно развернуться и все остальное!

– Подождите, – сказал Лэйни, – у вас тут есть другой, они вроде как смыкаются…

Напряжение отзывалось болью в боку, но вдали виднелись горы, перекрученные деревья, низкая крыша деревянного домика…

Идору исчезла, а затем и дом, словно съеденный изнутри, – его структура замерцала и съежилась. И на мгновение – образ чего-то громоздящегося, беспорядочная россыпь непохожих друг на друга окон и взвихренное, радужное небо.

– Кончай орать! – сказала Арли, сдергивая с него очки.

Рядом с ней – Ямадзаки.

– Остановитесь, Лэйни-сан.

Лэйни длинно, судорожно вздохнул, уперся ладонями в мягкий пластик приборной доски и закрыл глаза; рука Арли легла ему на затылок.

– Нужно туда бежать.

– Бежать? Куда?

– Семнадцатый номер… Мы опоздаем. На свадьбу…

38. Звезда

Парализатор перестал щелкать, и Кья уронила его на пол. Дверная ручка не поворачивалась. Из ванной – ни звука, кроме птичьего щебетанья. А что в комнате? Масахико торопливо заталкивает свой компьютер в клетчатый пластиковый мешок. Кья бросилась к «Сэндбендерсу», схватила его (очки потянулись следом, на проводе) и повернулась к сумке, из которой так и торчал угол сине-желтого мешка. Она рывком вытащила мешок вместе с его содержимым, бросила эту мерзость на кровать и нагнулась, чтобы запихнуть «Сэндбендерс» в сумку. И услышала со стороны ванной какой-то звук. Оглянулась.

Ручка медленно поворачивалась.

Русский шагнул в комнату. На его правой руке было нечто вроде ослепительно-розовой рукавицы, без пальцев, но зато с лысой кукольной головой. Сексуальная игрушка из черного шкафчика, сыгравшая роль изоляции. Он сдернул розовую шкурку с руки и небрежно швырнул ее через плечо. Птицы в ванной смолкли.

Масахико, начавший было надевать правый ботинок, замер, уставившись на русского; его левая нога все еще была в бумажном шлепанце.

– Вы уходите? – спросил русский.

– Она на кровати, эта ваша штука, – сказала Кья. – Мы не хотим иметь с ней никакого дела.

Заметив на полу парализатор, русский поднял ногу и припечатал его каблуком, словно некую ядовитую тварь; жалобно хрустнул крошащийся пластик.

– Артемий, мой друг из Новокузнецка, делает себе большое унижение этим. – Он поворошил обломки носком сапога. – Носит очень тесные джинсы, Артемий, кожаные, это мода. Кладет в передний карман, спуск случайно нажимается. Артемий парализует свое мужество. – Крупные, неровные зубы оскалились в подобии улыбки. – А нам смешно, да?

– Ну пожалуйста, – сказала Кья. – Мы просто хотим уйти.

Русский обогнул Эдди и Мэриэлис, так и обнимавшихся на полу.

– Ты случайность, как Артемий своему мужеству, да? Ты только случилась владельцу этого прекрасного ночного клуба. – Носок сапога указал на бессознательного Эдди. – Который контрабандист и прочие вещи, очень сложные, но ты, ты есть просто случайность.

– Да, – кивнула Кья.

– Ты из «Ло/Рез» (Ло-ресс). – Он шагнул к кровати и заглянул в пластиковый мешок. – Ты знаешь, что такое это.

– Нет, – соврала Кья. – Я не знаю.

Русский повернулся к ней.

– Мы не нравимся случайности, никогда. Не допускаем случайности.

Руки русского начали подниматься; на третьем суставе каждого его пальца, со стороны ладони, розовело круглое пятнышко размером с горошинку. Кья видела такие у ребят в школе и знала, что это следы татуировки, недавно удаленной лазером.

Она взглянула ему в лицо. В лицо человека, который собирается с духом, чтобы сделать нечто очень неприятное, но совершенно необходимое.

Но тут взгляд его метнулся куда-то вдаль, через ее плечо; Кья обернулась и увидела, как дверь в коридор толчком распахивается внутрь. В комнату не вошел, а словно влился огромный, шире дверного проема мужик в сером, с металлическим отливом пиджаке; его правая щека была сикось-накось заклеена полосками бледно-розового пластыря. А руки – тоже огромные и сплошь в шрамах, в левой зажато что-то черное с концом, похожим на магнитный ключ, правая лезет во внутренний карман пиджака.

– Yob tvoyu mat, – пораженно выдохнул русский.

– Мою мать? – обрадовался огромный. Его рука вынырнула наружу с предметом, похожим на очень большие ножницы; предмет начал быстро, сухо пощелкивая, раскладываться и через долю секунды превратился в топорик с металлической ручкой, искривленным, опасно поблескивающим лезвием и узкой, острой, как карандаш, головкой на обухе. – Ты сказал «мою мать»?

Его лицо и выбритая, с начинающей отрастать щетиной, голова тоже были сплошь испаханы шрамами, розовели бороздками рубцовой ткани, а на месте левого уха торчал пунцовый обрубок.

– Нет, нет, – сказал русский, поднимая руки раскрытыми ладонями вперед. – Речевое оборачивание, только.

Из-за спины мужика с топором в комнату вошел еще один мужик, темноволосый, в черном свободном костюме. Правый глаз новенького закрывал видеомодуль, подвешенный к черному, до бровей надвинутому хайратнику. Глаз, оставшийся на всеобщее обозрение, был большой, веселый и зеленый, и все равно ей потребовалось не меньше секунды, чтобы узнать – кто это.

А узнавши, она так и села на… ну, скажем, розовую кровать.

– Где эта штука? – спросил мужик, похожий на Реза (очень

похожий, разве что чуть поплотнее и щеки не ввалены).

Оба эти, русский и с топором, молчали. Мужик с топором, не оборачиваясь, захлопнул дверь ногой.

Зеленый глаз и видеомонокль переместились на Кья.

– А ты знаешь, где эта штука?

– Какая?

– Биомеханический стартовый модуль, или как ее там… – Он замолк, тронул пальцем засунутый в правое ухо наушник и прислушался. – Первичный биомолекулярный программирующий модуль С-дробь-семь-А, Родель ван Эрп. Я тебя люблю.

Кья ошалела.

– Рэи Тоэи, – объяснил мужик, тронув пальцем хайратник, и тогда она окончательно уверилась, что это он.

– Здесь. Вон в том мешке.

Он залез в сине-желтый мешок, вытащил серую, с зализанными углами коробочку и повертел ее в руках.

– Это? Это и есть наше будущее, то, что позволит нам пожениться?

– Извините, пожалуйста, – встрял русский, – но вы должны знать, что это принадлежит мне.

В его голосе звучало искреннее сочувствие.

– Ваше? – Рез вскинул глаза, чуть наклонил голову вбок и сразу стал похож на любопытную птицу. – А где вы это взяли?

– Обмен. – Русский смущенно кашлянул. – Этот джентльмен на полу.

И только тут Рез заметил Эдди и Мэриэлис.

– Они мертвые?

– Вольты, да? Есть обычно не смертельно. Ваша девочка на кровати.

– А ты кто? – повернулся к ней Рез.

– Кья Пет Маккензи, – автоматически отрапортовала Кья. – Я из Сиэтла. Я… Я в вашем фэн-клубе. – Она очень боялась покраснеть и покраснела еще сильнее.

Рез наморщил лоб и, похоже, прислушался.

– О, – сказал он наконец и, продолжая слушать, смолк. – И это все она? Действительно? Ну, как здорово. – Зеленый глаз снова сфокусировался на Кья. – Рэи говорит, что твоя роль во всем этом была ключевой и что мы должны быть тебе по гроб благодарны.

Кья судорожно сглотнула.

– Она так думает?

Но Рез уже повернулся к русскому.

– Эта штука должна быть нашей. – Он поднял нанотехнический модуль. – Вот давайте прямо сейчас и

договоримся. Сколько вы за нее хотите?

– Роззер, – сказал мужик с топором, так и стоявший у двери, – что это ты еще придумал? Этот ублюдок из Комбината.

Рез прикрыл глаз, словно стараясь взять себя в руки. А потом открыл глаз и сказал:

– Но ведь они правительство. Ты же не станешь с этим спорить? А с правительствами мы и раньше договаривались.

– Так ведь то с законными, – возразил топорник, но как-то без прежней уверенности.

Русский, похоже, тоже это почувствовал и медленно опустил руки.

– А вам-то зачем эта штука? – спросил его Рез. – Что вы хотите с ней делать?

Русский взглянул на предмет в руках Реза, словно соображая, а к чему бы, действительно, его применить, а затем поднял глаза. На его щеке прыгала жилка: трудное решение было принято.

– Мы, – сказал он, – разрабатываем масштабный общественный проект сооружений.

– Господи. – Мэриэлис говорила так хрипло и неразборчиво, что Кья не сразу и поняла, что это за звуки. – Они туда что-то подсыпали. Точно подсыпали, клянусь моей мамой. – Слово «мамой» завершилось струей блевотины.

39. Шок

Прижав мобильник Арли к приборной доске, Лэйни набирал номер отеля «Дай». Как только мини-вэн вырвался из подземного гаража, сзади раздался грохот – потерявший равновесие Ямадзаки рухнул на завалы пузырьковой упаковки. Еще одна кнопка, еще… Телефон пискнул, по экрану карты помчались линии координатной сетки.

– Как вы там, Ямадзаки? В порядке?

– Спасибо, – сказал Ямадзаки. – Да, в порядке. – Стоя на коленях, ом смотрел в просвет между спинками сидений. – Вы обнаружили этот отель?

– Экспресс-вэй. – Арли взглянула на экран и свернула направо, на въездную эстакаду. – Нажми там быстрый набор – три. Спасибо. Дай его мне. – Она взяла у Лэйни телефон. – Маккрей. Да. Срочность? Иди ты на хрен, Алекс. Соедини меня с ним. – Пауза. – «Дай»? Именно «Дай»? Ни хрена себе. Спасибо.

Она нажала отбой.

– Так что там? – спросил Лэйни.

При выезде на экспресс-вэй мимо них просвистел, сверкая ребристой стальной обшивкой, исполинский суставчатый грузовик; мини-вэн ощутимо тряхнуло.

– Я пыталась связаться с Резом. Алекс говорит, что они с Блэкуэллом уехали. Туда же, куда и мы сейчас.

– Когда это было?

– Примерно тогда же, когда у тебя был этот припадок с воплями и мне пришлось вмешаться. Так что извини.

Там, в гараже, Лэйни уламывал ее добрые пятнадцать минут и так до конца и не уломал. Арли говорила, что ему нужно к врачу. Говорила, что она техник, а не исследователь и не охранник, что Реза сторожит Блэкуэлл с его командой, а у нее свои обязанности, она должна сторожить информацию, эти вот блоки, потому что любой, кто до них доберется, получит в свое распоряжение почти полный бизнес-план товарищества «Ло/Рез», плюс бухгалтерию, плюс то, что уж там доверил им Куваяма в этом сером блоке. Она сдалась, согласилась ехать только после клятвенного обещания Ямадзаки, что он берет на себя полную ответственность за все возможные последствия, и пылких заверений Шаннона и его хвостатого напарника, что они ни на шаг не отойдут от аппаратуры. Ни даже, уточнила Арли, чтобы отлить. «А если уж припрет, – сказала она, – мочитесь на стенку. И свистните сюда полдюжины блэкуэлловских молодцов, для компании».

– Он знает, – сказал Лэйни. – Она сказала ему, что это там.

– А что там находится, Лэйни-сан? – поинтересовался сзади Ямадзаки.

– Я не знаю. Но что бы это ни было, они считают, что это поможет им пожениться.

– А ты тоже так считаешь? – спросила Арли, обходя цепочку маленьких ярких автомобильчиков.

– Мне кажется, что эта штука вполне на такое способна, – сказал Лэйни, и в тот же самый момент откуда-то снизу, из-под водительского сиденья, раздался оглушительный звон. – Но в то же время я совсем не думаю, что все это так уж обязательно произойдет. А это еще что за тарарам?

– Мы превысили допустимую скорость, – объяснила Арли. – Здесь, в Японии, законом предписано, чтобы каждое транспортное средство было снабжено таким вот устройством. Как только начнешь гнать, оно звенит.

Лэйни обернулся к глядевшему в щель Ямадзаки.

– Это что, правда?

– Конечно. – Голос Ямадзаки почти потонул в настырном дребезжании.

– Так наверняка же можно что-нибудь там отключить. Неужели никто этого не делает?

– Отключить? – удивился Ямадзаки. – А зачем?

Вполне возможно, что мобильник звонил уже давно, но Арли услышала его только сейчас.

– Маккрей, – сказала она в трубку. – Вилли? – И надолго смолкла.

Мини-вэн слегка вильнул и начал притормаживать. Звон прекратился. Арли отняла трубку от уха.

– Что там еще? – спросил Лэйни.

– Вилли Джуд, – пробормотала Арли. – Он… он просто смотрел один из клубных каналов. Там сказали, что Рез умер. Сказали, что он умер. В «отеле любви».

40. Бизнес

Видя, что никто и не думает помочь несчастной Мэриэлис, Кья встала и протиснулась мимо русского в ванную. Птички зачирикали, в раскрытом черном шкафчике горел свет, все его содержимое – разноцветные члены и прочая мерзость – валялось на полу. Кья сняла с сушилки черное полотенце и черную махровую салфетку, намочила салфетку под краном и вернулась в комнату; салфетку она отдала Мэриэлис, а полотенце сложила пополам и накрыла им блевотину на ковре.

Никто не вмешивался в ее действия. Масахико сидел на полу, поставив компьютер между ног. Безухий, который занимал собой чуть не половину комнаты, опустил свой топор и держал его теперь вдоль чудовищно толстой ноги, шишка на обухе остро поблескивала чуть ниже его колена.

Мэриэлис кое-как села и вытерла рот, оставив на салфетке большую часть своей помады. Кья распрямилась – и чуть было тоже не блеванула, так воняло от стоявшего рядом русского его поганым одеколоном.

– Так вы, значит, строитель? – Рез все еще держал нанотеховый модуль в руке.

– Вы задаваете много вопросов. – Русский взглянул на невнятно замычавшего Эдди, шарахнул его ногой и добавил: – Основа.

– Общественные сооружения? – не унимался Рез. – Очистка воды или еще что в этом роде?

– В Таллине, – русский покосился на топор, – мы скоро строим эксклюзивный мегамолл, богатые огороженные пригороды и мирового класса фармацевтическую мануфактуру.

– Рез, – вздохнул безухий, – ну чего ты тут дурью маешься? В переводе на нормальный, этот бандюга и его приятели хотят построить себе в Эстонии завод по производству наркотиков. Давай я лучше отвезу тебя в гостиницу.

– Но может быть, их больше заинтересует… ну, скажем, недвижимость в Токио?

Глаза безухого выпучились, шрамы на лысой репе побагровели. Верхний, что под целым ухом, конец пластырного креста отклеился, обнаружив свежую, глубокую царапину.

– Недвижимость? Да где она у тебя, эта японская недвижимость?

– «Аспект славы», – сказал Рез. – Компания, ведущая дела Рэи. Они вкладывают ее доходы в самые разные вещи.

– Вы обсуждаете нанотех, обмененный на токийскую

недвижимость? – живо вскинулся русский.

– Совершенно верно.

– А какая именно недвижимость?

– Насыпной остров в Заливе, один из двух. В районе одного из полигонов старого «Ядовитого ожерелья», но после землетрясения его закрыли и рекультивировали.

– М-минуточку, – сказала с пола Мэриэлис. – Я тебя знаю. Ты был в этой команде, с этим тощим китайцем, гитаристом. Мощно вы задвигали.

– Я думаю, это не хорошо, здесь обсуждать бызнес, – сказал русский, озабоченно потирая родинку. – Но я Старков, Евгений. – Он протянул Резу руку (Кья снова заметила лазерные шрамы), и Рез ее пожал.

Безухий глухо застонал.

– Я смотрела его по телевизору, в Дейтоне, – сказала Мэриэлис, словно это что-то доказывало.

Безухий сунул свободную от топора руку в карман, вынул мобильник и приложил его к безухому уху.

– Спасибо, – сказал он и направился к окну, тому самому, за ширмой, которое нашла Кья. – Ты, Роззер, тоже иди сюда. На это стоит посмотреть.

Рез подошел к безухому, тронув по дороге свой монокль, и встал рядом с ним.

– Что такое, Кити? Что они там делают?

– Тебя хоронят, – ответил безухий.

41. Свечи и слезы

Темные окна административных корпусов проносились совсем рядом, в каких-то метрах от ограждения экспресс-вэя. Высотки сменились зданиями пониже, затем в отдалении выплыла яркая вывеска: ОТЕЛЬ «ЦАРЬ МИДАС». Карта на приборной доске начала попискивать.

– Третий съезд направо, – сказал Лэйни, следивший за курсором. Ускорение прижало его к спинке, надсадно зазвенел сигнал превышения скорости. Еще одна сверкающая вывеска: ВОДОПАД СВОБОДЫ БАНФ.

– Лэйни-сан, – позвал сзади Ямадзаки, – вы замечали какие-нибудь указания на близкую смерть Реза либо иные беды?

– Нет, да и как бы? Для этого нужна определенная степень преднамеренности, отраженная к тому же в изучаемом материале. А несчастные случаи, действия совершенно посторонних личностей… – Звон прекратился, они тормозили перед указанным картой съездом. – Но я видел информацию по ним во временной перспективе как два сливающихся потока, и то, вокруг чего они сливаются, было там, куда мы сейчас едем.

Арли свернула направо, на широкую дугу съездной эстакады, и Лэйни увидел трех совсем молоденьких девочек в облепленных грязью кроссовках, спускавшихся по крутому травянистому склону. Одна из них была, похоже, в школьной форме: гольфы и короткая клетчатая юбочка. Жесткий свет натриевых фонарей придавал их фигуркам какую-то ирреальность, а потом мини-вэн остановился, заглядевшийся Лэйни посмотрел вперед, в чем там дело, и увидел, что дорога полностью перекрыта безмолвной, неподвижной толпой.

– Боже, – сказала Арли. – Поклонницы.

Если там и были отдельные мальчики, Лэйни их не заметил. Это было сплошное море черных блестящих волос, все девочки смотрели вперед, где на белом бетонном здании сверкала белая, обрамленная неким подобием короны надпись: ОТЕЛЬ «ДАЙ». Арли опустила стекло, и Лэйни услышал далекое улюлюканье сирен.

– Нет, – сказал он, – нам тут в жизни не продраться.

Каждая из девочек держала в руках зажженную свечку, колышащееся море света омывало их скорбные, мокрые от слез лица. Малолетки, соплюхи, совсем еще дети… Наглядная демонстрация того, что вызывало в Кэти Торранс особо лютую ненависть: поклонницы «Ло/Рез» никогда не старели, их армия постоянно обновлялась за счет притока только что вышедших из

младенческого возраста девочек, которые без памяти влюблялись в Реза, виртуально обитавшего во вневременном мире сети, вечно двадцатилетнего Реза его ранних хитов.

– Ямадзаки, – сказала Арли, – поищите там сзади черный футляр.

После недолгого, но интенсивного копошения Ямадзаки просунул в щель между сиденьями небольшой, очень плоский чемоданчик; Лэйни его подхватил.

– Открой, – сказала Арли.

В чемоданчике лежало что-то серое, плоское. Прямоугольная пластинка с логотипом «Ло/Рез». Арли поставила пластинку перед собой и пробежала пальцем по ее ребру. Легкий щелчок, и на ветровом стекле вспыхнули зеркально обращенные буквы зеленой, обрамленной мигающими звездочками надписи:

ЛО/РЕЗ

ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА

Арли подала машину немного вперед. Ближайшие девочки оглянулись, увидели надпись и потеснились в стороны; мини-вэн начал медленно, с частыми остановками пробираться сквозь молча расступающуюся толпу.

А затем Лэйни заметил, что чуть впереди над этой толпой возвышаются длинная, с жидкими волосами голова и обтянутые белым кожаным смокингом плечи – сочетание, хорошо запомнившееся ему по туалету «Западного мира». Судя по смятенному, почти испуганному лицу русского, громила уже и не чаял вырваться из бескрайней трясины черных волос и трепещущих огоньков, но затем он тоже заметил Лэйни, скривился и начал с удвоенной энергией проталкиваться в новом направлении – к зеленому фургончику.

42. Разъезд гостей

Кья тоже подошла к окну и увидела, что дождь кончился. Парковочная площадка, отделенная от отеля «Дай» проволочной сеткой, была сплошь забита неподвижными фигурками с зажженными свечками в руках. И на припаркованных грузовиках тоже стоят, и на крыше низкого здания, которое чуть вдали. Девочки. Японские девочки. И все они смотрят сюда, словно прямо в окно.

Громадный мужик рассказывал Резу, что кто-то объявил, будто он умер, найден мертвым в этом самом отеле, а потом новость повесили в сети и вообще принимают ее на полном серьезе.

Русский достал свой мобильник и начал было трепаться с кем-то по-своему, а потом опустил мобильник, даже вроде не договорив, и прислушался.

– Мистер Ло-ресс, – сказал он, – мы слышим, полиция приезжает. Этот нанотех строго запрещен, а потому очень большая проблема.

– Ну что ж, – сказал Рез, – наша машина стоит в гараже.

Кья почувствовала, что кто-то дергает ее за локоть, повернулась, и Масахико сунул ей в руки ее сумку, уже застегнутую, и «Сэндбендерс» был уже там, по весу чувствовалось. Его компьютер тоже был упакован в тот клетчатый мешок.

– Обуйся, – сказал он.

Эдди лежал скрючившись на полу; с того времени, как русский саданул его ногой, он вроде даже и не пошевелился. Теперь русский снова шагнул к Эдди, и Мэриэлис, сидевшая рядом с ним, испуганно съежилась.

– Тебе очень повезло, – сказал русский, обращаясь к бесчувственному Эдди. – Мы соблюдаем наше соглашение. Изотоп будет доставлен. Но мы не хотим больше никакого бизнеса с тобой.

Что-то щелкнуло, и еще раз. Кья посмотрела и увидела, что безухий складывает свой топор, ловко и быстро, и даже на него не глядя.

– Слушай, Роззер, – сказал он, – эта, что у тебя, хреновина, за нее можно загреметь по максимуму. А тут еще эти твои свистульки, из-за них сюда копы едут. Дай-ка я ее возьму, пусть уж «обладание» будет на меня.

А Рез посмотрел на него и говорит:

– Нет, Кити, я ее сам понесу.

– Ну что ж, – сказал здоровый, и в глазах его появилось что-то

такое, обида или даже печаль, – тогда пошли. – Он сунул сложенный топорик в карман и махнул рукой, указывая Кья и Масахико на дверь. – Вы, парочка, идите вперед.

Рез последовал за Масахико, а русский сразу за ним, но потом Кья вспомнила, что ключ от номера так и остался на прикроватной тумбочке, которая в действительности холодильник, бросилась назад и схватила его. И остановилась, глядя на Мэриэлис.

Рот Мэриэлис, с которого стерлась вся помада, выглядел каким-то старым и печальным. Рот, которому много в жизни досталось.

– Пошли с нами, – предложила Кья. А Мэриэлис подняла глаза и ничего не говорит.

– Да пошли, – повторила Кья. – Тут сейчас полиция будет.

– Я не могу, – сказала Мэриэлис. – Нужно же об Эдди позаботиться.

– Скажите своему Эдди, – сказал здоровый, хватая Кья за руку, – что, если он обо всем этом хоть кому хоть слово скажет, останется без пальцев на ногах, всю обувь придется менять.

Мэриэлис и глаз не подняла, словно не слышала, а здоровый выдернул Кья из комнаты и захлопнул дверь, и Кья пошла по коридору следом за русским, глядя на его пижонские сапоги и бежевую спину.

Масахико и русский вошли в лифт первыми, Рез тоже было сунулся, но здоровый поймал его за плечо, сказал: «Ты останешься со мной» – и подтолкнул к лифту Кья.

Масахико нажал кнопку, лифт поехал, а русский повернулся к нему и спросил:

– Ты обладаешь машиной?

– Нет, – ответил Масахико.

Русский недовольно хрюкнул; от него так воняло одеколоном, что Кья с трудом удерживала свой желудок на месте. Когда лифт открылся в тот самый, маленький, холл, русский выскочил первым и стал крутить головой, словно ожидая, что кто-то на него из-за угла бросится.

Кья и Масахико тоже вышли, и дверь лифта закрылась.

– Поиск машины, – сказал русский. – Пошли.

Следом за ним они выскочили через раздвижные стеклянные двери на парковочную площадку, чуть не наполовину занятую Эддиным «грейслендом». Рядом стоял серебристо-серый японский седан, и Кья подумала, что вот этот, наверное, Реза. Кто-то успел уже закрыть номера обеих машин черными пластиковыми пластинками.

Сзади зашуршала раздвигающаяся дверь, Кья обернулась и

увидела Реза с этим нанотеховым блоком подмышкой, а в шаге за ним – безухого.

А потом сквозь занавеску из розовых полосок прорвался длинный, совершенно ошалелый мужик в белом кожаном смокинге, и он держал за шиворот парня поменьше, а тот все старался вырваться. Как только этот парень увидел Реза и остальных, он заорал: «Блэкуэлл!» – рванулся и выскочил из своего пиджака, но тот, в белом смокинге, все равно поймал его за ремень.

Русский заорал что-то по-русски, тот, который в смокинге, повернулся, увидел его и, похоже, узнал. И отпустил того парня.

– У нас тут мини-вэн, – сказал парень.

Безухий шагнул к тому, в смокинге, посмотрел на него, будто прямо вот сейчас прикончит, но ничего такого не сделал, а только отобрал у него парнев пиджак.

– О'кей, Роззер, – сказал он, повернувшись к Резу, – ты знаешь, как это делается. Ничего нового, то же самое, как вырваться из того дома на Сент-Килда,[32] когда снаружи нас ожидали эти мельбурнские ублюдки. Он накинул пиджак Резу на голову и плечи, хлопнул его ободряюще по руке, а затем подошел к розовой занавеске, отодвинул одну из ее полосок, посмотрел наружу и сказал не то удивленно, не то восхищенно:

– Долбать и резать. Ну ладно, слушайте тогда меня. Двигаться быстро и не разбиваться, всем вместе, Рез посередине. Прямо к зеленому мини-вэну. Досчитаю до трех, и – рванем.

43. Завтрак педикюрщика

– Вы совсем не едите, – сказал Блэкуэлл, прикончив вторую порцию яичницы с сосисками.

Сегодня он оккупировал для завтрака небольшую столовую на одном из служебных этажей «Эльфийского колпака» и попросил, чтобы Лэйни составил ему компанию. Вид отсюда был примерно тот же, что из номера Лэйни, располагавшегося шестью этажами ниже, встающее солнце золотило вдали верхушки новых зданий.

– Блэкуэлл, а кто все-таки распустил слух о смерти Реза? Идору?

– Она? А почему вы так думаете? – Блэкуэлл отломил уголок тоста и теперь подчищал им с тарелки последние крошки яичницы.

– Не знаю, – пожал плечами Лэйни. – Но мне кажется, что она любит что-нибудь такое выкинуть. И что понять ее поступки ой как не просто.

– Нет, – качнул головой Блэкуэлл, – это не она. Мы сейчас все проверяем. Похоже, какая-то его мексиканская поклонница совсем взбесилась и взломала главный сайт токийского клуба весьма суровым софтверным оружием. Она действовала из Штатов, с захваченного корпоративного веб-сайта. Выпустила бюллетень, а затем обзвонила всех девиц, какие были в членском списке, чтобы вставали и мчались к этому самому «отелю любви».

Он закинул тост себе в рот, проглотил его, вроде бы и не жуя, и вытер губы салфеткой.

– Но Рез и вправду был там, – напомнил Лэйни.

– Ну да, – кивнул Блэкуэлл. – Вот мы и пробуем с этим разобраться. И вообще у нас сейчас забот выше ушей. – Он машинально потрогал свой ушной обрубок. – Нужно отмежевать Реза от этой погребальной шуточки, успокоить его аудиторию. Дать инструкции юристам, уже летящим сюда из Нью-Йорка и Лондона для переговоров со Старковым и его людьми. И с ее людьми, – добавил он. – Так что тут не соскучишься.

– А что это были за детишки? – спросил Лэйни. – Рыжая пигалица и японский хиппи.

– Рез говорит, они в порядке. Мы разместили их в этой гостинице под наблюдением Арли, пусть она с ними разбирается.

– А где нанотеховый модуль?

– Вы. Этого. Не говорили, – размеренно произнес Блэкуэлл. – И впредь не будете говорить. Сейчас формулируется официальная правда о событиях минувшей ночи, и ничего подобного в ней не

будет. Я ясно выражаюсь?

Лэйни кивнул. Нет, ну точно парапет того здания чуть-чуть сместился. Или просто свет такой? Так и не придя ни к какому выводу, он взглянул на Блэкуэлла.

– А вот скажите, вы действительно изменили свое отношение ко всей этой истории или мне только кажется? Прежде я считал вас неколебимым противником союза Реза с идору.

– Прежде так и было, – вздохнул Блэкуэлл. – Но теперь-то, похоже, дело уже сделано, верно? Нечто вроде брака де-факто. Я-то в своей старомодности все надеялся, что в конце концов он сойдется с какой-нибудь обычной девицей. Чтобы чистила его винтовку, штопала носки, родила ему ребенка-другого. Но ведь это уже отпадает, верно?

– Думаю, что да.

– В каковом случае у меня есть два варианта. Либо я бросаю этого придурка, чтобы жил как знает, либо остаюсь с ним, делаю свое дело и пытаюсь приспособиться к тому, что уж из всего этого выйдет. И в каждом, Лэйни, в каждом из этих случаев я должен помнить, что было бы со мной, не заявись он тогда в Пентридж, чтобы дать этот сольный концерт. Так вы собираетесь есть яичницу или нет?

– Я выполнил свою работу, – сказал Лэйни. – Не с тем результатом, как вам хотелось, но выполнил. Вы согласны?

– Никаких возражений.

– А тогда мне лучше отчалить. Организуйте с оплатой, и меня уже к вечеру здесь не будет.

– Что так вдруг? – удивился Блэкуэлл. – Видеть нас больше не можете?

– Нет, просто так всем будет лучше.

– А вот Яма думает совсем иначе. И Рез. Не говоря уж об ее иначестве, каковое, вне всяких сомнений, тоже имеет свое мнение на этот счет. Вас, Лэйни, прочили в судебные прогнозисты – если бы только не оказалось, что вы попросту высасываете всю эту узловую бредятину из пальца. Что, к слову сказать, очень бы меня позабавило. Но ничего подобного не произошло, так что в настоящий момент ваши услуги представляются нам более чем желательными, и ваш уход нас бы крайне огорчил.

– Я вынужден уволиться, – сказал Лэйни. – Меня шантажируют.

Блэкуэлл подался вперед, веки его вскинулись, розовый червячок в правой брови чуть шевельнулся.

– Ну неужели? – Мягкий, благожелательный голос. Голос сексолога, к которому пришел чрезмерно стеснительный пациент. – И кто же это такое придумал?

– «Слитскан», Кэти Торранс. Отчасти и по личным мотивам.

– Ну-ка расскажите мне эту историю. Во всех подробностях. Пожалуйста.

И Лэйни рассказал ему все, рассказал, что участвовал в испытаниях «5-S8», рассказал, что, по имеющимся данным, люди, подвергавшиеся действию этого препарата, рано или поздно становятся маньяками, начинают охотиться на знаменитостей.

– Я не говорил об этом раньше, – заключил он, – из опасения, что вы не захотите со мной связываться. Решите, что вдруг я тоже спсихую.

– В общем-то такие типы не редкость, – пожал плечами Блэкуэлл. – Прямо вот сейчас в Токио находится некий молодой человек, сочинивший все песни Ло и Реза, не говоря уж о таких мелочах, как весь репертуар Синего Ахмеда. Для пущей радости этот молодой человек прекрасно разбирается во взрывных устройствах, так что за ним нужен глаз да глаз. По счастью, мы тоже кое-что умеем. А потому, Лэйни, если вы когда-нибудь смените шкуру и захотите нас укусить, и нам, и вам будет лучше, если вы будете здесь, поближе к бдительному оку нашей службы безопасности.

Лэйни на минуту задумался. В общем-то, все это звучало вполне разумно.

– Ну а если «Слитскан» все-таки покажет эту запись? Вам ведь сразу захочется, чтобы я был где-нибудь подальше. Мне захочется, чтобы я был где-нибудь подальше. У меня нет семьи, нет никого, кто пострадает, но самому-то мне все равно придется с этим жить.

– Ну и как вы себе это представляете?

– Я уеду в какое-нибудь место, где люди не смотрят это говно.

– Ну что ж, – вздохнул Блэкуэлл, – когда вы найдете эту блаженную страну, возьмите меня с собой. Мы будем питаться орехами и плодами, сливаться с тем, что уж там осталось от долбаной природы. Но пока что, Лэйни, я перекинусь парой слов с этой вашей Кэти Торранс. Я ей кое-что объясню. Ничего особо сложного. Простые, предельно простые механизмы действия причинно-следственных связей. И она никогда не допустит, чтобы «Слитскан» показал миру вашего малосимпатичного двойника.

– Блэкуэлл, – сказал Лэйни, – меня она терпеть не может и хотела бы мне отомстить, но вот Реза она ненавидит, ненавидит слепой ненавистью и должна его уничтожить. Кэти Торранс – очень влиятельная особа из мощной глобальной организации. Ваши угрозы не испугают ее и не остановят, а только повысят ставку в игре. Она обратится к своей службе безопасности.

– Нет, – покачал головой Блэкуэлл, – ни к кому она не обратится, потому что это было бы грубым нарушением некоей, весьма личной договоренности, которая будет достигнута в ходе нашей будущей беседы. Именно личной, это здесь ключевое слово. Мы встретимся с ней лицом к лицу, мы построим этот незабываемый, полный глубочайшего смысла эпизод отнюдь не как представители двух безликих организаций. Наше с вашей Кэти общение может оказаться для нее более интимным и – смею надеяться – более поучительным, чем все, что она знала прежде. Потому что я внесу в ее жизнь новую непреложность, а мы все нуждаемся в непреложностях. Они помогают формированию личности. Я вселю в вашу Кэти глубочайшее возможное убеждение, что при первой же попытке нарушить нашу договоренность она умрет. И не сразу, а лишь после того, как смерть станет ее единственным, всепоглощающим желанием. – Блэкуэлл обнажил в улыбке два ряда искусственных, ослепительно белых зубов. – Так каким же конкретно способом должны были вы известить ее о своем решении?

Лэйни вынул из бумажника белую карточку с от руки написанным номером.

– Спасибо. – Блэкуэлл взял карточку и поднялся. – Жаль, что вы так ничего и не съели, такой хороший завтрак пропал. Вернетесь в свой номер, сразу позвоните гостиничному врачу, пусть он с вами разберется. И – ложитесь спать. А с этим, – он засунул карточку в нагрудный карман алюминиевого пиджака, – я уж сам разберусь.

После ухода Блэкуэлла Лэйни заметил посреди его чистой, словно языком вылизанной тарелки полуторадюймовый оцинкованный гвоздь, поставленный торчком на широкую, надежную шляпку.

По ближайшем рассмотрении бок Лэйни оказался черно-желто-синим, как флаг некоей неведомой мордобойной державы. Врач туго замотал эту красоту тривиальным микропорным бинтом, оставил на тумбочке какое-то снотворное и удалился. Лэйни проглотил снотворное, вымок хорошенько под душем, лег в постель и совсем было собрался потушить свет, когда рассыльный принес факс.

Факс был адресован К. ЛЭЙНИ, ПОСТОЯЛЬЦУ.

ДНЕВНОЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ДАЛ МНЕ РАСЧЕТ. «ЧРЕЗМЕРНО БЛИЗКИЕ ОТНОШЕНИЯ С ГОСТЯМИ». КАК БЫ ТАМ НИ БЫЛО, ТЕПЕРЬ Я СТОРОЖУ «СЧАСТЛИВЫЙ ДРАКОН», СМЕНА НАЧИНАЕТСЯ В ПОЛНОЧЬ, МОЖЕШЬ ПРИСЫЛАТЬ МНЕ ФАКС, Е-

MAIL, ТЕЛЕФОН ТОЛЬКО ДЛЯСЛУЖЕБНОГО, НО В ОБЩЕМ РЕБЯТА ЗДЕСЬ ХОРОШИЕ. НАДЕЮСЬ, ТЫ В ПОРЯДКЕ. ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННЫМ. НАДЕЮСЬ, ТЕБЕ ТАМ НРАВИТСЯ. РАЙДЕЛЛ.

– Спокойной ночи, – сказал Лэйни, роняя факс на прикроватную тумбочку, и мгновенно заснул.

И проспал до того момента, когда позвонила Арли, чтобы сказать, что она в холле и не хочет ли он выпить. Девять вечера, если верить голубенькому циферблату на углу тумбочки. Лэйни надел свежевыглаженное белье и вторую малайзийскую рубашку с правильным шагом строчки и неправильным натяжением нити. Тут же выяснилось, что «белый смокинг» надорвал пару швов на его единственном пиджаке, но ведь, с другой стороны, главный русский, Старков, не пустил этого типа в мини-вэн, так что можно было считать возмездие свершившимся.

Пересекая холл, Лэйни наткнулся на совершенно взъерошенного Раиса Дэниелза. Шустрый юрист снова защемил свою голову черным хирургическим зажимом былых бестормозных времен – надо думать, чтобы не распухла от забот.

– Лэйни! Господи! Вы не видели Кэти?

– Нет. Я весь день проспал.

– Послушайте, все это как-то дико, но я… вот клянусь, я уже начинаю думать, что ее похитили. – Дэниелз пританцовывал от возбуждения, привставая на носки роскошных замшевых мокасинов.

– А в полицию вы обращались?

– Конечно, мы сразу так и сделали, но вы бы попробовали сами, это все равно что разговаривать с долбаным и марсианами, все эти анкеты в их ноутбуках, и даже какая у нее была группа крови… А вы, Лэйни, вы, часом, не знаете, какая у нее кровь?

– Жидкая, – ответил Лэйни. – Такого вроде как соломенного цвета.

Но Дэниелз словно не слышал, он схватил его за плечо и оскалил зубы – надо думать, в их стае это означало благорасположение.

– Я вас уважаю, очень уважаю. За вашу невозмутимость.

Лэйни заметил в дальнем конце холла Арли. На ней было что-то черное и короткое.

– Вы бы поосторожнее, Райс. – Он стряхнул с себя холодную цепкую руку. – Она еще появится. Я в этом не сомневаюсь.

А затем он шел к Арли и улыбался, и она тоже улыбалась и махала ему рукой.

44. Ля пуриссима

Кья лежала в постели и смотрела телевизор. Это успокаивало нервы вроде транквилизатора. Вот и мама тоже, когда ушел отец, она тогда вообще не выключала телевизор, сидела перед ним с утра до вечера.

Но здесь было другое телевидение, японское, с девочками вроде Мицуко, только чуть помладше и в матросках, которые запускали на длинном столе громадные деревянные волчки. Здорово запускали. Это было такое соревнование, у кого дольше не упадет. Можно было включить перевод, но картинка, сопровождаемая японским, непонятно о чем, бормотанием, даже лучше успокаивала. А самым убаюкивающим были крупные планы тихо жужжащих волчков.

А вот чтобы узнать, как подает NHK все эти вчерашние заморочки, мистификации в сети и свечное действо у отеля «Дай», тут перевод был очень кстати.

Весьма, весьма пухлявенькая Хироми Огава с пеной у рта утверждала, что она знать не знает, кто это вдребезги разнес сайт ее отделения и оттуда, с еще дымящихся развалин, призвал всех токийских поклонниц Реза хором поскорбеть. Но в любом случае, подчеркнула Хироми, злоумышленником был кто-то посторонний, никак не связанный ни с одним из отделений всемирного клуба. Только Кья-то ничуть не сомневалась, что все это устроила Сона, а Хироми врет, врет по наущению этих своих знакомых из «Ло/Рез». Арли успела уже выяснить, что нападение было совершено из Аризоны, с заброшенного веб-сайта, и что раньше этот сайт принадлежал какой-то авиационно-космической компании. Откуда следовало, что Сона засветила свою секретную страну и навсегда ее потеряла. (Пускай там Арли сто раз хорошая, незачем ей знать про Сону.)

А еще показали снятые с вертолета кадры, море свечей на подступах к отелю «Дай» и ошарашенные лица спецназовцев, которым пришлось иметь дело с двадцатью пятью тысячами (приблизительная оценка) зареванных девчонок. Пострадавших было совсем немного, и все по мелочам, только одна девочка скатилась с крутой насыпи и поломала себе обе лодыжки. А вот как их всех оттуда вывезти, это была настоящая проблема, потому что девочки приезжали на такси, по пятеро-шестеро в одной машине, ничуть не задумываясь, где они поймают такси для обратной дороги. А некоторые приехали на родительских машинах и побросали их, торопясь к центру событий, где попало, что создало дополнительную неразбериху. Арестованных тоже

было немного, несколько десятков, в основном – за «незаконное проникновение».

Рез сделал публичное заявление, что он жив и здоров и крайне сожалеет обо всей этой истории, к каковой он, естественно, не имеет ни малейшего отношения. Он был в том же самом черном костюме и в той же рубашке, но уже без видеомонокля и вроде как похудощавее, это уж кто-то поработал над записью. В начале Рез улыбался и шутил, говорил, что в жизни не бывал в отеле «Дай», да и вообще ни в каком «отеле любви», а теперь, пожалуй, стоит наверстать упущенное, а затем вдруг стал очень серьезным и сказал, как ему жаль, что люди испытали столько неудобств, а некоторые из них даже пострадали из-за чьей-то безответственной выходки. В завершение он снова улыбнулся и сказал, что вся эта история была очень трогательной и произвела на него неизгладимое впечатление, потому что не так уж часто доводится человеку поприсутствовать на своих собственных похоронах.

Хозяева отеля «Дай» тоже выразили свое сожаление и тоже не понимали, как такое могло случиться. Судя по всему, здесь, в Японии, их хлебом не корми, только дай выразить сожаление или сочувствие, но эти, хозяева, сумели заодно сообщить, что в их заведении нет постоянно присутствующего персонала и что таким образом всем клиентам обеспечивается максимальная приватность. Арли потом сказала, что это реклама и можно не сомневаться, что ближайшие месяцы в отеле «Дай» не будет отбоя от посетителей, он теперь прославился.

В общем, все это подавалось как некая дурь, чреватая, однако, серьезными последствиями, избежать которых удалось исключительно благодаря хладнокровию и профессионализму полицейских, которые быстро сориентировались в ситуации, пригнали из пригородов электробусы и развезли девиц по городу.

Арли была из Сан-Франциско, работала на «Ло/Рез» и знала Реза лично, это она сидела за рулем мини-вэна и провела его сквозь зареванную толпу. А потом она сделала такое, что вообще сдуреть можно, – оторвалась от полицейского вертолета, вывернув на встречную полосу этого экспресс-вэя, для чего потребовалось перемахнуть через бетонный разделитель.

Арли привезла их с Масахико в этот отель, разместила в сообщающихся номерах, кособоких каких-то, ни одного прямого угла, но зато при каждой комнате свой отдельный душ. Она попросила их не выходить в сеть и никуда не звонить без ее разрешения, ну кроме если потребуется позвать обслугу, и ушла.

Кья тут же залезла под душ. Это было неслыханное блаженство, а те одежки, которые были на ней все это время, она

точно знала, что никогда их больше не наденет, ей и смотреть-то на них было тошно. Она взяла мешок, куда полагается класть одежду, чтобы ее постирали, покидала туда все с себя и засунула мешок в мусорную корзину. Затем она достала из сумки сменку, все там, конечно же, было мятое, словно корова жевала, но это ерунда, главное, что чистое, коже приятно. В стенку ванной был вделан электрофен, так что волосы высохли буквально в секунду, а унитаз не разговаривал, и разобраться в нем было совсем не трудно, всего три кнопки управления.

Потом она легла в постель и сразу уснула. Не слишком надолго.

Помешала Арли, она то и дело забегала посмотреть, как там Кья, и рассказывала ей последние новости, чтобы она, Кья, ощущала свою ко всему этому причастность. Арли сказала, что Рез живет в другом отеле и сейчас он там, но потом, попозже, он обязательно придет, чтобы поговорить с ней и поблагодарить ее за все, что она сделала.

Кья вроде обрадовалась, а вроде и нет. Теперь, когда она посмотрела на Реза в жизни, все то, что она знала и думала о нем прежде, поблекло и отошло на задний план, а прежнее ее восхищение сменилось чем-то неопределенным, близким к замешательству. Вневременная фигура закрепилась в настоящем, теперешнем времени, тут уж и не хочешь, а вспомнишь слова матери, что Ло и Рез немногим младше, чем она.

И было еще одно неотвязное впечатление, оставшееся от тех минут, когда Кья сидела на корточках у задней стенки мини-вэна, втиснувшись между Масахико и маленьким японцем, у которого рукав едва висел на ниточке: она взглянула в окно и увидела девочек, провожавших мини-вэн глазами. Они не знали и не могли знать, что там, на полу этой машины, сидит, накрывши голову пиджаком, сам Рез – не знали, но вроде как чувствовали. И Кья почувствовала, что никогда уже больше не будет такой, как они, одним из лиц в теплом уюте толпы. Потому что теперь она знала, что есть комнаты, которые им и во сне не снились, комнаты, в которых происходят бредовые, а порой даже попросту скучные вещи, и именно оттуда, из этих комнат, и приходят в мир «звезды». Вот эта мысль и одолевала ее сейчас, когда она узнала, что Рез придет с ней повидаться. Эта и то, что он такой старый.

И все это заставляло задуматься, что она скажет другим, у себя в Сиэтле. Да разве ж они поймут? А вот Сона поймет, это уж точно. Ей не терпелось поговорить с Соной, но Арли сказала, что пока лучше этого не делать.

Самый долгоиграющий волчок начал подрагивать, и кадр сместился на глаза девочки, которая его запустила.

Масахико открыл дверь, соединявшую (разделявшую?) их комнаты.

Волчок коснулся краем стола, подпрыгнул и покатился. Девочка прижала руки ко рту, из глаз ее брызнули слезы.

– Сейчас тебе нужно сходить со мной в Крепость, – сказал Масахико.

Кья взяла со стола дистанционный пультик и выключила телевизор.

– Так ведь Арли не велела нам пользоваться сетью.

– Она знает, – сказал Масахико. – Я с утра там сижу. – Одежда на нем была все та же, но постиранная и выглаженная; на черных пузырящихся штанинах появились безукоризненные складки, что выглядело довольно дико. – И с отцом по телефону поговорил.

– Он сильно на тебя злится? Ну, за то, что эти гуми к нему приходили.

– Арли Маккрей попросила Старкова, чтобы кто-нибудь поговорил с представителем наших гуми. Они извинились перед отцом. Но там еще история с Мицуко, ее арестовали у отеля «Дай». Это поставило его в неприятное положение.

– Арестовали?

– За попытку незаконного проникновения. Мицуко тоже участвовала в этом свечном действе. Она залезла на сетку, а там сигнализация. Набежала полиция, а она еще наверху, не успела слезть.

– И как все это утряслось?

– Мой отец договорился об ее освобождении. Но он очень расстроен.

– Мне даже кажется, что это я во всем виновата, – сказала Кья.

Масахико пожал плечами и вернулся к себе в комнату. Кья последовала за ним, прихватив по дороге с полки «Сэндбендерса», очки и наперстки.

Постель на кровати только что узлом не завязана, дверь в ванную нараспашку, за ней на залитом водой кафельном полу валяются мокрые, скомканные полотенца, туалетная полочка залита шампунем из упавшего набок флакона. В номере скопилось по меньшей мере три гостиничных подноса с полуопустошенными керамическими мисочками лапши, и все, буквально все вокруг заставлено мини-банками из-под эспрессо. За один неполный день Масахико создал вокруг себя близкое подобие своей домашней берлоги. Свой компьютер он поставил на стол, а рядом положил ту дурацкую кепочку.

– А Сону кто-нибудь видел? – спросила Кья, сдвигая к ногам кровати подушку и какой-то растерзанный журнал. Она села на

расчищенное место, поставила «Сэндбендерса» себе на колени и начала надевать наперстки.

– Не думаю, – сказал Масахико и как-то странно на нее покосился.

– Отведи меня той же дорогой, что и в первый раз, – попросила Кья. – Я хочу снова там посмотреть.

Хак-Нам. Тайваньская улица. Стены, сплошь покрытые живыми, наползающими друг на друга надписями в графике всех известных письменных языков. Сотни дверей, и каждая из них – намек на свой особый, тайный мир. На этот раз Кья не только ощущала чьи-то пристальные взгляды, но и стала замечать вокруг себя бессчетное множество полупрозрачных теней. Надо думать, именно так представлялись местные жители, кроме тех, с кем ты общался напрямую. Город бесплотных призраков. Сегодня Масахико вел ее в какое-то другое место, они не взбирались по перекрученному лабиринту лестниц, а петляли по нижнему уровню – «первому этажу», как, вероятно, называли его обитатели оригинального Хак-Нама, – и Кья вспомнила «черную дыру» на том, висевшем в берлоге Масахико, платке.

– Теперь я должен тебя оставить, – сказал Масахико, когда они влетели с кишащей призрачной жизнью улицы в огромную пустоту. – Они не хотят ничьих глаз.

Он исчез. Кья осталась одна, и сперва ей показалось, что здесь действительно нет совсем ничего, кроме тусклого света, сочащегося откуда-то сверху, но потом она присмотрелась получше и смутно различила источник этого света – прозрачный, вроде как стеклянный потолок, огромный, очень-очень высокий и сплошь заваленный какими-то смутными, проникающими друг в друга предметами. И вспомнила крыши этого города, свалку виртуального хлама.

– Странное место, правда? – спросила возникшая рядом идору; тонкая, прихотливая вышивка на ее платье горела радужным светом и двигалась. – Темно и пусто. Но он захотел, чтобы мы встретились именно здесь.

– Кто захотел? Вы не знаете, где сейчас Сона?

Перед идору возник маленький, ветхий столик, его резные, в форме драконов ножки были покрыты толстым, уже шелушащимся слоем бледно-зеленой краски. Посреди столика стоял грязный, захватанный стакан, на дне которого свернулась сороконожка. Кто-то негромко откашлялся.

– Это сердце Хак-Нама, – продребезжал знакомый голос, словно собранный из тысяч и тысяч сухих, древних и хрупких звуков. – Традиционное место для серьезных бесед.

– Вашей подруги нет, – сказала идору. – Я хотела известить вас об этом сама. А он, – жест в сторону стакана, – добавит подробности, которые я не понимаю.

– Как это «нет»? – удивилась Кья. – Там же просто прикрыли ее сайт, а сама она, Сона, так и сидит в этом Мехико-сити со своей шайкой.

– Ее нет нигде. – В голосе Этруска прорезалось нечто вроде сочувствия.

– Когда вас оттуда забрали, – сказала идору, – забрали из этой комнаты в Венеции, ваша подруга обратилась к софтверу вашего компьютера и активизировала видеокамеры в ваших очках. То, что она увидела, заставило ее предположить, что вам угрожает серьезнейшая опасность. Как оно, видимо, и было. Насколько я понимаю, у нее тут же зародился план. Вернувшись в свою тайную страну, она связалась с сайтом токийского отделения общества почитателей группы «Ло/Рез» и приказала Хироми Огава, президенту этого отделения, обнародовать сообщение о смерти Реза в отеле «Дай». В противном случае она угрожала применить оружие, которое развалит сайт токийского отделения.

– Нож, – догадалась Кья. – Так он что, настоящий?

– И крайне незаконный, – заметил Этруск.

– Когда Огава отказалась, – продолжила идору, – ваша подруга пустила свое оружие в ход.

– Что, – пояснил Этруск, – рассматривается законодательством каждой из вовлеченных в эту историю стран как тяжкое преступление.

– Да, – согласилась идору, – а затем она воспользовалась остатками уничтоженного сайта и сама разослала это сообщение, после чего к отелю «Дай» начали стекаться толпы потенциальных свидетелей.

И снова ее сменил Этруск.

– Но в результате, – сказал он, – ваша подруга раскрыла свое присутствие на заброшенном веб-сайте. Это дошло до сведения первоначальных владельцев сайта. Ваша подруга его покинула, однако они организовали преследование и в конечном итоге вынудили ее расстаться со своим образом.

– С каким еще «образом»?

Кья заранее знала ответ и боялась его услышать.

– «Сона Роса» – это образ, который создала себе Мерседес Пуриссима[33] Варгас-Гутьерес. Ей двадцать шесть лет, и она является жертвой энвиронментального[34] синдрома, очень распространенного в федеральном округе Мехико. – Сейчас его голос был как шелест дождя по тонкой железной крыше. – Она –

дочь весьма преуспевающего адвоката по уголовным делам.

– Ну, тогда-то я ее найду, – обрадовалась Кья.

– Только она бы этого не хотела, – сказала идору. – Мерседес Пуриссима тяжело и безнадежно искалечена. Последние пять лет она живет в почти полном пренебрежении своей телесной сущностью.

Кья сидела и тихо плакала. Масахико снял с глаз присоски и подошел к кровати.

– Сона… – всхлипнула Кья. – Соны больше нет.

– Я знаю, – сказал Масахико и сел рядом с ней. – Ты так и не дорассказала мне историю «Сэндбендерсов». Мне интересно. Что там было дальше.

И она начала рассказывать.

45. Счастливый

– Колин, – пробормотала она заплетающимся со сна языком, – что это ты там делаешь?

Светящаяся панель деревянного телефона.

– Звоню в Лос-Анджелес, в «Счастливый дракон».

– Куда?

– Магазинчик такой. Круглосуточный.

– В три часа ночи…

– Нужно поблагодарить Райделла, сказать ему, что с работой все удачно.

Она тяжело вздохнула, перекатилась на другой бок и накрыла голову подушкой.

За окном, вдали, янтарными иззубренными утесами высились новые здания, освещенные огнями огромного города.

46. Сказки реконструкции

Ей снился низкий, отмелистый берег, усыпанный сплющенными обломками бытовой электроники, снились суетливые, похожие на крабов твари с полосатыми, как древние резисторы, лапками. Токийский залив, спеленутый серым туманом, в старых фильмах эта колышащаяся завеса временно скрывала ужасы начальных кадров – инопланетную армаду либо каких-нибудь там чудовищ.

Она ступила в воду и пошла дальше; с каждым шагом Хак-Нам поднимался все выше, но, по искаженной логике сна, не становился ближе. Море лизало ей щиколотки. Крепость растет. Взращивается. Из ткани берега, обломков и останков мира бывшего – мира, бывшего при прежнем порядке вещей. Из миллионов тонн хлама, ссыпанного сюда баржами и исполинскими грузовиками в ходе великой реконструкции. А теперь здесь суетятся крошечные жучки Родель ван Эрпа, суетятся, вознося железные клетки будущих комнат, бессчетные, беспорядочные окна, прорезающие серую пелену тумана девственно чистыми серебряными прямоугольниками. Продукт беспорядочного людского сошествия, чудовищный и великолепный, он воссоздается по образу и подобию своей вторичной, бесплотной версии.

Инфракрасное трепыхание будильника. Черно-желто-красный платок, выхваченный из тьмы галогенным сиянием софита, в центре платка – прямоугольник, репрезентирующий безадресную пустоту, килл-файл из легенды. Врубив эспрессницу, Кья откладывает пульт и снова сворачивается калачиком, слушая тишину, которую скоро прорежет нарастающее сипение пара. Теперь она чуть не каждое утро проводит в городе, на Сай-Шин-роуд, в своей любимой парикмахерской, где можно узнать все последние сплетни. Случается, сюда заходит Этруск, в компании Клауса и Петуха и прочих духов, с которыми он водится, и Кья им ничуть не мешает. Она этим очень гордится, ведь вот, скажем, к Масахико отношение совсем другое, вроде как к постороннему. Интересно, они и вправду старые, невероятно древние или просто ведут себя так? Как бы там ни было, они обычно обо всем узнают первыми, и она научилась это ценить. И Этруск уже пару раз намекал на какую-то свободную комнату, совсем-совсем маленькую, но зато с окном, выходящим вроде бы на Лун-Чунь-роуд.

И вообще заметно, что Этруск хорошо к ней относится. Странно это даже, ведь все говорят, что по большому счету ему

никто не нужен, а вот же он восстановил папин счет, даже хотя она забыла вернуть этот ключ и там жуть сколько набежало (ключ от семнадцатого номера лежит теперь в красивой, из муарового шелка, косметичке, которую ей дали в самолете, когда летела домой; он из белого пластика и сделан по форме старых механических ключей, магнитная полоска расположена вдоль длинного стержня, а плоский конец в виде короны, какую носят принцессы. Иногда Кья достает его и рассматривает, хотя чего там такого увидишь, просто кусок грошового пластика).

Этруск и другие всю дорогу шпионят за «Проектом», как они это дело называют. Они говорят, что остров идору все еще не закончен. Он вроде бы уже и есть, но недостаточно стабилен, и прежде, чем начать строительство, пусть даже и с помощью нанотехов, его нужно укрепить, а то вдруг опять землетрясение. Кья иногда задумывается, а что, интересно, сделают со своим островом эти русские, а иногда она думает, а как там Мэриэлис, и Эдди, и Калвин, тот парень из «Виски Клона», который выволок ее оттуда, хотя какое ему вроде бы было дело, что там с ней будет и как. Но теперь, когда столько забот, и Крепость, и школа, кажется, что все это было очень давно.

Мама, похоже, догадывается, что она не ездила тогда к Эстер, хотя прямо ничего и не говорит, а только пару раз ни с того ни с сего пускалась в объяснения насчет контрацептивов и безопасного секса. Да и вообще, если разобраться, она была там немногим более двух суток, не считая, конечно, того времени, что в самолете, потому что Рез так и не сумел выкроить времени, чтобы зайти и сказать ей спасибо, а Арли сказала, что лучше бы вернуться домой поскорее, пока никто не начал задавать вопросы, и что зато они отправят ее рейсом «Джапан Эйр Лайнс», первым классом. Так что она, Арли, тем же вечером отвезла ее в Нариту, только не на том зеленом мини-вэне, потому что его уже отправили на свалку. А Кья все еще убивалась насчет Соны и из-за этого чувствовала себя полной дурой, потому что ей казалось, что умерла ее лучшая подруга, но ведь эта подруга никогда, по сути, и не существовала, а зато была эта девушка в Мехико-сити с ее кошмарными проблемами, и в конце концов как-то так вышло, что она ревела и рассказывала все это Арли.

А Арли сказала, ты просто подожди. Ведь эта девушка из Мехико-сити, она больше чем кто угодно другой нуждается в том, чтобы быть кем-нибудь другим. И какая разница, что она не была Соной, если она создала Сону, а это ничуть не меньшая реальность. Просто подожди, сказала Арли, и обязательно появится кто-то другой, кто-то совсем новый и будет такое чувство, что он тебя уже знал. А Кья сидела рядом с Арли в ее

быстрой маленькой машине и думала, как это будет.

– Но я же никогда не смогу сказать ей, что я ее знаю.

– Нет, это сразу все испортит.

В аэропорту Арли купила ей билет на ближайший рейс «JAL», проводила в зал ожидания (нечто среднее между баром и приемной очень богатого концерна) и дала ей сумку с фирменной курткой группы технической поддержки «Ло/Рез». Куртка была специальная, от турне по Комбинату, с датами всех концертов, вышитыми на трех языках, ее рукава были из прозрачной синтетики с подкладкой, переливающейся, как ртуть. Арли сказала, что это полный отстой, но, может, у нее найдется дружок или подружка, кому такое нравится.

Кья так ни разу и не надела эту куртку и даже никому ее толком не показала, просто запихнула в пластиковый мешок из химчистки и повесила в шкаф. И с отделением своим стала общаться поменьше (Келси, к слову сказать, вообще куда-то сгинула). И никому там не рассказывала про эти японские заморочки, ведь все равно же толком не врубятся, тем более что есть моменты, которые вообще нельзя рассказывать.

А главное, что теперь все ее время уходило на Город, потому что там были Рез и Рэи, две из множества теней, почти не отличимые от прочих, но все же отличимые. Работали над своим «Проектом».

Многим эта идея не нравилась, но многим и нравилась. Например – Этруску. Он сказал, что это самая дикая бредятина с того самого времени, как вывернули наизнанку тот, первый килл-файл.

Иногда Кья думает, что они просто пудрят всем мозги, потому что кто ж это сможет сделать такое? Построить эту штуку в Токийском заливе, на насыпном острове.

Но идору сказала, что теперь, поженившись, они непременно хотят жить в Городе. А потому обязательно его построят.

И если у них получится, подумала Кья под змеиное шипение раскочегарившейся эспрессницы, я тоже уеду туда.

notes

Примечания

1

Хитиноподобный пластик – пластик, похожий на хитин, наружный твердый покров ракообразных, насекомых и членистоногих. От хитон – род одежды (греч.).

2

Мандибулы – нижние челюсти насекомых. От mando – жевать (лат.).

З

Тэззи – прозвище жителей Тасмании.

4

Анри Руссо (1844–1910) по кличке Таможенник – французский художник-примитивист, часто изображал тропическую природу.

5

Сан-Хуаны – острова Сан-Хуан, принадлежащие США и расположенные вблизи от тихоокеанского побережья на стыке США и Канады.

6

Здесь и дальше Гибсон употребляет слово «meshback», буквально обозначающее летнюю кепочку с сетчатым затылком, как якобы существующую идиому для провинциальной ограниченности и т. д., см. по тексту. Соответствует русскому «деревня», «темнота», «придурок».

7

«Си-Так» – аэропорт «Сиэтл-Такома». Такома – портовый город в штате Вашингтон, примерно в 100 км к югу от Сиэтла.

8

Дрожь, содрогание (франц.).

9

Топека – умеренных размеров город, столица Канзаса.

10

Будокан («Ниппон будокан») – спортивно-концертный комплекс в Токио; по основному профилю и в буквальном переводе – «Дворец боевых искусств». Концертные альбомы «Live at Budokan» выпускали Боб Дилан, Эрик Клэптон, Ян Гиллан, Оззи Осборн и т. д. и т. п.

11

Эндоморфный – пикнический, «тяжелый» тип телосложения; характеризуется относительным преобладанием структур, развившихся из зародышевой энтодермы.

12

Dukes (англ.) – герцоги, Nuke'em = Nuke Them (англ.) – «раздолбите их атомными бомбами», но при этом все название в целом произносится как «Герцоги Ньюкемские» – титул несуществующий, но звучащий вполне натурально. Источником названия группы является, по-видимому, компьютерная «стрелялка» «Duke Nukem».

13

Дымящееся Зеркало (Тескатлипока) – один из основных богов у большинства племен южноамериканских индейцев. Тескатлипока – судья и мститель за все злое, он всеведущий, беспощадный и крайне непредсказуемый в своих деяниях.

14

Procol Harum, «A Whiter Shade of Pale».

15

«Оргонную энергию», пронизывающую все мироздание, придумал австрийский, позднее американский психоаналитик Вильгельм Райх (1897–1957).

16

Город Нашвилл, столица штата Теннесси, считается заодно и столицей кантри-музыки.

17

Давно существует идиома «субботний специальный» (Saturday night special), обозначающая дешевенький, легко добываемый револьвер.

18

Техническая деталь. У кровельных гвоздей больше шляпка.

19

Блэкуэлл употребляет здесь специфически австралийский оборот «good on you».

20

«Львиный город» – буквальный перевод названия Сингапур.

21

Акихабара – квартал в Токио, знаменитый изобилием магазинов бытовой электроники.

22

Понятие «информационный рай» образовано по модели существующего понятия «налоговый рай».

23

«Свободное влагалище», или «Бесплатное влагалище», или даже – «Свободу влагалищу» (англ.).

24

Очевидным образом Дзюн употребляет термин японского буддизма «укиё», переводимый на английский язык как «floating world», а на русский – как «текучий мир», «бренный мир» или, что чаще, оставляемый вообще без перевода.

25

Популярный герой комиксов-вкладышей в американскую жевательную резинку, появился в 1954 г.

26

Art Deco (франц.) – букв, «декоративное искусство», стиль 1920-1930-х гг., отличающийся яркими красками и геометрическими формами.

27

Гоми (яп.) – мусор, хлам.

28

По фамильярному прозвищу принцессы Дианы «Леди Дай» (английское произношение ее имени – Дайана).

29

Банф – национальный парк (и город) на юго-западе Канады.

30

Маки (яп.) – рулетик. Может быть мясным или одна из разновидностей суси.

31

Casino (um.) – домик. Читается «касино».

32

Сент-Килда – крошечные островки из группы Гебридских.

Purissima (исп.) – чистейшая, непорочная, честнейшая и т. д.

34

Энвиронментальный – связанный с окружающей средой, обычно с ее загрязнением. Гибсон раз за разом рисует Мехико-сити недалекого будущего как город с кошмарно загрязненной атмосферой.